

ХРАМ УСПЕНИЯ
ПРЕСВЯТОЙ
БОГОРОДИЦЫ
СЕЛА ШАРАПОВО-
НОСОВО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ
О ХРАМЕ И ЕГО
ОКРЕСТНОСТЯХ

2015

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 Исторические сведения о селах Шарапово и Носово
- 7 О часовом производстве в Шарапове
- 17 Дело о строительстве каменной церкви в Шарапове
- 19 Шараповская земская школа
- 20 «И о всех служивших во святем храме сем...»
- 23 Открытие почтового отделения в Шарапове
- 24 От Российской империи к СССР
- 26 Шараповская школа-«семилетка»
- 26 Гонения за веру
- 27 О решении закрыть храм
- 28 Возрождение приходской жизни в Шарапове
- 37 О совхозе им. XXII съезда КПСС
- 41 Современная жизнь прихода
- 42 Строительство крестильни
- 44 Вместо послесловия
- 46 Научный отчет об историко-культурных исследованиях памятника археологического наследия селища Ястребки (бывшего Носова погоста) на территории Шараповского сельского округа Одинцовского района Московской области
- 88 Клировая ведомость
- 101 Дело о регистрации устава «Народного дома» в Шарапове
- 103 Дело об открытии почтового отделения в Шарапове
- 111 Дело о постройке каменного храма при деревне Шарапово прихода села Носово Звенигородского уезда
- 123 Опись изъятых после революции из храма ценностей
- 124 Решение о закрытии Успенской церкви Звенигородского уезда
- 129 Фотографии

Книга, которую вы держите в руках, составлена в год празднования 130-летия нашего храма и содержит краткую летопись приходской жизни: архивные документы и фотографии, свидетельства прихожан. Из имеющегося фактического материала мы попытались создать повествование о современном храме Успения Пресвятой Богородицы в селе Шарапово и о храмах, предшествующих ему, об исторической действительности, на фоне которой происходили события приходской жизни. Со временем появилась идея расширить повествование, включив в него, помимо церковной летописи, хроники сельской жизни.

К сожалению, многое, что могло быть передано о жизни храма и села, унесли с собой старшие поколения, многое забылось или перепуталось в памяти ныне живущих. Но и из того, что есть, можно рассказать немало поучительного и интересного.

Книга состоит из двух частей: первая — летопись, которая охватывает период с XV века и по сегодняшний день, а вторая — копии архивных документов и научный отчет об историко-культурных исследованиях селища Ястребки (бывшего Носова Погоста) А.В. Алексеева, заместителя директора Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина. В этом отчете также содержится богатый иллюстративный материал и воспоминания М.М. Осоргина.

Прошу всех, кто потрудился и внес свой вклад в создание этой книги, принять слова искренней благодарности:

Марию Андреевну Сайгушеву и ее дочь Ольгу; Татьяну Александровну Иванову — главного редактора газеты «Экономика и жизнь», Ольгу Сергеевну Королькову и Екатерину Николаевну Гончар; Ольгу Эмильевну Алексееву — заведующую Шараповской сельской библиотекой; Алексея Викторовича Алексеева и Дмитрия Александровича Седова, заместителя директора Звенигородского историко-архитектурного музея; Александра — сотрудника Одинцовского городского архива; администрацию Шараповской сельской школы, а также жителей села и прихожан нашего храма — Елену Юльевну Медведеву, Владимира Васильевича Клевцова, Николая Сергеевича Мазова, супругов Кошемановых, Бориса Александровича Николаевцева, Галину Петровну Якимову и многих других.

К ЧИТАТЕЛЮ

Когда 12 лет назад я обратился в Центральный исторический архив с просьбой о предоставлении сведений о нашем храме, то не подозревал, что обращение к событиям давно минувших лет может быть столь интересно.

Интерес в том, что историческую картину прошлого, далекого или близкого, можно сравнить с мозаичным панно, большинство фрагментов которого, скорее всего, безвозвратно утеряно, и ищущему ответа, какую была эта картина прошлого, по имеющимся в наличии документальным свидетельствам, остается только предполагать. Поэтому поиск становится увлекательным и поучительным занятием. Судя по ответу из архива, следовало, что нынешний храм в Шарапове третий, но вызывало недоумение двойное название села: Шарапово-Носово. Оказалось, что это не одно селение, менявшее на протяжении столетий свое название, а два села, расположенные друг от друга на расстоянии одной версты, но так тесно связанные между собой, что на первый взгляд казалось, будто деревянный храм села Носово это одновременно храм и села Шарапово.

Но это на первый взгляд...

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛАХ ШАРАПОВО И НОСОВО

Отдавая должное хронологии, справедливо начать наше повествование с упоминания самого древнего в нашем районе города и монастыря.

На основании археологических раскопок можно утверждать, что Звенигород существовал еще в домонгольское время и название свое получил от одного из городов Киевской Руси. Жители этих городов, страдая от набегов кочевников и княжеских усобиц, уходили в Северо-Восточную Русь, где полагали начало новым селениям, называя их родными именами. Если время основания Звенигорода точно неизвестно, то монастырь на берегу реки Сторожки был основан в самом конце XIV века. Основателем обители стал игумен Савва — один из ближайших учеников преподобного Сергия Радонежского. Звенигородский князь Юрий, сын прославленного великого князя Дмитрия Донского, весьма деятельно покровительствовал монастырю, построив белокаменный соборный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Саввино-Сторожевский монастырь был не единственным на Звенигородской земле: в писцовых книгах есть упоминание, по крайней мере, о шести монастырях, подобно московским, окружавшим Звенигород со всех сторон.

В 9 км юго-западнее Звенигорода находился небольшой Успенский Софрониев монастырь, где позднее располагался

Успенский погост — место сбора звенигородскими князьями дани и подати с окрестного населения.

И здесь, близ монастыря, в XV–XVI веках появляется деревня Носово, которая в начале XVII века числилась за Михаилом Григорьевичем Челюскиным.

А в середине XVI века (согласно сохранившимся документам — в 1558 г.), во времена Ивана Грозного, недалеко от Носова, в верховьях небольшой речушки, впадающей справа в реку Сетунь, находилось село Шерапово с деревянной церковью во имя Николая Чудотворца. В окрестностях села существовал Никольский пустовой погост Звенигородского уезда Городского стана, земля которого располагалась по обоим берегам ручья (оврага). Никольский же храм и кладбище были расположены северо-восточней Погоста, ближе к ныне существующей церкви.

Шерапово возникло на стыке двух дорог, ведущих к Саввино-Сторожевскому монастырю. Название поселения может происходить от личного имени Шарап, возможно, от тюркского «честь, слава», либо от русского «разграбление».

По версии Виктора Федоровича Воробьева — местного краеведа, собирателя коллекции шараповских часов — первым строением в селе стал постоялый двор, в котором останавливались на ночлег паломники-богомольцы, шедшие в монастырь из разных мест. Хозяева постоялого двора подпайвали и обирали постояльцев, «брали на-шарап» (по словарю В.И. Даля: «шарап», «шерап» — условленный грабеж, «взять на-шарап» — разграбить, расхватать по рукам; «Шарап, ребята!» — призыв к расхвату, расхищению), отсюда и пошло название села. Позже оно становится вотчиной Саввино-Сторожевского монастыря наряду со 180 близлежащими деревнями и селами. Шераповские крестьяне снабжали монастырское подворье хлебом, овощами и дичью, добываемой в окрестных лесах.

В период Смутного времени село Шерапово и деревня Носово подверглись разорению: самозванец Лжедмитрий и его приспешники, направляясь в московский Кремль, разорили монастырские деревни, грабили и жгли дома, заставляя людей уходить в леса.

Успенский Софрониев монастырь, пережив Смуту, в XVII веке был приписан к Саввино-Сторожевскому монастырю, а позднее был упразднен¹.

Сведения об этом монастыре крайне скудны: время и место основания предположительно известны, а название указывает, что главный храм был посвящен Пресвятой Богородице, в честь Ее Успения. Имя «Софрониев» означает, что придел Успенского

¹ Единцовская земля. Энциклопедия сел и деревень Подмосковья. К.А. Аверьянов. М., 1994

храма или, возможно, отдельный храм монастыря были освящены во имя святителя Софрония, Патриарха Иерусалимского или преподобного Софрония, затворника Киево-Печерского, память которых совершается 11/24 марта.

Великая Смута была прекращена в 1613 году венчанием на царство Михаила Федоровича Романова.

Писцовая книга 1624 года упоминает на месте, «что было село Шарاپово» лишь пустошь. К середине XVII века эта пустошь вновь заселяется, и в переписных книгах 1678 года Шарاپово значится «деревней, в которой состояло 8 дворов бобыльских, в них 21 человек». В 1705 году в деревне Шарاپово было 16 крестьянских дворов.

В 1626 году пустошь, где находилось Носово, была отдана из Поместного Приказа в поместье Елеазару Маркову, потом именовании владели его племянники Семен и Михаил, который в 1678 году пустошь заселил крестьянами и назвал деревней. С 1685 года ею владел Михаил Алексеевич Воинов, а в 1698 году Носово было пожаловано ему из «поместья в вотчину, за вечный мир с польским королем»².

После этого, в 1702 году, Михаил Алексеевич строит Успенскую деревянную церковь и деревня становится селом Успенским, Носово тож. В записной книге Патриаршего Приказа о выданных антиминсах за 1702 года значится:

«...октября в 3 день в новопостроенную в село Носово церковь Успения Пресвятыя Богородицы, в Звенигородский уезд, по благословенной грамоте выдан антиминс». (Антиминс — льняной плат с частицей мощей для совершения Литургии. — Прим. сост.)

В причте Успенской церкви в 1705–1715 годах состояли священник Иоанн Никитин, псаломщик Григорий Степанов и пономарь Агап Пафомов.

Таким образом, на последующие почти два столетия деревня Шарापово была приписана к Успенской церкви прихода села Носово.

После 1764 года Шарापово перестает быть собственностью монастыря: императрица Екатерина II провела секуляризацию церковных имуществ (обращение церковной собственности в светскую).

Бывшие монастырские крестьяне перешли в собственность государства и стали «экономическими», так как для управления ими была создана Коллегия экономии. Описание конца XVIII века сообщало, что деревня Шарापово входила в состав «экономической» Покровской волости и стояла по обе стороны Большой Верейской дороги. В ней в 23

² Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии. М., 1882. Вып. 2. С.106-107

крестьянских дворах проживало 111 душ мужского и 90 душ женского пола.

Кстати, с именем Екатерины Великой, вернее с ее посещением Звенигородской земли, связано одно предание. Проезжая по этой древней дороге, императрица встречала повсюду выражение народного почитания и благоговения: в Шарапове в честь царственной особы по обеим сторонам дороги были посажены березы.

По сведениям 1852 года «деревня Шерапова» состояла в ведомстве Государственных имуществ и насчитывала 38 крестьянских дворов с населением в 290 человек.

Село Носово постепенно приходило в запустение, и к концу XVIII века здесь находилось всего два двора, и не было постоянного населения, а пашня обрабатывалась крестьянами Ястребков; в пятницу перед Ильиным днем здесь проводилась Носовская ярмарка.

Шарапово же, напротив, в конце XIX века, благодаря появлению и развитию часового промысла, становится центром Шараповской волости Звенигородского уезда Московской губернии, в которую входил 31 населённый пункт:

Аляухово — усадьба графа Гудовича (16 дворов), Аниково — усадьба Лопатиных (13 дворов), Белозёрово — усадьба Переплётчикова (28 дворов), Богачёво (29 дворов, земская школа), Брёхово — усадьба Сушкина (40 дворов), Бушарино (15 дворов), Власово (29 дворов), Волково (31 двор), Гигирёво — усадьба Прохорова (12 дворов), Гришаково — усадьба Артинок (44 двора), Ивонино-I — усадьба Соколова (15 дворов), Ивонино-II (3 двора), Мартьяново — усадьба Голицына (13 дворов), Михайловское — усадьба Рекец (9 дворов, церковно-приходская школа), Мащенко — усадьба Недачина (10 дворов), Никифоровское (42 двора), Никольское (117 дворов, церковно-приходская школа, казённая винная лавка, 3 чайные), Пестово (25 дворов), Петелино — усадьба Виноградова (29 дворов, чайная лавка), Пронское (55 дворов, чайная лавка), Раево (20 дворов), Рязань (53 двора), Татарки (68 дворов, казённая винная лавка, 2 чайные), Хотяжи (85 дворов, чайная), Часовня (142 двора, церковно-приходская школа, 2 чайные, кирпичный завод), Часцы (108 дворов, земская школа, 2 чайные), Ястребки — усадьба Дювернуа (18 дворов).

В Шарапове в то время находились 72 крестьянских двора с населением более 400 человек, волостное управление, квартира урядника, земская школа и библиотека, сельское училище, 3 чайные и 3 часовые мастерские.

О ЧАСОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ШАРАПОВЕ

Основными занятиями шараповских крестьян долгое время оставались охота в местных лесах (в том числе ястребиная — здесь издавна гнездились ястребы, лучшие помощники охотников на дичь в условиях пересеченной местности) и возделывание малоплодородной земли, урожая с которой едва хватало, чтобы впроголодь дотянуть до следующей весны. На отдельный двор Шараповской волости приходилось от 5 до 15 десятин земли (1 десятина — немногим более 1 га), но большинство крестьян владело землёй от 2,5 до 5 десятин на человека. С такими наделами крестьянину с большой семьёй прокормиться без заработка на стороне даже при хорошем урожае было трудно, тем более что на песчаной с примесью суглинка почве, преобладающей в волости, хорошие урожаи были редкостью (исключение составлял картофель). По сведениям 1913 года из 50 крестьянских дворов лишь 7 хозяйств обходились своим хлебом до будущего урожая, большинству зерна хватало только на 3–4 месяца. Количество домашнего скота, служившее показателем благосостояния населения, было весьма незначительным: 3 коровы имелись в одном хозяйстве, 2 коровы в 16 хозяйствах, а в 27 хозяйствах — не более 1 коровы. Каждое четвертое хозяйство было безлошадным, в общем же преобладали хозяйства с одной лошадей. Самую тяжёлую часть крестьянского труда приходится выполнять женщинам, которые пашут, сеют и возят лес. Мужчины же принимают участие только в сенокосе и жатве.

Среди других промыслов исследователи Холмогоровы отмечали наличие в Шарапове в 1852 году «двух нанковых светлиц», то есть ткацких мастерских, в которых работали местные крестьяне. В некоторых избах встречался и иконописный промысел.

Скудность земли и низкая доходность основных занятий крестьян деревни Шарапово обусловили возникновение в 60-х годах XIX века часового промысла, ставшего первым массовым производством часов в России.

Первым, кто занёс его в эти края, был местный крестьянин Пётр Егоров, ранее работавший в Москве в оптическом заведении купца Московского (заведение помимо всего прочего производило дешёвые «сорта» стальных часов). Вместе с Герасимом Афанасьевым они организовали «ёкольное» производство, название которого произошло от немецкого *jokeluhren*, что означает «дешёвые стальные часы небольшого размера» (по Т.А. Фокиной³).

До 1875 года часы производились в трёх избах села Шарапово домохозяевами и членами их семей количеством до 1500 штук в год.

³ Фокина Т.А. — старший научный сотрудник, хранитель коллекции часов и приборов точного времени Политехнического музея

Первую мастерскую с применением машин и ученического труда в 1875 году открыл Герасим Афанасьев, затратив на оборудование всего 25 рублей. Оборудование состояло из простейшего самодельного токарного станка, приводимого в движение ногой, делительной машины, служившей для нарезки зубцов на колёсах часовых механизмов, а также более мелких инструментов — тисков, молотков собственного изготовления и прочего. Свои первые настенные часы с боем, показывавшие не только время, но и числа месяца, Афанасьев сделал во Франции, куда он, по всей вероятности, был послан с поручением от московского завода, будучи его рабочим. В собственной мастерской Афанасьев поначалу работал сам с двумя мальчиками, отданными к нему в обучение. Чистая прибыль мастерской в первые годы её существования была довольно большой — до 50 рублей в месяц, что объяснялось высокой для того времени ценой на часы-ходики (около 3 рублей за штуку) и отсутствием конкуренции.

Предприятие Афанасьева развивалось: с 1882 года стали применять пресс для штамповки по шаблону кружков для колёс и маятников, которые до этого вырезали ножницами. Афанасьев работал наравне с наёмными рабочими, сам упаковывал часы в ящики и на лошадях отвозил в Москву, на путь до которой требовалось тогда около 3 суток. Только с начала 90-х годов XIX века часы стали доставлять на лошадах на станцию Кубинка Александровской железной дороги, находившуюся в 10 верстах от Шарапова, а оттуда в Москву. Доставив часы в город, производитель-кустарь покупал материалы, необходимые для дальнейшей работы. Позднее многое, например гири для часов, начали производить на месте и в окрестных деревнях.

В 1882 году часы Афанасьева демонстрировались на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве. Эксперты отмечали как новизну самого дела — изготовление простых настенных часов — «ходунцов» кустарным способом, так и качество (в том числе точность хода) продукции.

В 1896 году изделия Афанасьева снова выставлялись

Мастерская В.И. Платова
в Шарапове

на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, где было отмечено стремление мастера удешевить производство: рисованные циферблаты были заменены более практичными, отпечатанными на бумаге и жести.

В 1899 году в шараповском часовом промысле было занято уже 59 человек, и, кроме мастерских, часы производили в 9 дворах села. Прирост занятых в производстве обеспечивался за счёт пришедших наёмных рабочих.

В Шарапове кроме мастерской Афанасьева возникли «ёкольные» мастерские других предпринимателей, среди которых наиболее крупным было производство Василия Ильича Платова.

По рассказам односельчан, до организации часовой мастерской Платов был «золотариком», то есть занимался чисткой отхожих мест в Москве, используя в своей работе 18 собственных лошадей. На накопленный капитал была открыта часовая фабрика, со временем ставшая одним из самых крупных часовых производств Звенигородского уезда.

Оборудование фабрики состояло из 15–20 ножных токарных станков, 3 ручных винтовых прессов и нескольких станков для фрезеровки колёс. Весь необходимый для часового производства материал закупался в Москве, триб-сталь получали из-за границы. Позже открыл часовую мастерскую и младший брат Василия Ильича Платова — Степан Ильич. Часы братьев Платовых экспонировались на различных российских выставках. В «Вестнике Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 года» (выставка проходила в Санкт-Петербурге) была помещена реклама: «Фабрика часов В.И. Платова-старшего села Шарапово Московской губернии Звенигородского

уезда предлагает большой выбор стальных часов без боя и с боем, круглых, с колоколами, будкою, скворешницей, домиком и др.».

Постепенно объём производства шараповских часовых предприятий возрастал, а предприниматели из мелких кустарей превращались в руководителей значительных мастерских. Так, в 1906 году на самой крупной в Шарапове фабрике Платова работали 110 рабочих и около

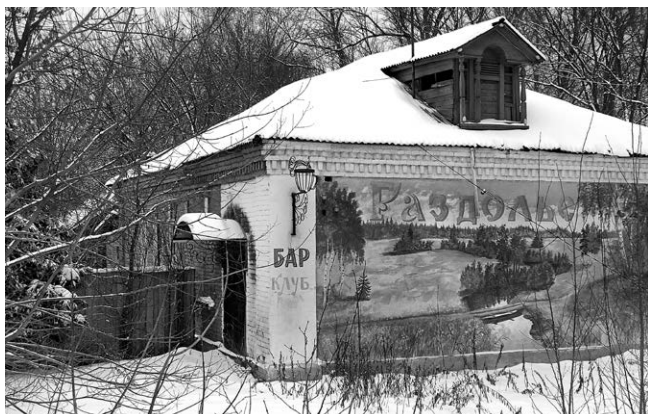
Цепочницы за работой
(в Шарапове)

50 кустарей-надомников, производивших до 50 тысяч часов в год. По приблизительному подсчёту владельцев мастерских общее годовое производство часов в Шарапове определялось 95 тысячами штук, около половины которых по заказам московских торговых фирм поставлялось в Москву, а остальные расходились по другим городам европейской части России и Сибири. В конце XIX века в часовых мастерских развивается разделение труда, характерное для мануфактурного производства.

Особым подсобным промыслом становится изготовление цепей для часовых гирь. В Шарапове вязкой цепей была занята каждая мало-мальски свободная от других работ женщина. В среднем каждая работница при 10–12-часовом рабочем дне могла связать 100 цепей за три дня, зарабатывая от 2 до 5 рублей в месяц. Помогали вязать цепи и маленькие девочки 5–8 лет, получавшие за свой труд по 10 копеек за сотню цепей. Часто женщины из одной семьи работали сообща, выполняя каждая свою операцию по сбору цепи. Работницы обеспечивали цепями не только шараповские, но и московские мастерские: посредники из местных крестьян получали от московских заказчиков свитую медную проволоку и отдавали цепочницам, уплачивая им по 50 копеек за сотню цепей и сдавая цепи в Москве по рублю. Сложный и кропотливый способ вязки цепей вручную был заменён механическим только в 1914 году — на московской часовой фабрике Рейнина была установлена машина, производительность которой втрое превышала выработку женщины-цепочницы. Так же как плетение цепей, почти в каждой шараповской избе было налажено производство так называемых скамеек — деревянных корпусов для «ёколей», которое не требовало больших затрат, сложных инструментов и квалификации и обеспечивало работой стариков и детей. Основными профессиями часового производства становятся штамповщики, сборщики часовых механизмов и корпусов, изготовители гирь, вязальщицы цепей. Среди специалистов были лекальщики, мастера по украшению корпусов, оформители циферблатов, чьим «дизайнерским» талантам могли бы позавидовать современные часовщики.

Здание, где проводились испытания на прочность хода, отливались гири для часов

Часы с изображением
генерала Н.П. Линевича

Часы с пейзажем

В экспозиции Политехнического музея г. Москвы сохранились ходики фабрики Платова с изображением главнокомандующего русской армии времён русско-японской войны генерала Н.П. Линевича и часы с сельским пейзажем на циферблате.

На циферблатах помещались и изображения медалей, полученных мастерами на различных выставках (часы фабрики Платова имели 5 медалей).

Для производства часов шарاپовские мастера широко использовали местные материалы: корпуса делали из еловой, берёзовой, ольховой древесины, для заполнения гирь использовали промытый речной песок (позднее — металлические отходы), украшения для часов с боем изготавливали токари деревни Ликино, резные из дерева — местные столяры.

Условия труда и быта большинства часовщиков в шараповских мастерских были примерно одинаковыми. Рабочий день в крупных мастерских продолжался 8,5 часов, в средних — 10, а в мелких починочных — 11. Сверхурочную работу в мастерских при магазинах брали на дом, плата за неё устанавливалась по соглашению. Также рабочий день удлинялся из-за того, что при сдельной заработной плате сами рабочие стремились сократить перерывы, а в предпраздничные дни работали и ночами. В одной из крупных мастерских, по отзывам рабочих, «начинают работать, кто когда хочет, можно с 4 часов утра, берёт мастер ключ, сам отпирает мастерскую и садится за работу; под праздники работают до поздней ночи, желая больше заработать». Как правило, в Шарапове и окрестных деревнях работали с 6 утра до 9 часов вечера с небольшим (не более получаса) перерывом на обед. Многие рабочие, жившие в окрестных деревнях в 6–7 верстах от Шарапова, не могли успевать на работу к 6 часам утра и часто оставались ночевать прямо в мастерских.

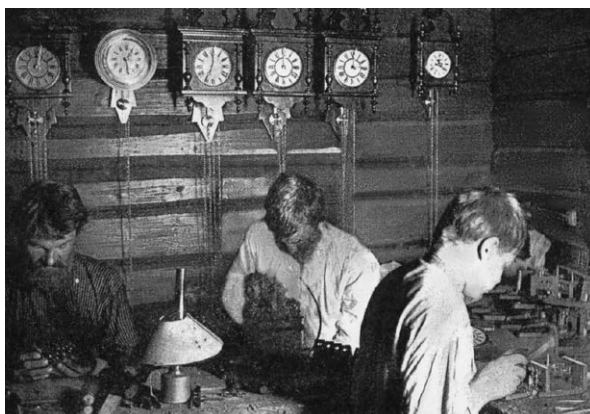
А.С. Курская — автор очерка «Производство часов в Москве и Московской губернии», увидевшего свет в 1914 году, провела настоящее исследование возникновения и развития часового промысла в Звенигородском уезде, особенно в Шарапове и близлежащих селениях. В частности, она пишет, что в небольших мастерских «сохранилась патриархальность отношений между хозяином и рабочими: вместе работают, вместе едят за столом, нередко из одной миски и тут же в мастерской. Пища у всех более или менее одинаковая: у менее зажиточных на обед подают похлебку или щи без мяса, картошку без сала или гречневую кашу; на ужин подается остаток от обеда; пьют чай 2–3 раза в день с черным хлебом; белый хлеб и мясо подаются только по большим праздникам; у более зажиточных мясо и белый хлеб на столе появляются чаще, в общем же пища

та же. Вопрос о трате на одежду у некоторых из таких хозяев возбуждал дружный смех. Они оглядывали свои отрепья и не могли припомнить, когда и сколько затратили на их приобретение: «иной год и вовсе ничего не покупаем; нет денег, и весной в валенках ходим, а пиджака лет на пять хватает»...» Условия труда часовщиков были тяжелыми. Работа требовала сидячего положения при наклонённом вперёд туловище с постоянным напряжением глаз. При производстве стенных часов приходилось работать в атмосфере, насыщенной металлической пылью и парами использовавшейся при спайке частей механизмов кислоты. Поэтому среди часовщиков были распространены заболевания дыхательных путей, расстройства пищеварения, близорукость и заболевания кожи. Маленькие непригодные помещения (обычные жилые избы) при отсутствии вентиляции и керосиновое освещение являлись причинами лёгочных заболеваний у рабочих.

Курская так описывает избу-мастерскую в Шарاپове: размеры избы 5 на 5 метров, высота около 2,8 метра, с одной стороны печь, с другой — горн для плавки металла; середину избы занимает маховое колесо, соединённое с станками, стоящими у окна; потолок и стены деревянные, чёрные от копоти; всюду валяются листы и обрезки латуни, тут же, в углу, — постели; за перегородкой, не доходящей до потолка, живёт семья хозяина из 5 человек, которые тут же спят, едят, стирают бельё. Шараповские часовщики жили в собственных избах, пришлые из окрестных деревень снимали на артельных началах избу на 5–10 человек: проводя целый день в мастерской, а праздники — дома, «ёкольщики» заботились лишь о том, чтобы было, где переночевать. Внутренний вид как мастерских, так и жилых изб зависел от достатка хозяина: в бедных избах, кроме стола и скамеек, вдоль стен не было никакой мебели, нередко вместе с людьми живут и телята, поросята и другие животные; у более зажиточных крестьян встречались некоторые признаки комфорта — комод, швейная машинка, занавески и цветы на окнах. Часы местного производства являлись принадлежностью почти каждой избы.

Внутренний вид крупной екольной мастерской в Шарапове

Внутренний вид мелкой екольной мастерской в Шарапове

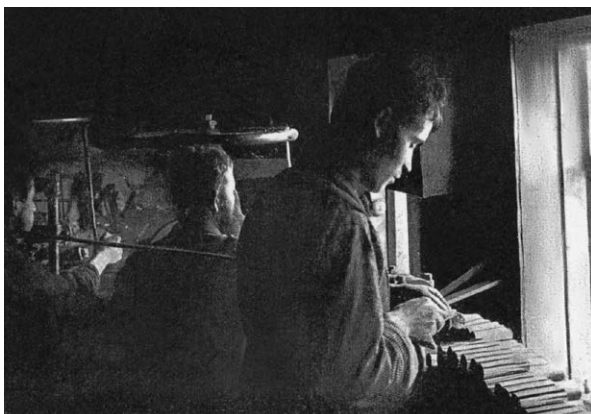

Занятие часовым промыслом, как правило, передавалось по наследству от отца к сыну. Также в шараповских мастерских широко применялся ученический труд. Учеников принимали в возрасте от 9 до 13 лет на время учёбы от 3 до 6 лет, в течение которых они постигали основы мастерства и по мере обучения помогали хозяину, который обеспечивал им проживание, пропитание и одежду. В Шарапове ученики работали наравне с взрослыми и на время летних полевых работ оставались у хозяина в качестве домашней прислуги. Продолжительная работа и отсутствие надзора за условиями найма учеников негативно влияло на их физическое и умственное развитие. По отзывам Елизаветы Алексеевны Смирновой — учительницы Шараповской земской школы, на глазах которой прошло не одно поколение школьников, «годы, которые дети проводят в качестве учеников в мастерских, сильно меняют детей: они становятся грубыми и рано начинают пить».

Заработная плата часовщиков различных специальностей была неодинаковой. Самую низкую зарплату получали пресовщики и боевщики — около 20 рублей в месяц. Зарплата сборщиков, работавших сдельно и тративших средства на покупку и ремонт собственного инструмента, колебалась от 15 до 60 рублей. Наиболее постоянный и прочный заработок имели починочники (50–100 рублей в месяц при повременной оплате труда). Низким был заработок столяров и корпусников (не выше 30 рублей). «Почти все рабочие в Шарапове живут на хозяйских харчах». Было распространено получение заработка продуктами и платой за квартиру, хотя многие наёмные рабочие предпочитали из экономии ночевать прямо на своих рабочих местах. Хозяева мастерских

часто задерживали выплату зарплаты на целые месяцы, расплачиваясь нередко только перед большими праздниками. При таких патриархальных порядках, — пишет Курская, — хозяева не отказывают иногда в выдаче рабочему некоторого аванса однако, большей частью натурой: чаем, сахаром и т. д. по цене, установленной на эти продукты в местных лавках, то есть процентов на 20 дороже, чем в Москве.

Мастерская
часовых приборов
в Шарапове

К началу XX века в Шарاپове значительно увеличилась концентрация часового производства — мелкие мастерские постепенно уступали место более крупным, что способствовало упадку кустарного промысла в соседних деревнях. Владельцы окрестных мелких мастерских говорили, что «становится все труднее конкурировать с крупными шараповскими мастерскими», и, закрывая собственные производства, поступали в качестве рабочих в Шарапово. Часовые мастерские в деревнях Ягунино, Ястребки, Луцыно, Рыбушкино, Никольское представляли собой кустарные производства, где хозяева работали вместе с членами своих семей. Владельцы кустарных производств испытывали постоянную нужду в деньгах. Им часто приходилось прекращать работу из-за отсутствия сбыта продукции и оборотных средств на покупку сырья. Изготовив 100–150 штук часов, кустарь сам отвозил их в Москву и сбывал в крупные посудные лавки. Чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, часто приходилось продавать товар без прибыли или даже с убытком. Полученные деньги тут же расходовались на покупку материалов. Везти в Москву небольшую партию часов при дороговизне доставки было невыгодно, а собрать большую мастер-кустарь был не в состоянии из-за отсутствия свободных средств, кроме того, при отсутствии постоянных связей с торговцами сохранялся риск вообще не продать товар. Также хозяева мастерских, имевшие торговые связи с Москвой и провинциальными городами России, сильно страдали из-за нерегулярности доставки почты, доставлявшейся из Звенигорода всего 2–3 раза в неделю.

Плохие пути сообщения представляли местных часовщи-

Квартира часовщиков
в Шарапове

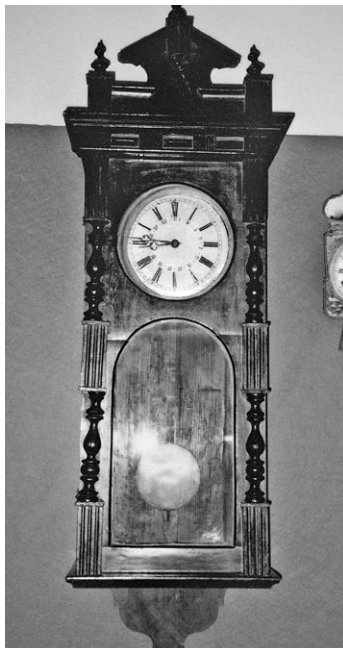
Хозяйская квартира
для учеников екольной
мастерской С. Платова,
в Шарапове

ков переселяться в Москву и поступать на работу в московские часовые мастерские.

Очевидно, что производство часов в Шарاپове — уникальное явление, самая славная историческая страница нашего села.

Но вернемся в 70-е годы XIX столетия...

Экспонаты музея
Шарাপовской средней школы

Здание
Государственной фабрики
стенных часов
в Шарапове

Деревянный храм села Носово ветшал и постепенно разрушался, совершение богослужений становилось затруднительным, что и привело к написанию прошения о переносе храма в близлежащее Шарапово. В деле «О постройке каменного храма при деревне Шараповой прихода села Носово Звенигородского уезда»⁴ хранится прошение священно- и церковнослужителей, старосты и прихожан Успенской церкви села Носова Высокопреосвященному Макарию (Булгакову, 1816–1882), митрополиту Московскому и Коломенскому от 3-го августа 1879 года. В нем они сообщают, что «...деревянный храм наш, построенный назад тому двести лет и освященный во имя Успения Пресвятой Богородицы, пришел в ветхость, и продолжать Богослужение в нем в непродолжительном времени будет невозможно. Не желая остаться без храма и быть приписанным к какому-либо другому приходу, мы возымели искреннее желание с Вашего Архипастырского Благословения соорудить при деревне Шараповой теплый каменный храм с тремя приделами и освятить оный во имя Успения Божией Матери, Радости Скорбящих Божией Матери и Святителя Николая Чудотворца...».

Далее, следуя установленному порядку, указываются

Митрополит Макарий
(Булгаков)

причины строительства храма в Шарапове, а не при селе Носово:

1. В деревне Шарапово проживает «большая часть прихожан, нежели в прочих селениях прихода, и есть первые и усердные благотворители церкви».
2. В селе Носово крестьянских построек, кроме священнослужительских, не имеется, а само село окружено лесом, что небезопасно.
3. В июле месяце на общекрестьянском сходе решили выделить землю для строительства церкви и для пользования священнослужителей.
4. Место для построения храма избрано удобное и приличное, в конце селения.

За 5 пунктом следует подробное перечисление источников финансирования предполагаемого строительства:

«На постройку храма по технической смете потребуется капитала 8824 рублей серебром, для пополнения этого количества денег у нас имеются следующие источники:

ДЕЛО О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАМЕННОЙ ЦЕРКВИ В ШАРАПОВЕ

⁴ ЦИАМ. ф. 203. Оп. 450 Ед. хр. 18, 1–20

- Церковных сумм в Московском Государственном Банке — 675 руб.
- Билет 1-го внутреннего займа, биржевая цена которого — 232 руб.
- Имеющаяся наличность при церкви — 75 руб.
- Согласно приговору крестьян дер. Шараповой жертвуется 2000 руб., буга 30 кубов на сумму 435 руб., и 50 000 кирпича на сумму 550 руб.
- Крестьяне дер. Мартьяновой — 50 руб.
- Крестьяне сельца Ястребков — 100 руб.
- Почетный Гражданин Иван Осипович Сушкин жертвует 50 000 кирпича на сумму 550 руб.
- Помещик сельца Ястребков Корбатовский — 200 руб.
- Московский мещанин Иван Сергиев — 100 руб.
- Церковный староста Федор Федоров — 100 руб.
- Крестьянин Иван Федоров — 150 руб.
- Крестьянин Павел Лодягин — 50 руб.
- Крестьянин Алексей Афанасьев обязался устроить безвозмездно духовую печь (150 руб.).
- Несколько благотворителей обязались пожертвовать 515 руб.

И всего в случае могущего последовать разрешения на сооружение храма образуется в наличности сумма 5932 руб., а в пополнении недостающей суммы мы надеемся на Господа Бога, на Молитвы Вашего Высокопреосвященства и на доброхотных жертвователей».

И подписано прошение было священником Успенской церкви с. Носово Сергием Державиным, псаломщиком Алексеем Мурашовым, пономарем Дмитрием Казанским, церковным старостой Федором Федоровым, избранным строителем церкви Алексеем Афанасьевым и по доверенности прихожан расписались крестьяне дер. Шараповой Иван Федоров и Яков Гаврилов.

7 сентября 1879 года в Московской Духовной Консистории слушали дело о постройке каменного храма при деревне Шераповой прихода села Носова Звенигородского уезда.

И «приказали: поелику из дела видно, что существующая в селе Носово деревянная во имя Успения Божия Матери церковь пришла в ветхость, причт, церковный староста и прихожане просят дозволить им построить новую каменную трехпрестольную во имя Успения же Божия Матери церковь при деревне Шераповой; местный благочинный села Каринского священник Александр Орлов донес, что земля, уступаемая крестьянами деревни

Шераповой, более двух десятин (более 2 га. — Прим. сост.) под запрещением не находится, место для построения церкви удобно и прилично, план на постройку Строительным Отделением Московского Губернского Правления утвержден, то дозволить построить при деревне Шераповой новую каменную с таковою же колокольнею трехпрестольную во имя Успения Божия Матери, с двумя в ней приделами: во имя Божия Матери «Всем Скорбящим Радости» и во имя Святителя и Чудотворца Николая согласно с одобренным планом и под наблюдением местного благочинного, а просителям на построение церкви выдать храмозданную грамоту».

14 апреля 1880 года была подписана храмозданная грамота.

Перед строительством храма на общем сходе было решено для церкви и домов причта выделить 2 десятины земли (более 2 га) и 7 десятин (более 7,5 га) общественного леса.

Новую церковь возвели по проекту архитектора Ивана Терентьевича Владимировича (1856–1894). Таким образом, наш храм строился с 1880 по 1885 год, в 1885 году были освящены приделы, а в 1887 — главный престол храма.

Храм был освящен благочинным — священником с. Каринское Александром Орловым, священником с. Луцыно Константином Протопоповым, священником Звенигородского собора Иоанном Рождественским и священником села Никольское Павлом Розановым.

Прежний деревянный Успенский храм был разобран в 1889 году, а на месте алтаря была возведена часовня, приписанная к новому храму в Шарапове и в обиходе именовавшаяся Успенскою или Богородицкой.

Необходимо упомянуть, что к моменту строительства нового храма в Шарапове, с 1878 года, существовала Шараповская земская школа, построенная на средства крестьян. До открытия школы шараповские дети обучались у дьячка села Ивонино. До 1913 года школа обслуживала 6 окрестных деревень. Всего в ней было 62 учащихся (из них 24 девочки) в возрасте от 8 до 11 лет.

С 1913 года число учащихся сократилось до 41 ученика вследствие открытия школы в соседнем селе Белозерово.

При школе имелась земская народная библиотека, составленная отчасти из книг, приобретенных на средства земства, отчасти пожертвованных издателем Ф.Ф. Павленковым. Заведовала библиотекой местная учительница, по отзывам которой число книг ограничено, постоянных читателей всего 5–6 человек, да и те успели уже перечитать все имеющиеся в библиоте-

ШАРАПОВСКАЯ ЗЕМСКАЯ ШКОЛА

ке книги. Пополняется библиотека только журналами «Нива» и «Светоч».

**«И О ВСЕХ
СЛУЖИВШИХ
ВО СВЯТЕМ
ХРАМЕ
СЕМ...»**

Первым настоятелем новопостроенной церкви стал священник Сергей Иванович Державин (1835–1898), служивший в прежнем храме с. Носово. Отец Сергей окончил Заиконоспасское духовное училище, в котором обучались главным образом дети столичного духовенства. По окончании 4-го класса училища он был принят в Московскую духовную семинарию. Женится на Татьяне Николаевне Веселовской (1840–1903) и был рукоположен во священника. У о. Сергия и матушки Татьяны было семеро детей: Василий, Ксенофонт, Петр, Александр, Антонина, Екатерина и Ольга.

О семье о. Сергия и о нем самом достоверно известно немного, но то обстоятельство, что один из его сыновей, священник Александр Державин, сподобился пострадать за Христа и в марте 2002 года был причислен к Собору святых новомучеников и исповедников Русской Церкви, способствовало сохранению некоторых сведений из биографии семейства Державиных. В частности, известно, что Александр Сергеевич Державин родился в 1864 году в Клинском уезде Московской губернии, в селе Зеленцино.

Следовательно, до 1864 года о. Сергей и матушка Татьяна с детьми не могли жить в Носове, а были переведены позднее, в 1870-х годах.

И этому есть документальное подтверждение: в Одинцовском городском архиве хранятся метрические книги Успенской церкви села Шарاپово-Носово с 1869 года, в которых содержатся записи о совершенных крещениях, венчаниях и отпеваниях. Из них можно судить, кто служил приходским священником и когда. Таким образом, о. Сергей стал служить в Носове с мая 1877 года, а до него настоятелем был священник Василий Истрин.

27 октября 1891 года состоялось венчание Александра Алексеича Лебедева, 24 лет, окончившего Московскую духовную семинарию, и Антонины Сергеевны Державиной, 21 года, первым браком. Венчал их настоятель Звенигородского Успенского собора Иоанн Михайлович Рождественский. А в графе о поручителях значатся имена: священника села Никольское-Кляпово Павла Розанова и сыновей о. Сергия — священников Александра и Василия, а также Ксенофонта Державина — учителя села Уборы, Звенигородского уезда.

Затем происходит следующее: до конца 1891 года в метриках расписывается священник Сергей Державин, а с января 1892

года по август его зять, священник Александр Лебедев, (о. Александр служил в соседнем селе Никольское), а в конце августа в Шарапово назначили священника Иоанна Иоанновича Успенского, прослужившего до весны 1893 года.

Иоанн Иоаннович Успенский был потомственным священником, в 1875 году окончил Вифанскую духовную семинарию и был определен учителем в Дятловскую школу питомцев Императорского Воспитательного Дома; в 1885 году — священником в церковь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» при детском приюте Богоявленского монастыря в сельце Марфино. У о. Иоанна и его супруги было четверо детей.

В начале марта 1893 года в приходских книгах снова видим роспись о. Сергия Державина и уже без перерыва до середины июня 1898 года. Причина, по которой больше года о. Сергей не вел приходское делопроизводство, достоверно неизвестна. Болезнь? Но последнюю запись в метрической книге он внес за две недели до своей кончины, то есть служил до последних дней своей жизни. Двое его сыновей стали священниками в Звенигородском уезде: Василий служил в Саввинской Слободе, Александр сначала в селе Александрово, а затем, в течение 30-ти лет, в селе Троицкое.

Внешние причины, повлиявшие на жизнь сельского духовенства, были заключены в известных Реформах общественной жизни Российской империи, в частности Приходской реформы 1864 года. Это, безусловно, отдельная тема, но были обязанности, связанные с повседневной жизнью приходского священника: совершение богослужений и требоисполнение (покрестить, повенчать, отпеть, поисповедовать и пособоровать), а также, в добавление ко всему, делопроизводство (регистрация актов гражданского состояния). И все это совершалось без казенного (государственного) содержания. Исключение составляло военное духовенство. Для решения вопроса государственного содержания духовенства во второй половине XIX века были необходимы средства, а после Крымской войны (1853–1856) казна была опустошена. Чтобы прокормить большую семью и дать детям образование, сельскому священнику необходимо

Татьяна Николаевна
Державина

было трудиться на земле и взимать плату за требы с крестьян, которые зачастую сами едва сводили концы с концами (платное требоисполнение морально было весьма тяжелым испытанием и порождало смущение и раздор в отношениях между духовенством и прихожанами).

Приход села Носово был упразднен, а строительство и служение в новопостроенном храме стало завершением жизненного подвига о. Сергия, преставившегося в июне 1898 года, и его супруги, пережившей мужа на пять лет, погребенных за алтарем церкви.

26 мая 1898 года настоятелем был назначен священник Алексей Николаевич Зверев (1876 –?), из духовного звания.

Алексий Николаевич Зверев в 1896 году окончил полный курс Вифанской духовной семинарии и через год, в августе 1897 года, был определен учителем Черленковской церковно-приходской школы Волоколамского уезда. Перед рукоположением он венчается с девицей Екатериной Сергеевной, а поскольку, став священником, определяется в Успенскую церковь села Шарاپово, то с уверенностью можно сказать, что его супруга — Екатерина Сергеевна, урожденная Державина, дочь о. Сергия. Косвенно это подтверждает тот факт, что Александр Сергеевич Державин был женат на Надежде Ивановне, урожденной Зверевой.

В декабре 1898 года о. Алексей назначается законоучителем Шараповской земской школы, в сентябре 1899 года у о. Алексия и его супруги рождается первенец — Сергей, а в марте 1901 года — Александр. Тяжким испытанием для о. Алексия стал 1903 год — в декабре скончалась его супруга и была похоронена за алтарем храма, слева от могилы Державиных. Екатерине Сергеевне было всего 23 года. Воспитывая сыновей, о. Алексей служил в Шарапове. С 1911 года состоял в Благочинническом совете, а с 1913 года преподавал Закон Божий в Белозеровской земской школе.

Псаломщиком с 1908 до 1916 года был определен Иван Озеров.

В марте 1900 года в строительное отделение Московского губернского правления было подано прошение о строительстве каменной ограды с железными решетками вокруг храма, а в 1906 году по проекту Ивана Петровича Румянцева был надстроен второй ярус колокольни и установлен колокол-благовестник.

Старостой с 1915 года был избран Василий Ильич Платов, владелец крупнейшей часовой фабрики в Звенигородском уезде. Сам Василий Ильич был человеком семейным, из крестьян, образование имел, окончив сельскую школу.

В октябре 1916 года, по окончании курса в Перервинском духовном училище, на место псаломщика был определен Алексей Дмитриевич Недумов, 18 лет, из духовного звания.

В 1918 году псаломщик — Павел Крюков.

В клировой ведомости за 1916 год сказано, что наш храм построен в 1885 году «тщанием прихожан и сторонних благотворителей. Зданием каменная с такой же колокольней, покрыта железом, кругом обнесена каменной оградой с железными решетками».

В штате — священник и псаломщик. Земли при церкви усадебной вместе с погостом церковным 2 десятины 1200 кв. сажен (более 2,5 га), сенокосной — 12 десятин 1200 кв. сажен (более 13,5 га) и 180 десятин (более 196 га) земли, заросшей лесом, годным для строения. Дом священника построен на его собственные средства, у псаломщика дома не имеется. При церкви есть деревянная, крытая железом сторожка и крытый железом сарай.

Также ведомость содержит сведения об источниках содержания причта. Жалования священнику положено 300 руб. от казны и 300 руб. от прихода, 240 руб. за законоучительство и 81 руб. — проценты с неприкосновенного капитала⁵. Всего 921 рубль. В месяц получается почти 77 руб. Псаломщик получал жалования всего около 225 рублей в год.

Последнее посещение прихода архиереем состоялось в 1910 году.

В мае 1911 года начальнику Московского почтово-телеграфного округа были представлены 13 приговоров сельских обществ Шараповской волости Звенигородского уезда с просьбой открыть в Шарапове почтовое или почтово-телеграфное отделение. В прошении изложены причины: до ближайшего почтового отделения 10 верст, в Шараповскую волость входят 32 поселения, население которых преимущественно занимается кустарным промыслом — часовым, портновским, столярным и пр. — объем производства достигает 200 тысяч рублей в год, в селениях Никольское, Гришакове (ныне с. Троицкое. — Прим. сост.) и Часовне (ныне д. Чапавка) бывают ярмарки с оборотом до 4500 рублей.

В феврале 1916 года с разрешения Главного управления почт и телеграфов в Шарапове открывается почтовое отделение со штатом из начальника, чиновника 6 разряда, почтальона (с окладом 300 руб.) и сторожа (с окладом 240 руб. в год).

Таким был приход нашего храма накануне великих потрясений, изменивших течение истории не только села Шарапово, но и всего нашего Отечества.

ОТКРЫТИЕ ПОЧТОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ В ШАРАПОВЕ

⁵ Неприкосновенный капитал — денежные средства в Государственном Банке, положенные разными лицами на вечное поминовение их усопших родственников

**ОТ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
К СССР**

Летом 1914 года началась Первая мировая война, для России — Вторая Отечественная, события которой привели к разрушению Российской империи: свержению царской власти, гражданской войне и установлению «диктатуры пролетариата».

Но буквально накануне Февральской революции в селе Шарاپово разрешается создать «Народный дом» — общество, целью которого ставилось доставление жителям Шарапорова и близлежащих поселений «образовательных и разумных развлечений». Учредителями Общества стали: учительница Шарапорова земской школы Елизавета Алексеевна Смирнова, священник Алексей Николаевич Зверев и крестьяне Степан Семенович Казеннов и Василий Николаевич Гришин. К сожалению, грядущие исторические события помешали осуществить задуманное. (Кстати, с «образовательными и разумными развлечениями» в Шарапове до сих пор вопрос остается открытым. — Прим. сост.)

В 1918 году Шарапорова и Носово были объединены — Успенский храм теперь числился в селе Шарапорова-Носово Звенигородского уезда. В январе было объявлено об отделении Церкви от государства и от системы образования. Началась Гражданская война и иностранная интервенция.

Постановлением президиума Моссовета в начале 1921 года Звенигородский уезд был разделен на два уезда — Звенигородский и Воскресенский. Шарапорова волость осталась в Звенигородском уезде и включала в себя восемь сельских советов: Шарапорова, Богачевский, Волковский, Михайловский, Никольский, Троицкий, Часовенский и Часцовский.

Решением Звенигородского уездного исполнительного комитета от 19 декабря 1922 года Шарапорова волость была упразднена. Шарапорова вошло в состав Кубинской волости.

Осенью 1922 года Звенигородский уезд был слит с Наро-Фоминским уездом с центром в Звенигороде. В 1929 году была образована Московская область (вместо Центрально-промышленной области), в состав которой входил Звенигородский уезд — Кубинская, Петровская, Ивано-Шныревская, Наро-Фоминская, Перхушковская и Ягунинская волости.

После Гражданской войны и разорения наступил голод, используя который, новая власть объявила кампанию по изъятию церковных ценностей. Само изъятие происходило в грубой форме, зачастую напоминая грабеж, всякое несогласие считалось контрреволюционным деянием и каралось беспощадно.

Приехали «изымать» и в Шарапорова...

Сохранилась опись⁶ изъятых ценностей Успенской церкви, составленная в 1922 году: серебряные — дарохранильница, потир (чаша для Причастия) и дискос, две тарелочки, ковшик, звезда, ложка (ложечка для Причастия), четыре напрестольных креста, двенадцать лампад, три ризы с икон — общим весом 17 фунтов 192 золотника (7 кг 770 г серебра). Среди подписей отчетливо — свящ. Алексей Зверев.

Также в Уфиноотдел были сданы 18 серебряных монет и 2 ризы, общим весом 31 золотник (132 г серебра) от сотрудников Шарাপовского детского сада⁷. По окончании Гражданской войны и укреплению советской власти на базе бывшей фабрики Платова была организована артель «Точные часы». Следуя новой экономической политике, шараповские часовщики некоторое время выпускали часы с советской символикой: на циферблатах изображались звезды, серп и молот. В 1924 году в результате слияния Московского радиотелеграфного завода, электромеханических и часовых мастерских создается Московское производственное объединение «Второй часовой завод», где к 1930 году было освоено массовое производство ходиков, будильников, уличных электрочасов. По свидетельству Владимира Васильевича, местного жителя, отец которого работал на часовой фабрике Платова, производство часов на Московском заводе было налажено трудами шараповских мастеров, которые трудились в Шарапове до конца 1930-х годов. Начавшаяся Великая Отечественная война прекратила всякое производство в Шарапове и славная страница, связанная с часовым промыслом, была завершена.

Василий Ильич Платов был сослан в Казахстан. Сохранилось свидетельство, что он, выйдя из дома, перекрестился, и как был, без вещей, сел на сани и его увезли. А семья осталась в Москве.

В 70-х годах приехал в село один человек. Походил, пораспрашивал, а потом, в разговоре, представился — я сын Василия Платова.

После войны была попытка восстановить производство на бывшей часовой фабрике, даже тянули электричество из Белозерова (в самом Шарапове электричества не было), но не получилось, и колхоз продал здание фабрики Московскому краснопресненскому машиностроительному заводу. В дальнейшем здание использовалось заводом «Фрезер» для организации детского отдыха. В другом здании, где ранее отливали гири и производили проверку часов на точность хода, был устроен сельский клуб (теперь в нем кафе «Раздолье». — Прим. сост.).

⁶ ГКУ МО ЦГАМО ф.66, опись 18, дело 308, л.27

⁷ ГКУ МО ЦГАМО ф.66, оп. 18, д. 308, л. 60

ШАРАПОВСКАЯ ШКОЛА- «СЕМИЛЕТКА»

В 1920-х годах в рамках правительственной программы ликвидации безграмотности в селе действовала изба-читальня, а для начальной школы были отданы три здания: большой «барский» дом (вероятно, дом В.И. Платова. — Прим. сост.), волостное управление и земство, находившиеся возле пруда.

В одном здании была начальная школа, во втором — мастерские, и там же жили учителя. В третьем здании (с 1948 г.) располагалась старшая школа.

С 1929 года директором и учителем школы была Христина Петровна Казанцева, настоящий сельский учитель, к которой в любое время можно было прийти за советом или с просьбой. Христина Петровна сама организовывала в школе питание, работала на кухне, пекла пироги. Муж ее тоже преподавал в школе.

С 1939 года в школе начали прибавлять по одному классу, и к 1942 году она стала семилеткой. А до этого дети ходили учиться в Каринское, там снимали комнаты и жили целую неделю, только на выходные приходя домой.

В школу в Шарاپово ходили дети из Ястребков, Белозерова, Мартьянова, Рязани и Троицкого. Зимой они жили на съемных квартирах.

Во время Великой Отечественной войны в школе располагался военный госпиталь.

ГОНЕНИЯ ЗА ВЕРУ

Построение новой жизни, из которой изгонялось имя Божие, поставило всех перед выбором: за Христа или против Христа. Тысячи храмов были закрыты и разрушены, превращены в склады, клубы и прочие подсобные помещения. Сотни тысяч верующих подверглись репрессиям: тюрьмам и ссылкам, изгнанию из общества. Многие пострадали за Христа и составили Собор новомучеников и исповедников нашей Церкви. Большинство из них — духовенство.

Попытка найти какую-либо информацию о судьбе о. Алексия Зверева пока не увенчалась успехом: из документов есть только акт об изъятии церковных ценностей в 1922 г., в котором есть его подпись. Это значит, что в 20-х годах он служил в нашем храме. Сохранилось устное свидетельство о том, что после революции дом священника был национализирован, а сам он жил в бане. Внешние изменения повлияли, конечно, на отношения к духовенству, но в Шарапове до крайностей дело не дошло, и можно предположить, что о. Алексей служил до 1930-х годов, скромно и терпеливо перенося тяготы повседневной жизни. Если бы он окончил свою жизнь в Шарапове, то был бы погребен рядом со своей супругой на церковном погосте. Но 30-е годы мало кому из духовного сословия удалось пережить, не оказавшись в лагере

или ссылке: для большинства этот путь был последним.

В числе достойно прошедших этот путь мы видим священноисповедника Александра Державина, сына первого настоятеля нашего храма о. Сергия Державина. Отец Александр был арестован в январе 1930 года, осужден за «антисоветскую пропаганду» и выслан на три года в Северный край, где скончался 25 марта 1933 года в деревне Загривочная Усть-Цильмского района Коми АССР.

Св. исповедник
Александр Державин

Решением Священного Синода от 12 марта 2002 года священник Александр Державин был причислен к лику святых Новомучеников и исповедников Российских XX века.

Желание найти объяснение медленному строительству «новой» жизни приводило к отчаянному поиску врагов и вредителей. К середине 30-х годов репрессии приобрели настолько массовый характер, что на места приходили указания необходимого числа «врагов народа», которых надо было арестовать и осудить. Осужденных свозили на специальные полигоны недалеко от Москвы и расстреливали, сбрасывая в огромные братские могилы. Известно о двух жителях, уроженцах села Шарапovo: крестьянине Петре Ивановиче Королеве и Семене Агапьевиче Михалеве, слесаре одного из московских предприятий, расстрелянных на Бутовском полигоне в 1937–1938 годах.

Исполнительным комитетом Московского областного совета депутатов трудящихся 29 января 1941 года было принято решение за № 203 о закрытии церкви в селе Шарапovo Звенигородского района: в связи с тем что «церковь бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось — церковь в с. Шарапovo закрыть и переоборудовать под клуб». Всего в этот день решили закрыть 23 храма в 11 районах Московской области. В Звенигородском районе также были закрыты церкви в с. Никольском, с. Андреевском, с. Дютюково. В конце документа значилось «закрытия церквей не производить до получения особого извещения от Исполкома Мособлсовета о вступлении в силу настоящего решения»⁸.

О РЕШЕНИИ ЗАКРЫТЬ ХРАМ

⁸ ГКУ МО ЦГАМО ф.2157, опись 1, д. 2159, л.63-67

Начало Великой Отечественной войны помешало осуществить принятое решение. Однако впоследствии храмы были закрыты, осквернены и изуродованы. Но наш храм стал исключением. Почему? Безусловно, случившееся есть проявление милости Божией и Его Промысла. В этом смысле верна поговорка: что Бог творит — никому не говорит. Но ведь есть примеры в истории, когда от одного или от нескольких человек зависит: быть или не быть. Сейчас, видимо, уже невозможно точно сказать, когда прекратились регулярные богослужения в нашем храме, когда стало некому совершать Литургию. Но известны примеры сохранения приходской жизни простыми мирянами, верными Христу и смелыми перед лицом опасности и гонений за веру: спасали иконы от поругания и уничтожения, охраняли храм от воинствующих безбожников и, конечно, просили Бога о том, чтобы в храме молитва не прекращалась. Нам известны имена двух подвижниц, которые отстаивали храм, быть может, их было больше, Господь знает. Но трудами и хлопотами Анастасии Федоровны Лобовой и Анны Васильевны Кавешниковой наш храм не был осквернен, а после войны был назначен священник и возобновлены богослужения. У Анастасии Федоровны, по свидетельству ее внучки, были ключи от храма и в военное время богослужения изредка, но совершались.

В 1943 году, после известной встречи руководства страны с тремя митрополитами, государственная политика в отношении Церкви изменилась: стали открываться храмы, гонения на духовенство были ослаблены, разрешалось совершать богослужения. Анна Васильевна и Анастасия Федоровна поехали в Москву хлопотать об открытии храма, и хотя документ о решении открыть храм нами пока не найден в архиве, можно уверенно говорить: разрешение было получено. Вероятно, в 1946 году. Надо сказать, что храм все-таки пострадал за годы вынужденного бездействия: лишился внутреннего убранства, главного колокола, от которого остался «язык» (местные «активисты» сбросили колокол с верхнего яруса), была разобрана каменная церковная ограда. Внутри храм нуждался в ремонте и в реставрации.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ В ШАРАПОВЕ

В 1946–1947 годы стали собирать иконы по домам и окрестным деревням, привезли колокол, которым заменили разбитый. Оставшиеся колокола и вновь привезенный разместили на среднем ярусе. Прихожане, сохранившие храмовые

иконы, приносили их в храм. Очень много икон сохранила Мария Григорьевна Кузьмина.

Большое деревянное Распятие сохранили и в 1946 году передали в наш храм жители д. Чапаевки — Ирина Семеновна, Александр Михайлович, Татьяна Ивановна Николаевцевы и Пелагия Михайловна Чижова.

В ГосАрхиве РФ есть Отчетно-информационный доклад о положении и деятельности Русской Православной Церкви на территории Москвы и Московской области за 1948 год, где сообщается о священнике Михаиле Семеновиче Лебедеве, что он переведен из Никольской церкви Талдомского района в церковь села Шарапово Звенигородского района по причине «несрабатанности» с церковным советом⁹.

Частые перемещения духовенства с прихода на приход в советское время стали проверенным способом борьбы с «неудобными» священниками.

Деятельность приходов Русской Православной Церкви определялась известным постановлением ВЦИК и Совнаркома от 8 апреля 1929 года, которым священник исключался из состава «двадцатки» (приходской учредительный орган. — Прим. сост.) и был фактически отстранен от управления приходом. Религиозным объединениям воспрещалась благотворительная деятельность, обучение детей вере понималось, как частное право родителей. С введением «пятидневки» воскресный день переставал быть выходным. Но самым ужасным было бесцеремонное вмешательство государства во внутрицерковную жизнь с целью окончательного ее разрушения.

После о. Михаила, по свидетельству прихожан, служил священник Иоанн Расторгуев. Старостой при нем была Анастасия Федоровна Лобова, которая пела в церковном хоре и помогала о. Иоанну в церковных делах. Её внучка вспоминает: «Отец Иван был высокого роста, доброты невероятной. Помню, как мы с бабушкой ездили к нему в Москву. Он жил в коммуналке, в цокольном этаже. Он, конечно, сразу чаю нам, мне конфет. Комнатка маленькая, метров 14, все в иконах. Проживал в основном при храме, в церковной сторожке. В Москву ездил редко, может, в епархию, по делам. Служил он в Шарапове долго, лет тридцать, до середины 70-х годов, здесь же его отпевали, а похоронили в другом месте. Бабушка вроде бы говорила, что у него был сын».

Служба в храме в зимнее время совершалась в Скорбященском приделе, вход в главный храм перекрывался. Отопление было печное, поэтому в главном храме служили летом, на Успение открывалась южная (правая) дверь храма для крестного

⁹ ГАРФ ф. 69-91, опись 1, д. 337

хода с Пещаницей. Сохранялась традиция, когда по великим церковным праздникам, на Рождество, Пасху и Успение, священник ходил по домам и служил молебны, окропляя жилища святой водой.

28 апреля 1977 года указом митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима (Никитина) настоятелем был назначен протоиерей Георгий Васильевич Рзянин (1938–2009).

О. Георгий родился 21 мая 1938 года в г. Алма-Ате. В 1946 году пошел в первый класс средней школы № 4 г. Моршанска. С 1956 по 1964 год учился в московских духовных школах, которые окончил со степенью кандидата богословия. Замечательно то, что рукоположен Георгий Рзянин был будущими Патриархами Московскими и всея Руси: во диакона — митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (Извековым), а во священника — епископом Таллинским и Эстонским Алексием (Ридигером). Отец Георгий служил в Покровской церкви в Москве, а также на приходах Московской области — в Гребневе, г. Серпухове, Заозерье, Куркине.

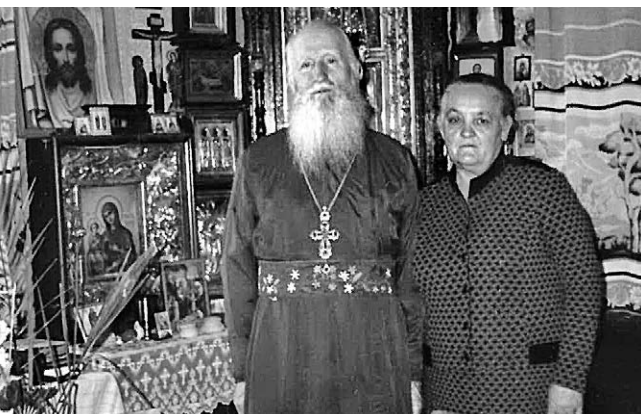
В Шарапове о. Георгий, согласно официальным документам, служил чуть меньше года (до апреля 1978 г.). С 1980 года и до конца своих дней протоиерей Георгий служил в поселке Болшево, Пушкинского благочиния, в Космодамиановской церкви, за алтарем которой и был погребен в марте 2009 года.

В декабре 1977 года указом митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, в связи с болезнью о. Георгия, в наш храм был назначен протоиерей Александр Михайлович Сайгушев (1937–2002), который прослужил в Шарапове всего три месяца...

Осенью 2002 года в Гребневской церкви в городе Одинцово ко мне подошла женщина и рассказала, что о. Александр Сайгушев,

служивший в Шарапове, отошел ко Господу, и что в Воскресенске живет его супруга, матушка Мария Андреевна. После этого я написал письмо матушке Марии, она любезно мне ответила. Это стало началом очень много давшего мне общения: матушка пригласила в гости, и я, учась в Коломенской семинарии, навестил ее, а потом и она приезжала к нам в Шарапово. Я, конечно, спрашивал о храме для летописи приходской жизни.

Протоиерей Александр
и матушка Мария Сайгушевы

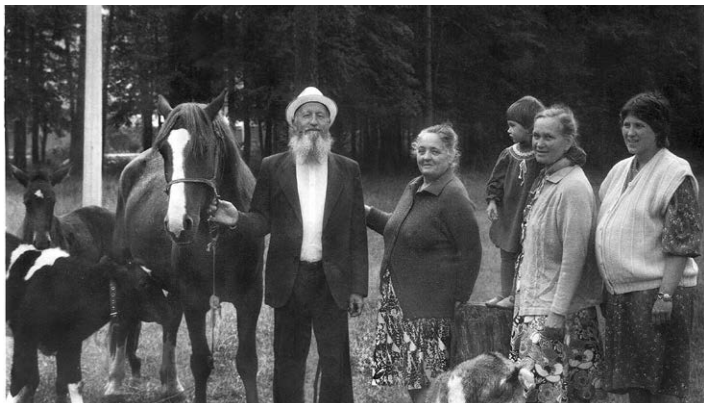

В одном из писем матушка Мария написала мне, что много думала о моей просьбе и обрадовать ничем не может: «...что и знала, забыла, это ведь было 20 с лишним лет, пожалуй, назад. Помню, церковный дом стоит в церковной ограде справа от алтаря, дом очень хороший высокий, веселый, мы в нем несколько раз ночевали. А потом мы в Шарапове не жили, поэтому я никого не знаю. Приедем в субботу, ко всенощной и в воскресенье после службы уезжали в Воскресенск. Помню старосту, ее звали Ульяна, которая часто о себе говорила, шутя: «Я Ульяна — баба пьяна». Потом она как-то приезжала к нам, когда в Шарапове уже о. Лука служил. Рядом с храмом была сторожка, в которой занимались трапезой. Ну вот, больше ничего не напишу, простите меня!»

Александр Михайлович Сайгушев родился 2 января 1937 года в с. Коченяевке, Ульяновской области, в многодетной семье. Его отец Михаил Тимофеевич погиб в первые дни Великой Отечественной войны. Мать, Агафья Арефьевна, осталась одна, имея на руках восемь детей. Учась в школе, Александр ходил в ближайший храм. Затем служил в армии на Дальнем Востоке. В 1960 году поступил в Московскую духовную семинарию, через год обвенчался с Сусловой Марией Андреевной. Находясь в семинарии, с детства привыкший к труду и молитве, о. Александр намеревался принять монашество, но архимандрит Тихон (Агриков), насельник и преподаватель Троице-Сергиевой Лавры, с которым юноша много встречался и беседовал, не одобрил его стремление, благословил «служить в миру». После окончания семинарии священник Александр Сайгушев был направлен на свой первый приход — село Маврино Щелковского района, затем был переведен в Крестовоздвиженский храм села Марчуги Воскресенского района, где и служил до дня своей кончины. За это время были периоды служения в Богоявленском храме г. Коломны, Шарапове и приходе села Карпово Воскресенского р-на. Матушка Мария Андреевна и о. Александр воспитали троих детей: Ольгу, Сергия и Михаила.

Вспоминает матушка Мария: «О. Александр вырос в деревне и с детства привык к живности и, будучи уже священником, приобрел всякую домашнюю живность. Я ему говорю, зачем тебе, ведь ты же священник? А он отвечает: «в монастырях монахи служат Богу и тоже ухаживают за скотиной, навоз чистят и т. д. Поэтому и я должен трудиться».

И кого у нас только не было — и козы, и овцы, корова, лошадь и всякая разная птица, а мне оставалось только помогать ему. Были у нас еще и пчелы, это на первом приходе, до института в Озерах, где о. Александр учился заочно. И опять я ему помогала».

о. Александр Сайгушев
и матушка Мария
с прихожанами

Тяжелая болезнь принесла немало страданий о. Александру, которые он переносил с христианским терпением и благодарностью. Первой помощницей, конечно, для него была матушка Мария: «наш о. Александр был больной, лежачий 4 года, у него был сахарный диабет, и на фоне этого ему ампутировали ногу, а потом и ослеп. Я за ним ухаживала, и умер при мне, со словами — Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй...»

Похоронен о. Александр, как завещал, на Воскресенском городском кладбище рядом с матерью и сыном Сергеем.

В 1970-х годах казначеем в храме была Анастасия Ивановна Мазова, добросовестно исполнявшая свои обязанности, и, если того требовали обстоятельства, могла, ради церковного дела, пойти и до высшего районного начальства. В 1977 году старостой была избрана Ульяна Ермолаевна Кулагина.

30 марта 1978 года настоятелем храма был назначен протоиерей Илия Андреевич Антипов, а через полтора года — 11 сентября 1979 года — протоиерей Иоанн Михайлович Гордеев. Едва прихожане успели познакомиться с о. Иоанном, как, исполняя указ от 24 декабря 1979 года, в Шарاپово прибыл новый настоятель, которого Господь удостоил послужить здесь, ни много ни мало, а 23 года. Это был молодой иеромонах — о. Лука (Донских).

Об о. Луке без особого труда можно составить отдельное повествование: живы прихожане, его близкие друзья и много людей с благодарностью его вспоминают.

Родился игумен Лука (Донских Алексей Петрович) в 1956 году в семье священника. Семья жила бедно, но дружно. Дети старались помогать отцу в священническом служении. В ду-

ховном становлении сильное влияние на будущего пастыря оказала схимонахиня Макария (Феодосия Артемьева, †1993), с которой о. Луку связывало родство. На лето детей отправляли к ней, и подвижница Христова наставляла своих племянников в вере и благочестии. Учась в Московской духовной семинарии, Алексей принял монашеский постриг с именем Лука, в честь апостола и евангелиста. Некоторое время исполнял послушание при Хозяйственном управлении Московской Патриархии.

Под новый 1980 год указом митрополита Ювеналия о. Лука был назначен настоятелем в Успенский храм села Шарاپово.

Приходская жизнь, как и в предшествующие десятилетия, была ограничена храмовым богослужением и находилась под бдительным контролем уполномоченного Совета по делам религий. Руководил приходом не священник, а исполнительный орган (староста, казначей и члены «двадцатки»).

Сохранился протокол приходского собрания от 9 марта 1987 года. Повестка дня: доклад старосты храма Дупляковой Марии Михайловны о «проделанной работе, приходно-расходных средствах и о количестве религиозных обрядов за 1986 год» и выборы новых членов в «двадцатку». В докладе, помимо перечислений доходов и расходов, говорится, что крестился 81 человек, а отпели 48 человек (из них 23 заочно). Для сравнения: в 1990-х годах бывало до 40 и более крестившихся в один день. Также слушали настоятеля храма иеромонаха Луку (Донских) — читаем дальше в протоколе — который предложил увеличить взнос в Фонд Мира на 300 рублей и перечислить средства на организацию торжеств в честь празднования 1000-летия Крещения Руси. Поэтому постановили временно воздержаться от проведения крупных реставрационных работ и хозяйственных мероприятий.

Если посмотреть на состав «двадцатки», то становятся видны границы шараповского прихода — Тучково, Ершово, Шихово, Кубинка, Чапаевка, Старый и Новый Городки, Никольское, Пронское.

Что касается ремонта и реставрации, то полагалось на все брать разрешение в сельсовете. Сохранилось несколько таких заявлений. Первое из них (август 1978 года) — о разрешении вырыть колодец. Заявления подавала староста.

Следующий документ содержит интересные сведения, а именно: в марте 1980 года староста просит разрешить проведение мелкого текущего ремонта внутри церкви, в перечне работ указывается — покраска внутри летнего храма. Это подтверждает то, что, во-первых, храм на зиму перекрывался и служили в Скорбященском приделе, а во-вторых, что

до начала 1980-х годов было печное отопление, а центральное (с котельной и чугунными радиаторами) установлено при о. Луке.

В протоколе приходского собрания 1985 года содержится «рассуждение о добровольных пожертвованиях». Имеется в виду отчисления в Фонд мира.

Староста Дуплякова М.М. «предложила в 1985 году увеличить пожертвование в Фонд мира на 200 рублей, отмечая существующую нестабильность в мире». Постановили: «единогласно одобрить это предложение и как можно скорее это выполнить».

В 1988 году состоялось общецерковное празднование 1000-летия Крещения Руси. Светские власти сначала настаивали на исключительно внутрицерковном праздновании, но с приближением юбилея всем, в том числе и высшему партийному руководству, стало очевидно: празднование 1000-летия Крещения Руси — всенародное торжество.

Владыка Ювеналий обратился к духовенству и прихожанам Подмоскovie с посланием, в котором отметил, что к предстоящему юбилею вся епархия достойно подготовилась: во многих храмах произведены ремонтные работы, в некоторых после длительного перерыва возобновлен колокольный звон. Завершается восстановление Данилова монастыря. В 1987 году открыты два древних монастыря: Свято-Введенская Оптина пустынь и Толгский монастырь. Московская епархия выпустила альбом из двух пластинок с записью песнопений в исполнении хора Успенского храма Новодевичьего монастыря.

В Центральном военном госпитале Пограничных войск КГБ СССР была открыта, а в 1991 году освящена часовня во имя

святого благоверного великого князя Александра Невского. Путь от часовни к храму был непростым, но трудами о. Луки и усердием Александра Прокопьевича Горячевского, начальника и строителя пограничного госпиталя, этот путь был пройден, и в 2000 году митрополитом Ювеналием было совершено великое освящение Александрo-Невского храма.

Об о. Луке и до сих пор вспоминают с благодарностью.

Вспоминают его доброту, доступность и безотказность: будучи тяжело больным и находясь на лечении в госпитале, он мог тайно от лечащих его врачей уйти из палаты и повенчать, говоря потом: «Как же я могу отказать, когда просят повенчаться?». Мог рано утром собраться, чтобы повенчать летчика, вылетающего в Афганистан, или глубокой ночью поехать в другой район, чтобы причастить умирающую старушку, потому что она всех своих внуков крестила в Шарапове, или перед освящением дома спрашивал о хозяине и если беден человек, то давал указание своим помощникам купить продукты, чтобы стол накрыть...

Вспоминает А.П. Горячевский: «Благодарю Господа Бога за то, что у меня был такой духовник. Отец Лука 23 года служил Богу в Успенском храме в Шарапове, а я 23 года в госпитале лечил людей и помогал им восстановить здоровье. В нашем госпитальном храме Лука Петрович окрестил многих генералов, начальников политуправлений, командующих округов и для каждого находил слово».

Говоря об о. Луке — Лука Петрович — Александр Прокопьевич не ошибся, а действительно многие, а уж тем более близко знавшие его звали именно так. Помню, принесли в храм квитанции на электричество (счетчик был в церковной сторожке) и в графе абонент было напечатано — Донских Л.П. «Я простой сельский священник, помогающий вам общаться с Богом», — говорил о. Лука прихожанам.

Вспоминает староста Александро-Невского храма в пограничном госпитале Любовь Дмитриевна Бурмистрова: «Когда умер мой папа, я поехала в Шарапово к о. Луке договориться об отпевании в госпитале. Приехала, а о. Луки нет: на требах. Что делать? Подождав, я оставила записку с просьбой об отпевании. Потом стала переживать и волноваться: как все будет. Но на следующий день о. Лука приехал, совершил отпевание. Небольшой записки оказалось достаточно».

Кстати, о записках. В приходских бумагах я находил много таких посланий от приезжавших, но не заставших о. Луку на месте.

Все они говорят об одном — простота общения и обращения.

Приходское служение о. Луки совпало со временем исторических перемен: начинал он служить в «годы застоя», когда при отсутствии открытых гонений за веру, контроль государства над церковной жизнью был жестким, но с наступлением 90-х годов исчез не только контроль, но и стали открываться храмы, восстанавливаться порушенные и строиться новые.

Содержание одной

из таких записок:

«Лука Петрович!

Очень прошу ...

100–130 гвоздей

где-нибудь 100–120.

Большое спасибо.

3.07.92 г.»

А вот другое

послание:

«Дорогой отец Лука,

податели этой записки

приехали добрать

1 тыс. 750 штук или

2 тысячи кирпича.

С любовью о Христе,

о. П.».

Очень остро ощущалась нехватка духовенства, поэтому на служащих с советских времен священников был возложен труд окормления нескольких приходов одновременно, пока готовились «новые кадры».

К началу 90-х годов в Одинцовском районе было 4 действующих церкви: в селах Шарапово, Акулово (рядом с Одинцово), Перхушково и Юдино. И в Звенигороде на Городке древний Успенский собор. А в тех местах, где храмы были разрушены или заняты светскими организациями, еще предстоял долгий и трудный путь к восстановлению.

А пока, до прихода подкрепления, о. Лука, отслужив в Шарапове, ехал в Троицкое или в Локотню, или в поселок-санаторий им. Герцена, или в Никольское, или в Крымское, или в Улитино, чтобы послужить обедницу, молебен или панихиду, поздравить местных жителей. И, конечно, служил в голицынском пограничном госпитале. Вот такие были приходские границы.

На Радоницу посещал кладбища в окрестностях Звенигорода, говоря: «Я сегодня на выезде». Вообще о. Лука любил пошутить, знал подход к людям, и это помогало многим переступить порог храма, задуматься, да и просто вспомнить о душе своей.

24 ноября 2002 года игумен Лука скоропостижно скончался. Сердце...

После его смерти обязанности настоятеля исполнял клирик Гребневской церкви г. Одинцово о. Николай Цуканов.

29 декабря 2002 года указом митрополита Ювеналия в Шарапово был назначен новый настоятель.

Первый раз в Шарапово я приехал 2 января 2003 года. Отцу Луке было сорок дней, была панихида и первое знакомство с прихожанами. Надо сказать, что в тот год зима была снежная и морозная. Снег украсил сам храм и прилегающую к нему территорию, а вот мороз наделал беды — отопление в храме «приказало долго жить». Приближалось празднование Рождества Христова, в храме «минус», стены сказочно сверкают инеем, а окна украшены красивым ледяным орнаментом. В Сочельник на службе с гулом лопались чугунные радиаторы — мороз крепчал, но в Рождественскую службу молитва и теплое дыхание прихожан отогрели храм: лед в радиаторах стал таять так, что у амвона образовалась лужа. После праздников Господь послал рабов Своих, Бориса Александровича и Сергея Андреевича, трудами которых за неделю (пока шла оттепель) было устроено новое отопление. А потом пришла весна, снег растаял, и вокруг храма открылось каменное, чугунное и железное изобилие, в течение последующих лет вывозимое грузовиками и самосвалами. Но первой и неотложной заботы требовал сам храм: ремонт и реставрация, восстановление

Никольского и Скорбященского приделов.

Первое, что необходимо было сделать, — завершить ремонт кровли, начатый о. Лукой, потом переложить каменные ворота, фундамент которых лопнул и они наклонились, как Пизанская башня. Давний друг о. Луки, Руслан Викторovich, взялся помочь, и в 2004 году ворота были поставлены на твердое основание.

Получилось, что, как и в прежние времена, с помощью Божией, «тщанием прихожан и сторонних благотворителей» все необходимые работы были сделаны.

Если говорить о жизни сельского прихода, то каждый приход, при общем устроении, обладает чем-то особенным и неповторимым. Помню, что первое время, ловил себя на мысли — каким же тихим и неторопливым был ритм приходской жизни в Шарапове в советские годы, если даже в начале XXI века между проезжающими мимо храма машинами можно было послушать тишину. Храм находился на краю села и был окружен редкими строениями, совхозным полем и густым хвойным лесом. Зимой было тише, чем летом. Главная забота по хозяйству — топить углем храмовую котельную и дровами печь в церковном доме. И убирать снег. Приближение весны и летнего тепла воспринималось как что-то весьма отрадное.

Но первым и наибольшим приходским делом, конечно, есть и будет совершение богослужений.

В самом начале февраля 2005 года в храм обратились с просьбой совершить отпевание. Усопшим был Семен Александрович Прасс, более четверти века возглавлявший совхоз им. XXII съезда КПСС, центральная усадьба которого находилась в селе Шарапово.

В 1928 году, в результате районирования, был образован Шараповский сельский совет, в состав которого входили Пестово, Белозерово, Мартьяново, Ястребки, Машенки, Клин, Пронское (с 1969 года были включены Луцыно, Бушарино, Рязань, Волково, Шихово и Ново-Шихово). В Шарапове, следуя политике советского государства, создается колхоз «Заветы Ильича». Направлением деятельности стало животноводство, был коровник,

Храм, 2004 г.

**О СОВХОЗЕ
ИМ. XXII СЪЕЗДА
КПСС**

Прасс
Семен Александрович

конюшня сначала располагалась во дворе дома Платова, около здания часовой фабрики, а потом, после войны, перенесена к ферме. Ольга Павловна Клевцова, работая в колхозной конюшне, вспоминала, как во время исторической обороны Москвы кавалеристы знаменитой конницы Льва Доватора, брали лучших колхозных лошадей. Председатель колхоза Янченко стал организовывать партизанский отряд, но... нашелся предатель.

Документы сельсовета с 1928–1941 гг. не сохранились совершенно: были уничтожены с началом войны.

Тяжелейшим испытанием для нашего Отечества стало время Великой Отечественной войны и послевоенные годы: разруха, голод, труд по восстановлению народного хозяйства; огромные людские потери — убитых, пропавших без вести, угнанных на работу в Германию. Преодоление этого испытания напомнило многим о главном — близок Господь ко всем призывающим Его. С этим связан религиозный подъем военных и послевоенных лет: открытие храмов и возрождение церковной жизни, правда, на краткое время. Считалось, что религия тормозит и препятствует построению социализма.

В декабре 1957 году Звенигородский район временно прекратил свое существование, и Шарاپовский сельсовет вошел в состав Кунцевского района с центром в г. Кунцево.

Через три года г. Кунцево вошел в состав Москвы, а Шарاپово вновь было включено в состав Звенигородского района. Председателем колхоза была Сакович Ольга Ивановна. Шефствовал над колхозом Московский завод им. Хруничева.

В 1961 году колхоз «Заветы Ильича» был преобразован в совхоз имени XXI съезда КПСС (позднее XXII съезда КПСС), и назначен новый директор — Прасс Семен Александрович (1915–2005). С именем С.А. Прасса связаны самые славные страницы советского периода с. Шарاپово, которое в начале 1965 года вошло в состав Одинцовского района.

Семен Александрович трудился в сельском хозяйстве с 1955 года. Если быть кратким — труженик. Поэтому и награжден был медалью «За доблестный труд», орденом

Трудового Красного Знамени, почетным званием «Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР». За время его руководства Шарапово приобрело современный вид: построены новые механизированные животноводческие помещения, совхозный гараж, силосные ямы, хранилища для сена, зерна и овощей. Совхоз стал одним из лучших хозяйств СССР и в 1976 году был занесен на Всесоюзную доску почета ВДНХ.

В конце 1960-х годов были построены первые пятиэтажные дома. На совхозные средства также были построены современный, один из лучших в районе, детский сад «Светлячок», а в 1974 году новая средняя школа, в которой учились дети не только из Шарапова, но и с окрестных деревень.

В разные годы школой руководили Бодрова Мария Федоровна, Елфимов Виктор Николаевич, Шеметова Татьяна Петровна.

С 1948 по 1990 годы в школе работала Иванова Валентина Степановна, 52 года трудилась Анна Александровна Шаршукова — учитель математики, которая еще девчонкой пришла работать в школу, Литвинова Валентина Андреевна, отдавшая 48 лет преподаванию русского языка и литературы, Арбатская Полина Ивановна и многие другие, кто всю свою жизнь посвятил воспитанию молодежи. Школа всегда помогала совхозу: девочки — на ферме, мальчики — на скотном дворе, пастухами. На полях собирали картошку, капусту. Сажали фруктовые деревья.

В современной школе есть спортивно-культурный центр (спортзал, игротека, тренажерный зал), библиотека, компьютерный класс и просторный актовый зал.

ВДНХ.
Доска почета, 1976

После С.А. Прасса совхозом руководили Алексей Павлович Павлик, Алексей Иванович Голиков, Борис Алексеевич Шатилин, Лучин Василий Егорович, Вадим Александрович Журавлев.

Нельзя не сказать и о Шараповской сельской библиотеке, которая вышла из стен земской (дореволюционной) школы. В 1942 году при сельском клубе создается библиотека, первой заведующей которой стала П. Кондрашева (первая запись в инвентарной книге датирована 26 января). Фонд библиотеки составлял 2125 книг и журналов.

После войны из помещения клуба библиотека была перемещена в дом № 36, в котором проживал заведующий библиотекой С.С. Слободяник. С 1960 по 1964 год библиотекой заведовала В.И. Панкратова, а после нее в течение 18 лет — З.И. Смирнова, с 1982 года — Л. Новикова, с 1986 по 1996 год — Л.В. Сучкова.

В 1976 году библиотека переехала в бывшее помещение кухни детского сада «Светлячок», где и находится в настоящее время, имея в своем фонде более 9000 книг и журналов, а также более 500 читателей.

В середине 1980-х годов в Советском Союзе стали происходить перемены, приведшие к 1991 году — распаду огромной страны, развалу экономики и сельского хозяйства и прочим трагическим последствиям.

Совхоз им. XXII съезда КПСС подчинялся Агропромышленному комбинату (АПК) «Одинцовский», который был упразднен в феврале 1992 года. Постановлением Главы Администрации Одинцовского района от 1 февраля 1992 года было зарегистрировано Акционерное общество закрытого типа — АОЗТ «Шарапово». В структуру АОЗТ входили жилищно-коммунальное хозяйство, строительный цех, мехмастерская, цех пластмасс (с 1995 года ТОО «Полимер»), школа, детский сад.

Экономические трудности и время перемен помешали завершить строительство Шараповского дома культуры, но были построены две «белых» пятиэтажки: одна — кооперативная, а другая, построенная Союзом театральных деятелей, выросла на месте яблоневого сада.

Шараповский сельский совет, с 1977 года став Сельским советом народных депутатов, просуществовал до середины 2000-х годов, а потом был упразднен (исторически не первый раз), и Шарапово вошло в состав сельского поселения Никольское, которое возглавил Юрий Петрович Супрунов. В 1960-х годах председателями Шараповского с/совета были

Михаил Федорович Садков, Григорий Андреевич Лукьянов, Виктор Иванович Иванов. В 1970-х — Николай Иванович Егоров, Виктор Александрович Казанцев, в 1980–1990-х годах — Николай Васильевич Мальцев, Юрий Петрович Супрунов. Секретарями исполкома — Валентина Павловна Трубицына, Галина Петровна Якимова.

В 2004 году в церковной сторожке, после небольшого ремонта, стали проводиться занятия воскресной школы для детей и взрослых. На этих занятиях мы беседовали о том, что слышали в Евангелии за Литургией, смотрели телефильмы о православных праздниках, о святых местах и подвижниках веры и благочестия. На Пасху и Рождество Христово устраивали детские утренники, с веселыми играми и угощением. Детей приходило очень много, особенно на Рождество, в сторожке было не протолкнуться. Надо было строить новое помещение, тем более что еще о. Лука в середине 90-х начинал строительство Воскресной школы, но, правда, дальше фундамента дело не пошло. Тогда прихожанин Владимир предложил построить здание Воскресной школы на новом месте, а там, где был старый фундамент разбить небольшой парк: посадить деревья и кустарники. В июле 2007 года строительству было положено начало.

Пока здание строилось, Рождественские праздники проводились в Шарাপовской средней школе, а на Пасху — в храме, с обязательным посещением колокольни, угощением и подарками.

26 ноября 2007 года был получен Антиминс, а 19 декабря служением Литургии совершилось обновление Никольского придела.

В феврале 2008 года в главном, Успенском, алтаре была отреставрирована настенная живопись. Богослужения в это время совершались в Никольском приделе.

30 октября в Епархиальном Управлении был получен Антиминс для придела в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость». И на престольный праздник, 6 ноября, служба, после длительного перерыва, вновь совершалась в правом приделе нашего храма.

На Пасху 2009 года были открыты все Царские Врата.

Теперь богослужения стали совершаться на всех трех Престолах: великие праздники, воскресные дни — на главном, Успенском; в честь святых и в субботние дни — в Никольском приделе, а в честь чтимых Богородичных икон — в приделе «Всех скорбящих Радость».

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ ПРИХОДА

СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕСТИЛЬНИ

Была еще одна насущная необходимость. Дело в том, что храм отапливался углем, а летом или ранней осенью, когда отопительный сезон начинать было еще рано, случались похолодания, что для крещения в храме создавало известное неудобство. Чтобы выйти из создавшегося положения решено было построить небольшую деревянную Крестильню. Строительство было начато в июне 2009 года: один прихожанин, Евгений, откликнулся и пообещал пожертвовать необходимое количество строительного материала, другой прихожанин, Константин, вместе с архитектором Вадимом воплотили в жизнь принятое решение. Но строение, первоначально планировавшееся небольшим, в итоге стало зданием Приходского дома с крестильней, библиотекой, кухней и трапезной.

Рождество Христово в 2010 году мы праздновали «у себя». Пригласили замечательный творческий коллектив — театр «Живая вода». Всем очень понравилось, и на Пасху мы позвали их снова.

Строительство Приходского дома было окончено, и в воскресенье, на праздник Жен-мироносиц, состоялась первая трапеза в новом Приходском доме. А к следующей Пасхе подросли «наши артисты», и мы своими силами поставили кукольный спектакль.

Затем на Рождество 2012 года был показан Рождественский утренник: сначала для младших, а потом для ребят школьного возраста. Успех воодушевил, и на Светлое Христово Воскресение был подготовлен спектакль «Всегда с нами».

Надо сказать, что в течение учебного года удается подгото-

вить 2–3 спектакля: пасхальный, рождественский и ко Дню славянской письменности и культуры. Если Пасха не ранняя, то и к началу Великого Поста. И с каждым годом все острее встает вопрос — где взять хороший сценарий? То, что предлагается, зачастую дублирует «детсадовские» утренники, что само по себе неплохо, но ведь пришедшие в храм на Рождественский праздник дети должны увидеть другое, а именно: в центре праздника — Богомладенец Христос, а не дедушка Мороз с внучкой и елкой.

Строительство
Приходского дома

Чтобы отойти от такого сценария, мы стали готовить не просто спектакль, а спектакль-повествование, в котором ребята, выучив свой отрывок из общего рассказа, по сути, проводили открытый урок для детей и взрослых. Первым опытом стал пасхальный спектакль-повествование в 2013 году. В основу были положены евангельские повествования о Воскресении Христовом — явления Спасителя женам-мироносицам и апостолам. Но предваряли их свидетельства «внешних»: врача префекта Иудеи Понтия Пилата, Маферканта — казначея Синаедриона, стражников, охранявших Гроб Господень и оклеветавших Воскресение фарисеев. Сам рассказ сопровождался соответствующими изображениями на большом экране.

Так были построены и последующие представления: по сюжету рассказа «Вера маленького мальчика» (Рождество Христово, 2014), об истории схождения Благодатного огня на Гробе Господнем (Пасха, 2014), о ветхозаветных образах Пресвятой Богородицы и тридневного Воскресения Ее Сына.

Некоторое время при храме действовали «кружки» английского языка и игры на гитаре, а сейчас по субботам проводятся занятия по изобразительному искусству и прикладному творчеству.

В завершение вспомним еще об одной стороне приходской жизни — паломничестве по святым местам. За последние десять лет прихожане нашего храма посетили немало монастырей Подмосковья: Спасо-Бородинский, Колоцкий Успенский, Лужецкий Ферапонтов, Иосифо-Волоцкий, Ново-Иерусалимский, Высоцкий Серпуховской и Введенский Владычней, Давидову пустынь, а также самое дальнее паломничество — в село Годеново, монастыри Переславля-Залесского и в Оптину и Тихонову пустыни, Шамордино. Была еще одна особенная поездка: на Бутовский полигон.

Но чаще всего, а точнее, ежегодно мы совершаем паломничество в Троице-Сергиеву Лавру к мощам преподобного Сергия Радонежского. По сложившейся традиции, сначала посетив Хотьковский Покровский монастырь, где нашли упокоение родители преподобного, приезжаем в Лавру. Поклонившись лаврским святыням, продолжаем путь в Малинки, где, оставив автобус, пешком, в любую погоду, все идут к источнику преподобного Сергия. Льющаяся студеновая вода воспринимается как милость и помощь Божия, от которой обратный путь к автобусу становится легким для всех паломников.

**ВМЕСТО
ПОСЛЕСЛОВИЯ**

Возраст нашего храма сравнительно небольшой и превышает жизнь человека всего на несколько десятилетий. Но в истории храма, как и в истории человеческой жизни, несомненно, есть то, что неподвластно времени.

Просматривая в городском архиве метрические книги за 1891 год, я нашел письмо, адресованное о. Сергию Державину от о. Михаила — священника Вознесенской церкви г. Звенигорода:

«Ваше Высокоблагословение, Многоуважаемый батюшка Сергей Иванович. Примите уверение в истинном почтении...» — так обращается о. Михаил к о. Сергию.

А в приходских документах сохранилась поздравительная открытка от о. Петра Дервянко, посланная о. Луке в 1988 году:

«Дорогому отцу Луке пламенный привет и сердечные пожелания доброго здоровья на многие годы для успешного служения Святой Церкви. Братски обнимаю Вас, во Христе любовью», — пишет о. Петр.

Почти сто лет разделяют эти письма. Много изменилось, многое ушло безвозвратно, и трудно, на первый взгляд, найти связь между прошедшим и настоящим. Но она есть и содержится в словах Спасителя:

**«По тому
узнают
все, что вы
мои ученики,
если будете
иметь
любовь
между
собою».**

ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ
И ФОТОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СЕЛИЩА ЯСТРЕБКИ (БЫВШЕГО НОСОВА ПОГОСТА) НА ТЕРРИТОРИИ ШАРАПОВСКОГО СЕЛЬСКОГО ОКРУГА ОДИНЦОВСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹⁰

Храмы традиционно являлись неотъемлемой частью культурного ландшафта древней Звенигородской земли, занимали центральное место в композиционно-пространственной организации города и его окрестностей. Храмы — это и духовные центры округи, и своеобразные древлехранилища, где веками копипились и сберегались иконы, книги, различные вклады благочестивых прихожан, богослужебная утварь, старинные документы. Храм был и святыней, домом Божиим, освящавшим землю, где поколение за поколением погребались, находили вечное упокоение люди, жившие на этой земле несколько столетий назад.

В XV–XVII вв. в Звенигороде и окрестностях было значительно больше храмов, чем их существует здесь ныне. Приходские и монастырские церкви возвышались и в центре города и на его посадах и в близлежащих владельческих селах. Большое количество храмов располагалось на княжеских, или, как их называли, «волостных», землях, где основным хозяйственным распорядителем являлась волость — крестьянская община. На волостной земле возникали погосты с обязательными храмом и кладбищем. Источники XIV–XVII вв. позволяют рассматривать погосты как центры местного самоуправления подконтрольные княжеской администрации. Церковноприходские дела здесь были предметом мирской заботы, храм же был и центром прихода и сельского мира. В трапезной погостской церкви происходили сходки, производилась раскладка податей, устраивались трапезы-братчины. Как правило, в церкви хранилась общая казна (столец), куда поступали мирские деньги, полученные от сдачи в аренду волостных земель и других коллективных предприятий. Эти средства шли на общие нужды волости, в том числе и наем сельскохозяйственных угодий, когда в них имелся недостаток, на предоставление податных льгот¹¹. Во многих погостах к храмовым праздникам были приурочены общие гуляния, торжки и ярмарки. Формирование причта шло здесь в значительной степени за счет крестьянского сословия и при активном участии крестьянских общин, на которые ложились расходы на содержание церкви. Поэтому сельское белое духовенство не могло не быть активной частью сельского общества¹². С развитием в XVI в. поместного землевладения погосты постепенно утрачивали административные функции, превра-

¹⁰ А.В. Алексеев, заместитель директора Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина

¹¹ Данилова Л.В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 12

¹² Харлашов Б.Н. О роли погостов в крестьянской общине XIV–XVI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1994. Псков, 1995. С. 48

щаяся исключительно в приходские, церковные центры. В это время понятие «волости» становится скорее тягловой единицей, а волостные земли экспроприировались государственной властью и широко раздавались боярам и служилым людям. В XVI в. округа Звенигорода стала местом интенсивного развития различных форм феодальной собственности, что нередко приводило к острым земельным конфликтам, спорам и тяжбам. Среди вотчинников мы находим здесь Морозовых, Шуйских, Троекуровых, Пронских, Басенковых, Годуновых, Клешнинных и других представителей московской аристократии. Среди же местных детей боярских встречаем таких землевладельцев как Хвошинских, Колюбакиных, Голохвастовых, Тоболиных, Вражских, Нероновых и др. Землевладельцы, обустроив свои села, стремились к тому, чтобы они были не только центрами хозяйственного управления, но также центрами церковно-приходской жизни населения их боярщин. На средства вотчинников и помещиков возводятся многочисленные храмы, количество которых постоянно росло примерно до третьей четверти XVI в. Дело доходило до того, что в ином небольшом поделенном владельческом селе мы застаем сразу две церкви, и, вероятно, два прихода (в с. Никольском, поделенным между В.С. Фуниковым и Ф.Ф. Нагим). Имеются сведения о наличии в селах двух церквей, одна из которых была теплая (зимняя) а другая летняя, без отопления (в с. Богородском и Супоневе).

Процесс церковного строительства и формирования новых приходов в Звенигородском уезде заморозился в годы хозяйственного кризиса 60–70 гг. XVI в. Опричнина, затяжная война за Прибалтику, налоги, неурожай, эпидемии, страшное опустошение Девлет-Гирея тяжело отразились на всем Подмосковье. И лишь в 1580–1590 гг. здесь, как и в стране в целом, наметился хозяйственный подъем. И снова под Звенигородом начали возводиться храмы (в селах Никольское-Вязёмы, Бузаево, Сколково и др.). Но экономический подъем Подмосковья вскоре был прерван. Польско-шляхетская интервенция и народные восстания нач. XVII в., периода, получившего у современников название «Смутного времени», нанесли огромный урон экономике Звенигородского края. Многие села и деревни, были полностью опустошены, население разбежалось, поля оказались заросшими лесом «инде в жердь, инде в оглоблю и бревно». Особенно сильно запустели вотчины высшей московской знати. Практически все храмы в Звенигороде и его окрестностях в это время были разграблены и сожжены. И лишь немногие из них смогли затем возродиться из руин и обрести поруганные святыни. Места древних монастырей, погостов и храмов со вре-

менем забывались, и в XVIII–XIX вв. они либо распахиваются, либо зарастают лесом...

Осветить ранний период церковного строительства и формирования сельских приходов на Звенигородской земле позволяют новые материалы, полученные в процессе археологических изысканий, которые проводит совместная археологическая экспедиция Звенигородского музея и Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина (с. Б. Вязёмы). Одно из перспективных направлений археологических исследований в регионе — выявление и исследование следов древних храмов, разрушенных во время Смуты. Основные методы работы заключаются в кропотливом архивном поиске и изучении исторических документов по церквям Звенигорода и Звенигородского уезда. В первую очередь это актовъный материал XV — нач. XVI в., писцовые и приправочные книги XVI — 1-й пол. XVII в., географические чертежи 2-й пол. XVII в. и планы Генерального межевания 60–90-х гг. XVIII в. В работе были также использованы обширные исторические материалы, собранные архимандритом Леонидом (Кавелиным)¹³ и братьями Василием Ивановичем и Гавриилом Ивановичем Холмогоровыми¹⁴. Опираясь на документы Московского архива Министерства юстиции (писцовые, дозорные и приходные окладные книги Патриаршего Казенного приказа XVII в.), они собрали значительный объем интересующей нас информации о церквях и погостах, существовавших в досмутный период.

Однако, поскольку письменная информация, относящаяся к тому или иному храму, как правило, всё же неполна и отрывочна, то именно археологические данные выступают на первое место и позволяют ответить на многие вопросы о времени его постройки, о размерах, строительном материале и о причинах гибели памятника. В культурном слое отразилась и сохраняется потенциально бесконечная информация о существовании давно разрушенного церковного здания, и о прилегающем к нему древнем некрополе. Таким образом, при археологических раскопках дана уникальная возможность заглянуть в прошлое и получить максимально полные данные о том или ином храме, монастыре или погосте...

Практически у каждой городской, монастырской или сельской церкви располагалось кладбище, где погребались окончившие земной путь священники, иноки, ктиторы и рядовые прихожане. Могилы, которые окружали церковное здание, отмечались традиционными дерновыми холмиками с деревянными крестами, либо каменными надгробиями. Наиболее престижной, сакрально значимой зоной некрополя являлась территория у самого храма, и особенно у алтаря. Погребе-

¹³ Леонид, архим. (Кавелин Л.И.) Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении. М., 1878

¹⁴ Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии XVI–XVIII ст. Звенигородская и Загородская десятины. М., 1882; М., 1886

ния здесь совершались чаще, поэтому при археологических раскопках на этих участках нередко приходится сталкиваться со сплошным слоем могильного перекопа, состоящего из одних перемешанных человеческих костей (случаи нарушения более ранних захоронений последующими). Заполненность могилами периферийных участков кладбищ, как правило, бывает значительно ниже. Белокаменные надгробные плиты и их обломки — самая распространённая категория находок при исследовании средневековых некрополей. В процессе археологических разведок именно по наличию тонких известняковых плит с резным трехгранно-выемчатым орнаментом («волчий зуб») можно определить место расположения древних, несколько столетий назад исчезнувших церквей. Белокаменные надгробия ценны тем, что дают нам в руки чрезвычайно важную информацию о времени функционирования кладбища, а имея надписи-эпитафии — уникальные сведения о самих погребенных.

При изучении разрушенных в период Смутного времени и упраздненных в Новое время храмов, нередко встречаются и довольно поздние предметы. Вероятно, места некоторых древних погостов и в XVIII–XIX вв. продолжали играть заметную роль в традиционной религиозной практике местных крестьян как почитаемые объекты — деревенские святыни. Священными объектами этих почитаемых мест могли быть поклонный крест или деревянная часовня, поставленные там, где когда-то располагался престол церкви. Так, при раскопках в Введенской пустоши нами были найдены фрагменты стеклянных лампадок XIX в., жестиные накладки от киота иконы, бронзовый подсвечник, предназначенный для тонкой «грошовой» церковной свечи. Многочисленные монеты мелкого номинала чекана XVIII — нач. XX в., и поздний медный крестик являются не чем иным как «обетными» приношениями крестьян. Несколько медных монет XVIII–XIX вв. было найдено и при исследовании Козмодьянского погоста у д. Юдино.

К сожалению, в большинстве случаев, археологические данные не позволяют нам восстановить точный облик древнего храма, разрушенного несколько веков назад. Некоторое представление о храмах досмутного времени дают нам гравюры из книги Адама Олеария, а также географические чертежи XVII в. Чертежи — результат натурного досмотра территории, который совершался чиновниками при участии местных жителей и заверялся «окольными людьми, бывшими на чертеже»¹⁵. Эти интересные документы имеют огромную ценность для формирования представления о самых различных деревенских и сельских деревянных сооружениях середины — второй половины XVII в. Так,

¹⁵ Преображенский В.С., Голубчиков С.Н. Антропогенная эволюция агроландшафтной структуры Западного Подмосковья (за XVI–XVII вв.) // Материалы к эволюции ландшафтной структуры округа Звенигорода XVI–XVII вв. М., 1997. С. 17–18

¹⁶ РГАДА Ф. 27. № 484. Ч. 3. Д. 29

¹⁷ Несмотря на то, что на Русском Севере известны памятники деревянного зодчества, возведенные в XV–XVI вв., всё же, чаще всего, срок жизни деревянной церкви или часовни был ограничен полутора-двумя веками

многие села в округе Звенигорода на чертеже Авраама Связева 1664 г. обозначены церквями, изображения которых соответствовали их истинному фронтальному виду¹⁶. Среди осмотренных нами чертежей имеются такие, где достигнута высокая степень конкретизации архитектурных форм и внешнего облика храмов и часовен. Учитывая, что в народном зодчестве на протяжении ряда веков существовали единая строительная культура и стандарты главных конструктивных элементов (общий модуль архитектуры XII–XIX вв. — бревенчатая клеть, рубившаяся «в лапу» или «в обло»), применялся один и тот же строительный материал, одна и та же техника его обработки, то деревянные храмы, колокольни и часовни, изображенные на чертежах XVII в., можно рассматривать как очень близкие таким же сооружениям XIV–XVI вв. О том, как выглядели памятники деревянной архитектуры Московского государства, можно судить и по дошедшим до нашего времени уникальным образцам деревянного зодчества Русского Севера и Сибири. И хотя северные храмы и часовни построены в большинстве в своем лишь в XVII–XVIII вв., но они были срублены так или почти так, как их несохранившиеся предшественники. Судьба старых деревянных храмов, бывших недолговечными¹⁷, оказывалась различной — в XVIII–XIX вв. они закрывались и упразднялись, либо заменялись новыми, каменными. Если ветхий приходской храм упразднялся, и село превращалось в сельцо или деревню, то место престола разобранного храма предписывалось обнести оградой («дабы скотина и праздный люд не топтали место святое»), и отмечать памятными крестами либо часовнями. Если же в селе находился благотворитель, способный и желавший жертвовать на новый каменный храм, то по его постройке старая деревянная церковь разбиралась («раскатывалась»), а брёвна, обычно пилили на дрова, которые употреблялись «на печение просфор» и для отопления домов причта и новопостроенного храма. В редких случаях старую деревянную церковь могли перевезти в другое село или на отдельно стоящее кладбище.

**УРОЧИЩЕ
НОСОВО
(БЫВШИЙ НОСОВ
ПОГОСТ) И СЕЛО
ШАРАПОВО
ОДИНЦОВСКОГО
РАЙОНА
МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ**

По мнению К.А. Аверьянова, в XV–XVI вв. в районе современного села Шарапово располагался Успенский погост и небольшой Успенский Софрониев монастырь, близ которого появляется деревня Носово¹⁸. В начале XVII в. она числилась в поместье за Михаилом Григорьевичем Челюскиным, но вскоре была разорена.

В 1624–1625 гг. Носово уже названо пустошью. В 1626 г. пустошь была отдана из Поместного Приказа в поместье Елизару Маркову; в 1654 г. этим поместьем владели его племян-

ники Семен и Михаил Марковы, которые между собою в 1664 году имение разделили и пустошь, что была деревня Носова, досталась Михаилу Маркову, который в 1678 г. пустошь заселил крестьянами и назвал деревней; к ней принадлежали пустошь Пошупкино и селище Останино. В 1685 г. деревня Носово находилась во владении Михаила Алексеевича Воинова и в 1698 г. была пожалована «из его поместья в вотчину за вечный мир с польским королем»¹⁹. В деревне Носовой М.А. Воиновым построена вновь церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы и деревня названа была селом Успенским, Носово тож.

Первое сведение о новопостроенной церкви находится в приходной окладной книге Патриаршего Приказа за 1702 год «сентября в 22 день по указу великаго государя, по помете на выписке казначея монаха Тихона Макариевскаго, велено новопостроенныя церкви Успения Пресвятыя Богородицы, которую построил дьяк Михаил Алексеев сын Воинов в Звенигородском уезде, в вотчине своей — в селе Носове, на попа с причетники дани положить, по сказке человека ево Василья Антонова, с дворов: с попова, с дьячкова, с пономарева, с просвирницына, с вотчинникова, с 6 крестьянских, да с церковные земли, по памяти из Поместнаго Приказу 1702 г., апреля 23 дня, с пашни с 10 четъи в поле, а в дву потому ж, с сенных покосов с 10 копен, по указной статье 13 алтын, 3 деньги, заезда гривна. И по тому окладу данные деньги иматъ с будущаго 1703 года и дана освященная грамота».

«В записной книге Патриаршего Приказа о выданных антиминсах, за 1702 г. значится: «октября в 3 день в новопостроенную в село Носово церковь Успения Пресвятыя Богородицы, в Звенигородский уезд, по благословенной грамоте выдан антиминс» и в получении онаго расписался «тоже церкви поп Иван Никитин». Успенская церковь в селе Носове в приходных книгах Казённого Приказа с 1703 по 1739 год писалась под Звенигородской десятиною в следующем порядке: «церковь Успения Пресвятыя Богородицы в вотчине дьяка Михаила Воинова — в селе Носове, дани 13 алтын, 3 деньги, заезда гривна: в приходе оной церкви было 5 дворов, пашни церковныя земли 5 десятин в поле, а в дву потому ж, сена 10 копен. В 1720–1739 гг. с церкви бралась дань «26 алтын 5 денег». За 1705 год в селе Успенском с деревнею Тарасковою, на речке Татарке и сельцом Гиревым было «три двора вотчинных, в них 12 человек деловых и 8 дворов крестьянских, в них 28 человек». При Успенской церкви в 1705–1715 гг. находились «поп Иван Никитин, дьячек Григорий Степанов, пономарь Агап Пафомов»²⁰.

ИСТОРИКО- АРХИВНОЕ И БИБЛИОГРА- ФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

¹⁹ Одинцовская земля/
Серия «Энциклопедия сел
и деревень Подмосковья».
М., 1994. С. 472. 474

¹⁹ Холмогоровы В. и Г.
Исторические материалы
о церквах и селах Москов-
ской епархии. М. 1882.
Вып. 2. С. 106–107

²⁰ Там же

После Михаила Воинова Носово досталось его дочери Прасковье (по мужу Ододуровой), а от нее перешло к ее родственникам Александру и Николаю Никитичам Лопухиным, в свою очередь отдавшим имение в 1768 г. за своей сестрой Натальей Никитичной, вышедшей замуж за Петра Яковлевича Евреина²¹. Согласно «Экономическим примечаниям» конца XVIII в., село Успенское, Носово тож, значилось во владении майорши Елизаветы Семеновны Петровой. Здесь к этому времени находилось всего два двора и не было постоянного населения, а пашня обрабатывалась крестьянами Ястробков. Так постепенно начался процесс запустения. Сведения 1852 г. еще отмечают здесь церковь и три причетнических двора. В пятницу перед Ильиным днем тут проводилась Носовская ярмарка. Но постепенно деревянный храм, возведенный еще в начале XVIII в., разрушался, и статистика 1890 г. уже не упоминает здесь селения...²²

Пришедший в негодность деревянный Успенский храм был разобран в 1889 году, а на месте алтаря была возведена деревянная часовня Успения Пресвятой Богородицы, приписанная к новому храму в Шарапове. В обиходе она имела названия Богородицкая часовня; Успенская часовня. Часовня до наших дней не сохранилась — вероятно, была сожжена в 1930-е годы.

В Шарапове возвели новый храм Успения Пресвятой Богородицы, сохранившийся до наших дней.

Современное описание храма Успения Пресвятой Богородицы (1880–1887 гг.): здание оштукатурено, в деталях ограничено применён белый камень. Осевая композиционная схема постройки и её внешний облик выработаны практикой периода эклектизма и псевдорусского стиля. Бесстолпный одноглавый куб храма с двумя ярусами окон перекрыт глухим сомкнутым сводом, несущим барабан с луковичной главой. Пониженное смежное помещение трапезной заключает в себе два придела, где алтари пространственно организованы системой столбов, арок и сводов. Завершает композицию трёхъярусная башня колокольни. Наружная декорация памятника основана преимущественно на глубокой переработке мотивов XVII века, отличаясь выразительными крупными формами. Лишь колокольня, в 1906 году надстроенная И.П. Румянцевым, выделяется схематизмом и сухостью убранства с реминисценциями приёмов барокко. В декоре здания широко использованы лопатки, которые крепуют углы и членят стены храма на прясла, сведённые ложными килевидными арками наподобие закомар. Несложные пояса и карнизы дополнены кирпичными консолями, фриз украшают квадратные нишки, упрощённый вариант традиционных ширинок.

²¹ Одинцовская земля...
С. 475

²² Одинцовская земля...
С. 475

Интерьеры здания восстановлены в 1946 году, масляная настенная живопись поновлялась в 1980-х годах. Контрастные по характеру помещения хорошо освещены большими арочными окнами с металлическими решётками.

Храм украшает строгий четырёхъярусный иконостас второй половины XIX века с чертами псевдорусского стиля. Малые иконостасы и убранство трапезной новейшие. Пол настлан цементными плитками²³.

В приход старой носовской Успенской церкви входил ряд селений и усадеб, среди них деревня Ястребки, усадьба Островня, деревня Мартьяново, деревня Тарасково, деревня Шарاپово.

В документах деревня Ястребки впервые упоминается в последней четверти XVIII века. В 1786 г. деревня Ястребкова принадлежала коллежской советнице Наталье Никитичне Евреиновой и здесь числилось 35 ревизских душ. Судя по «Экономическим примечаниям» конца XVIII в., деревня состояла из пяти дворов, где проживало 33 души мужского и 27 женского пола, и принадлежала майорше Елизавете Семеновне Петровой. На суходоле стоял деревянный господский дом со службами об одном этаже. Из 150 десятин владения четыре пятых, или 120 десятин, занимал лес. Крестьяне работали на барщине и, как отмечает источник, находились «в бедном состоянии».

По материалам 1852 г. деревня Ястребки принадлежала штабс-капитану Александру Павловичу Грушецкому и в ней значилось 10 дворов, в которых жили 71 душа мужского и 77 женского пола.

Судя по данным 1890 г., в Ястребках проживало 108 человек, а здешняя усадьба принадлежала Генриетте Андреевне Дювернуа и ее супругу, профессору и преподавателю Московского университета, известному своими классическими работами в области истории, археологии, сравнительного языкознания. Последние годы жизни он проводил в усадьбе в Ястребках, которая в документах фигурирует в качестве «небольшой дачи, около 50 десятин земли».

По данным 1926 г. в селе имелось 23 двора и 104 человека (43 мужчины и 61 женщина), а по сведениям переписи 1989 г. в Ястребках числилось 30 дворов и 54 человека постоянного населения²⁴.

Усадьба Островня (до революции — Хутор Островня) — населённый пункт на левом берегу р. Островни, у железной дороги. Теперь — дом отдыха. Сохранились пруды и остаток большого парка (липовые и еловые аллеи)²⁵.

В числе владельцев Островни документы упоминают дворянский род Осоргиных²⁶, восходящий к XV веку. Прародитель рода Александр Осоргин погиб в бою под Суздаlem в 1445 году.

²³ МВЦ. 1886. №52. С.785; ГИМ ОПИ, ф.465, д.123, л.151-152; ЦИАМ, ф.203, оп.450, д.18. 1879-1880 гг.; ф.54, оп.136, д.13, л.192-198. 1879 г.; оп.160, д.12. 1906 г.

²⁴ Одинцовская земля... С. 472-475; Ипполитов Б. А. А. Л. Дювернуа и Ю. В. Лермонтова и Звенигородский край // Звенигород. Проблемы изучения истории и культуры. М., 1991. С. 21-22; Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы... М., 1882. Вып. 2. С. 105-107

²⁵ ПОК-2004, С. 324

²⁶ См. Приложения

В XVIII веке Островней владела помещица Елизавета Осоргина, а затем коллежский ассессор Михаил Герасимович Осоргин, поручик и звенигородский уездный судья. Затем документы называют хозяевами Островни князя Николая Голицына (1794–1866), а с 1890 года помещицу Иванову-Козельскую.

Князь Голицын собрал в Островне богатую нотную библиотеку, которой часто пользовался в 1885 году Петр Чайковский. Композитор отыскивал ноты старинных романсов и воспользовался ими для сочинения арии Трике в опере «Евгений Онегин».

Род Николая Голицына по прямой линии восходит к генерал-фельдмаршалу, князю Михаилу Голицыну (1675–1730), прадеду владельца звенигородской усадьбы. Михаил прославился тем, что отбил у шведов в 1702 году считавшуюся неприступной крепость Шлиссельбург, что стало первой крупной победой русских войск в Северной войне. Правнук знаменитого генерал-фельдмаршала участвовал в 50 сражениях Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–14 гг. Ординарец князя Петра Багратиона, он был награжден орденами и золотой шпагой «За храбрость», которая сейчас хранится в Государственном Эрмитаже. Именно Голицын сопровождал тяжело раненного в Бородинском сражении Багратиона в имение его родителей в селе Симы Владимирской губернии.

Князь Голицын переводил на французский язык стихи Александра Пушкина, Ивана Козлова и Николая Языкова. В 1836 году он выслал свой перевод стихотворения Пушкина «Клеветникам России» в Петербург из Артека — крымского имения своей сестры Татьяны Потемкиной. С Пушкиным князь был знаком и прежде. По утверждению его сына, «отец сошелся с поэтом еще в начале его литературной славы, и отношения их поддерживались до самой смерти последнего». Поэт отозвался на посылку князя Голицына письмом, написанным 10 ноября 1836 года, за два месяца до дуэли: «10 ноября 1836 года из Санкт-Петербурга в Артек.

Тысячу раз благодарю Вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны. Я видел уже три перевода, из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа моих друзей, но ни один не стоит Вашего. Отчего Вы не перевели этой пьесы в свое время, — я бы послал ее во Францию, чтобы шелкнуть по носу всех крикунов из Палаты депутатов. Как я завидую Вашему прекрасному крымскому климату: письмо Ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц. Вы

обещаете перевод в стихах моего «Бахчисарайского фонтана». Уверен, что он вам удастся, как все, что выходит из-под Вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаетесь, самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, как переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть столь же кратким. И так, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как Вы. Прощайте, я еще не отчаялся увидеть Вас в нашей столице, ибо знаю, как Вы легки на подъем. Весь Ваш А. Пушкин».

Свое звенигородское имение Островня князь в шутку называл Артеком — крымские татары звали так перепелок, а птицы эти в изобилии водились в подмосковных княжеских владениях. Князь Голицын был в родстве с княжеским родом Юсуповых: младший сын фельдмаршала Михаила Голицына Андрей (1729–1770) был женат на княжне Елизавете Юсуповой (1745–1770), сестре Николая Юсупова, первого директора Эрмитажа и хозяина подмосковного Архангельского, которое посещал Николай Голицын.

Князь активно пропагандировал творчество Бетховена в России и сам прекрасно играл на виолончели. Не напрасно в Шихове до сей поры, словно в память о выдающемся князе-музыканте, делают струнные инструменты. С Бетховеном он дружил и состоял в активной переписке. Музыкант посвятил русскому князю свои четыре «Голицынских квартета».

Князь прятельствовал и с Йозефом Гайдном, и с Фредериком Шопеном, и с Михаилом Огинским.

Голицыну шел 61-й год, когда он, отставной подполковник, вновь оказался на полях сражений Крымской войны. В 1855 году он собрал отряд добровольцев из своих крестьян под названием Новооскольская 45-я дружина, во главе которой участвовал в обороне Севастополя. Вместе с ним воевали его сын и внук. На звенигородской земле князь трудился над своими мемуарами о военных походах 1812–14 годов, писал работы по богословию, занимался переводами. Голицына похоронили в Святогорской Успенской лавре Курской епархии (сейчас город Святогорск Донецкой области на Украине)²⁷.

Все Осоргины очень любили и ценили своё имение, не случайно многие представители этого старого дворянского рода завещали похоронить себя на кладбище их приходской церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Носове. До нынешних дней на старинном Носовском кладбище чудом сохранилось несколько надгробий Осоргиных. Ныне один из памятников перевезен в Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина²⁸.

²⁷ Георгий Блюмин. Исторические записки. Архив ЗИАиХМ

²⁸ См. Приложение 4 (описание надгробий Осоргиных)

Село Шарапово расположено в нескольких километрах к юго-западу от Звенигорода, в верховьях небольшого водотока, впадающего справа в р. Сетунь. Название поселения может происходить от личного имени Шарап (имя либо от тюркского «честь, слава», либо от русского «разграбление», «взятие на шарап») [Поспелов, 2000]. В связи с последней возможностью интересно указание К.Н. Благосклонова [1987], что за Шараповом когда-то водилась дурная слава «разбойного места» [с. 6]. Не исключено, что такая легенда как раз и возникла благодаря названию села, а название это владельческое.

Шарапово в сохранившихся документах впервые упоминается в 1558 г. Тогда здесь находилась деревянная Никольская церковь, а само село являлось вотчиной Саввино-Сторожевского монастыря. В период Смутного времени Шарапово подверглось разорению, погиб и Никольский храм. В писцовых книгах 131 и 132 (1623–1624) упоминается «Саввы Сторожевского монастыря вотчина, что было село Шерапово, а в нем была церковь Николы Чудотворца, пашни церковных земли лесом поросло 10 четвертей в поле, а в дву потому ж, земля худа». Церковная земля на пустоши Шераповой отдавалась в оброк с 1635 по 1693 вместе с церковными землями Георгиевскою в Софъне и Покровскою — в Хвощине, а obroку платилось по 3 алтына в год. В 1693 году декабря 18 дня «по указу Святейшаго Патриарха и по помете на выписке дьяка Андрея Денисовича Владыкина велено на церковную Никольскую землю положить оброк по 5 алтын в год и отдать на оброк Саввы Сторожевского монастыря архимандриту с братьею», за которыми и числилась на оброке по 1739 год.

Из переписных книг видно, что пустошь Шерапово, находившаяся в одной версте от с. Успенского (Носово. — А.А.), населена бобылями, после 7154 (1646) года, и была деревнею, в которой состояло в 1678 г. «8 дворов бобыльских, в них 21 человек» и в 1705 г. — 16 дворов крестьянских²⁹.

В собственности монастыря Шарапово оставалось до 1764 г., когда в результате секуляризации церковных имуществ местные крестьяне стали «экономическими». Описание конца XVIII в. сообщает, что деревня стояла по обе стороны большой Верейской дороги, в ней имелось 23 двора и проживало 111 душ мужского и 90 женского пола. Сама она входила в состав «экономической» Покровской волости. Судя по сведениям 1852 г., деревня Шерапова состояла в ведомстве Государственных имуществ, а в ее 38 дворах проживало 145 душ мужского и такое же количество женского пола³⁰.

²⁹ Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах Московской епархии. М., 1882. Вып. 2. С.127

³⁰ Одинцовская земля/серия "Энциклопедия сел и деревень Подмосковья". М., 1994. С. 452

³¹ Там же. С. 454

³² Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. Т.1. М., 2004. С.242

По данным 1890 г. в селе Шарапове, являвшемся центром волости, проживало 407 человек, располагались квартира урядника, волостное правление и сельское училище.

Шарапово и Носово слились в одно село в 1918 г., церковь Успения числилась в селе Шарапово-Носово Звенигородского уезда.

В годы советской власти перепись (1926 г.) зафиксировала здесь 86 хозяйств, где проживало 555 человек. Находились школа первой ступени, изба-читальня, кооператив, сельсовет и фабрика стальных часов. По данным 1989 г. тут имелось 504 хозяйства и 1628 постоянных жителей³¹.

В ближайших окрестностях деревни располагался Никольской пустовой погост Звенигородского уезда Городского стана, межевал 7 сентября 1766 г. Перхуров. Пашня 8 дес. 2149 саж., сенной покос 1 дес. 2081 саж., лес 2 дес. 2150 саж., болот 1 дес. 1969 саж., кладбище 180 саж. Всего 15 дес. 1329 саж³². Изучив план этого погоста в РГАДА, мы выяснили, что его земля располагалась по обоим берегам ручья (оврага), но старое кладбище находилось именно на левом берегу, на окраине современного села.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ЛАНДШАФТНАЯ ПРИВЯЗКА ПАМЯТНИКА: находится в 0,75 км к ЗЮЗ от западной окраины дер. Ястребки, практически вплотную примыкая к шоссе Звенигород–Кубинка (ранее это была большая столбовая Верейская дорога). Селище расположено на бывшем пахотном поле, между шоссе, старым кладбищем (находится с ВСВ от выявленного памятника) и лесным массивом, который подступает с ЮВ. Площадка поселения занимает равнинный участок в центре водораздельной возвышенности (высоты 176.2–177.6 м над уровнем Балтийского моря), вдали от рек. Единственным источником водоснабжения в средневековье здесь служил копаный пруд, сохранившийся к ЮЗ от селища. Пруд имеет округлую форму (диаметр ок. 32–33 м) с хорошо заметной серповидной обваловкой с ЮВ стороны.

РАЗМЕРЫ ПАМЯТНИКА: размеры селища около 160 x 60–65 м (на основании распространения подъёмного материала и наблюдений за цветом грунта в кротовинах).

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ: культурный слой представляет собой темно-серую и серую супеси с включениями кусочков печины, кирпичного боя, древесных угольков, фрагментов разновременной керамики. Мощность культурных напластований варьируется от 0,2 до 0,6 м. При осмотре поверхности селища, главным образом по краям поля, встречались крупные валуны и обломки большемерного кирпича, переме-

**ОПИСАНИЕ
ПАМЯТНИКОВ
АРХЕОЛОГИ-
ЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ
СЕЛИЩА
ЯСТРЕБКИ
(НОСОВ ПОГОСТ)**

щенные сюда при сельхоз. работах. На периферии поля, в ЮЗ части памятника был найден фрагмент белого камня, который мог быть частью надгробной плиты. Вероятно, он тоже был перемещен сюда с центральной, наиболее возвышенной части селища.

ДАТИРОВКА ОБЪЕКТА. XVI–XIX вв.

НАХОДКИ: при площадных сборах найдены фрагменты средневековой красноглиняной, белоглиняной гладкой, чернолощевой, и мореной гончарной керамики. Пропорции сосудов (преобладают горшки средних размеров) и профилировки венчиков типичны для поздней московской керамики XVI–XVIII вв. Собрано 127 керамических фрагментов, отобрано в музейную коллекцию 52 образца. Индивидуальные находки собирались визуально и с применением электронных детекторов металлов, которые применялись лишь на тех участках, где культурный слой был неоднократно переотложен в процессе многолетней распашки³³.

СЕЛИЩЕ ШАРАПОВО

Местоположение, ландшафтная привязка: поселение расположено на западной окраине с. Шарاپово, на левом берегу запруженного Шараповского ручья (правый приток р. Сетуни). Высота над уровнем воды в ручье — ок. 2,5 м. Площадка селища практически горизонтальная (с незначительным уклоном в сторону протоки), овальной в плане формы, распаивается под огороды.

РАЗМЕРЫ ПАМЯТНИКА: около 55 x 40 м (на основании распространения подъёмного материала и наблюдений за цветом грунта на распашке).

ДАТИРОВКА ОБЪЕКТА. XIV — нач. XVII в.

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ: темно-серая и серая гумусированные супеси с включениями пережженных камней, угля, разновременной керамики. Мощность достигает 30 см.

НАХОДКИ: керамический материал XIV — нач. XVII в. из сборов подъёмного материала вполне типичен для московского региона. Это фрагменты сосудов XIV–XV вв. Тесто с примесью кварцевого песка средней и крупной зернистости. Декор в виде неглубокого рифления или косой волны нанесен на слегка просушенную поверхность. Обжиг, как правило, хороший, но среди собранных обломков встречаются единичные образцы со следами неполного обжига (с характерным трёхцветным окрасом излома). Более поздняя керамика представлена фрагментами красноглиняных горшков XVI — нач. XVII в. Поверхность этих сосудов мелкошероховатая, обжиг горновой, качественный.

³³ Работы осуществлялись металлоискателями фирмы «Fisher». Все находки тщательно фиксировались и наносились на план памятника

СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, НАЛИЧИЕ РАЗРУШАЮЩИХ ФАКТОРОВ (ПРИРОДНЫХ ИЛИ АНТРОПОГЕННЫХ): современное состояние оценивается как удовлетворительное. Поверхность селища свободна от застройки, ежегодно распахивается под частные огороды. Через ЮВ часть памятника проходит ЛЭП.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина (НИОР РГБ) хранится обширный архив Осоргиных, где среди прочих документов имеются воспоминания М.М. Осоргина³⁴. В этих исторических и автобиографических очерках содержится чрезвычайно интересная информация о Герасиме Григорьевиче и о его сыне — Михаиле Герасимовиче Осоргиных, похороненных на старом кладбище бывшего Носова погоста под Шарапово. Изображения их надгробных памятников даны в иллюстративной части настоящего отчета. Ниже приводим эти документы с небольшими исправлениями и сокращениями.

1. МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ОСОРГИН. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ГЕРАСИМА ГРИГОРЬЕВИЧА, МИХАИЛА ГЕРАСИМОВИЧА И МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ОСОРГИНЫХ. [ПОСЛЕ 1914]. АВТОГРАФ. 13 Л. НИОР РГБ, Ф. 215 ОСОРГИНЫ, КАРТОН III, № 1. Л. 1.

«Герасим Григорьевич Осоргин родился в 1732 году. Отец его, Григорий Иванович, был военный и служил в Архангелогородском драгунском полку и вышел в отставку в чине капрала и умер после 1750-го года (год точно не известен). Проживал дома и занимаясь собственными делами. Про мать Герасима Григорьевича, т. е. кто она была и как была урожденная, ничего не известно. До 1750-го года Герасим Григорьевич жил при своих родителях, по-видимому в Симбирской губернии в родовом Осоргинском имении Теле(ш)овки. В 1748 г. 15 декабря недоросль Герасим был «явлен» на первый смотр в Симбирскую провинциальную канцелярию дядей своим, отставным прапорщиком Максимом Коньевым (несмотря на ряд сохранившихся бумаг, где фигурирует Максим Терентьевич Коньев, в каком родстве <он> находился с Герасимом Григорьевичем уяснить не удалось). В Симбирской провинциальной канцелярии выдан был Герасиму пачпорт и велено ему было явиться в Герольдию. В 1750 [вероятно, ошибка, судя по дальнейшему тексту должно

³⁴ Осоргин Михаил Михайлович, (16.04.1861—1939) был Харьковским вице-губернатором, губернатором Гродно, губернатором в Туле. В отставке с 1905 г. Жена Елизавета Николаевна в девичестве Трубецкая. Их сын Михаил (1887—1950), в 1918 вместе с будущей женой Еленой Николаевной Муравьевой-Виленской возглавлял поезд Красного Креста, в эмиграции псаломщик и регент хора Богословского института на Свято-Сергиевском подворье в Париже

быть — 1749] году 23 декабря, достигши 18-тилетнего возраста, недоросль Герасим явился в Разряд на второй смотр с заявлением, что он желает поступить на военную службу, на которую он и был определен в том же году по резолюции Сенатской конторы от 7-го февраля. По имеющимся в бумагах челобитиям Герасима Григорьевича императрице Екатерине Великой и аттестату, выданному ему светлейшим князем Волконским Михаилом Николаевичем, под начальством которого он прослужил большую часть своей военной службы, можно довольно точно установить, как протекла его военная, а затем и гражданская служба. Вступил он на военную службу в 1750 г. 30-го марта. Унтерофицерские чины прошел в следующем порядке: капралом — в 1750 г. 25-го апреля, подпрапорщиком — в 1751 г. 1-го января, вахмистром в 1751 г. 5-го сентября. Первый офицерский чин прапорщика он получил в 1757 г. 27 марта и затем последовательно занимал должности и чины в следующем порядке: полкового адъютанта — 1760 г. 1-го января, полковым квартирмейстером 1763 г. 1-го декабря, в 1764-м г. 31-го августа он получил чин обер-аудитора, определен на службу в штаб светлейшего князя Волконского, далее секунд-майора — 1770 г. 1-го января, а в 1771-м году 22 декабря — генерал-адъютанта. В период с 1770 по 1775 г. Герасим Григорьевич во время бытности кн. М.Н. Волконского московским главнокомандующим принимал в его штабе деятельное участие в борьбе с чумой, бывшей в Москве в 1771 г. и в усмирении пугачевского бунта (1773–1775), что подтверждается следующими словами из сохранившейся собственноручной аттестации его кн. Волконским: «порученные ему (Гер. Григ.) дела, а особливо во время бытности здесь (в Москве) заразы, также и в злодейство Пугачева, находясь при мне у вверенных ему секретных нужных дел, исправлял их с ревностью и усердием. В 1777 г. 8-го февраля Герасим Григорьевич по прошению по собственному желанию был уволен в отставку и при посредстве и помощи кн. Волконского, который, судя по сохранившимся частным его письмам к нему весьма благожелательно относился и принимал живейшее участие в его дальнейшей судьбе, получил в том же году 5-го мая место директора Оренбургской пограничной таможи. Характер и род его службы в должности директора Оренбургской пограничной таможи вполне определен в его челобитии на имя императрицы Екатерины Великой, поданной им в 1783 г. 25-го апреля, где он просит после 34-хлетней службы уволить его совсем в отставку: «По бытности при нынешнем моем месте имел повседневно с бухарцами, хивядцами, с киргиз-кайсаками, равно и с торгующими российскими купцами дела, не-

усыпно старался о распространении коммерции и умножении Вашего императорского величества высокого интереса, что, помощью Божьею, и успел, осмеливаюсь Вашему императорскому величеству поднести о всех во Оренбургском меновном дворе доходах, каковы оные были от начала открытия ярмонки, когда были там славные торги и когда в мену привозилось от бухарцев золото и серебро, то и тогда директор столь доходу не составил, как в мою в небытность приумножено, до определения же моего российских караванов в Бухару выходило не более как тысяч на двенадцать, но я через мое старание довел так, что в прошедшем году вышло их тысяч без мала на полтораста, желание мое было и доводил я купечество, чтобы чрез Оренбургскую таможду и Бухарию открыть коммерцию в Индию». В должности директора Оренбургской пограничной таможи Герасим Григорьевич пробыл до 1784 года, когда после поданного им прошения об увольнении его по болезни вовсе от службы он по указу Правительствующего сената от 16-го июля получил отставку, на что указывает полученное им из Уфимского наместничества свидетельство, хранящееся в деле родословной Осоргиных.

Женат был Герасим Григорьевич два раза: первым браком за Авдотьей Сергеевной (фамилию его первой жены точно установить не удалось и лишь можно предполагать, что она была дочь полковника Сергея Секерина), двоюродной сестрой Михаила Ивановича Трегубова, жены его, вдовы Анисьи Лукиной, дочери кузина. Сколько времени он был женат и когда именно женился точно неизвестно, лишь положительно известен период его первого брака — от 1771 до 1776 г., во время которого 6 декабря 1775 г. у него родилась дочь Варвара, впоследствии замужем за Михаилом Адриановичем Устиновым, скончавшемся 2 ноября 1808 г. и похороненным в Новодевичьем монастыре. В 1781-м году Герасим Григорьевич женился вторым браком на вдове Михаила Андреевича Суровцова Екатерине Михайловне, урожденной Ахлестышевой, принесшей ему с собой в приданое свое калужское имение Тарусского уезда при селе Хомякове и деревне Дербиной, а также московское имение Звенигородского уезда — Островня. От этого брака доподлинно известно про рождение сына Михаила. Что касается других детей Герасима Григорьевича, можно упомянуть еще про дочь Варвару, о которой упомянуто выше. Из братьев и сестер Герасима Григорьевича известно лишь про его сестру Акулину, вышедшую замуж за Александра Немчинова, про другую сестру Евгению, замужем за Иваном Аристовым, и про брата его Сергея, про которого известно, что он был холостой и бездет-

ный, из следующей записи, учиненной между двумя братьями: «1767 года августа в 22 день Штаба господина генерал-аншефа, сенатора, лейб-гвардии конного полку подполковника и разных орденов кавалера кн. Михаила Никитича Волконского обер-аудитор Герасим Григорьев сын Осоргин, дал я сию запись брату своему родному, отставному прапорщику Сергею Григорьеву сыну Осоргину в том, что оной брат мой, как холостой и при том не молодой уже человек есть и навсегда в пропитании своем нужды иметь не мог, обязуюсь я сею записью по родству моему, а по старости его лет по смерть его поить и кормить, а также снабживать без недостатку по смерть его. А ежели я, Герасим, против сей записи ему, брату моему, никакого удовольствия не учиню, то ему, брату моему, взять с меня за это и с детей моих и по мне с наследников неустойки двести рублей».

21-го апреля 1885 [описка, должно быть — 1785] года, как известно императрица Екатерина II положила основание, обнародованием жалованной грамоты, в ряду сословий государства — сословию «благородного» дворянства, которое, кроме того, получало в этой же грамоте много льгот. Для внесения себя и своего рода в это сословие требовалось доказательство о происхождении от издревле служилых предков отечеству и престолу. Из сохранившихся бумаг видно, что Герасим Григорьевич с 1886 [описка, должно быть — 1786] года начинает хлопотать о записи своего рода в гербовник. В 1788 году он из Вотчинного департамента получил копии с жалованных его предкам Ивану Назарьевичу, Борису Васильевичу и Василию Борисович Осоргиным грамот на земли; в том же году дан из Разрядного архива получает копию со справки о службе своих предков периода от 1587 до 1750 года. Наконец, в 1797 году он из Самарского уездного суда получает засвидетельствованные копии с 5-ти грамот на земли, жалованные царями и великими князьями его предкам, хранившиеся у его однофамильца и современника Саввы Федоровича Осоргина (впоследствии доставленных на вечное хранение в Русское генеалогическое общество его правнуком Владимиром Владимировичем и напечатанным с комментариями Н. Лихачева в 1-м выпуске Известий Русского генеалогического общества в 1900 г.) Со всеми полученными документами он за год до своей смерти, в мае 1800 г. обращается с прошением в Московское дворянское депутатское собрание, где он ходатайствует о внесении «рода моего в общий гербовник и о утверждении употребляемого в фамилии предков моих герба, с которого прилагаю копию со описанием, по учинении своего определения на утверждение препроводить Правительствующего сената в Герольдмейстерскую контору».

29 ноября того же года он из Департамента герольдии получил копию с утвержденного Осоргинского герба, внесенного в гербовник, что составляет вернейшее доказательство о признании за его родом права дворянства, почему без всяких затруднений, как его род, так и он сам внесены были в шестую часть книги московского дворянства. Все эти хлопоты выпали в то время на его долю ввиду того, что он был старейшим представителем своего рода, так как единственные Осоргины другой с ним ветки того времени были моложе (Федор Васильевич и его сын Савва Федорович), и он выхлопотал своему роду право записи в дворянство, тем самым записал и своих современников однофамильцев, последнее подтверждается из сохранившихся копий его 2-х писем на имя Саввы Федоровича, писанных в августе и ноябре 1800 г., где он в первом обещает Савве Федоровичу, как только утверждение герба состоится, вырезать ему соответствующую печать, а во втором письме сообщает о том, что в газетах уже напечатано об утверждении за родом Осоргиных права дворянства, и тут же он советует ему получить при его помощи для себя и своего отца соответствующее свидетельство из Департамента герольдии.

Через год, т. е. в 1801 году или в 1802 г. Герасим Григорьевич скончался на шестьдесят девятом году жизни, оставив своему еще несовершеннолетнему сыну крупное даже по тем временам состояние, заключавшееся, главным образом, в земельных имуществвах, которых он, уже не говоря о тех, что получил в наследство от своего отца, постоянно прикупал в течение своей службы и затем, когда после отставки поселился дома и занимался собственными делами. Из более крупных имений, которые он оставил сыну, можно назвать Симбирской губ. Комаровка, Телешовка, (Цимнос), Оренбургской губ. Гниздино, Владимирской губ. Никольское, Нижегородской губ. Былино и несколько еще мелких, о которых вскользь упоминается в сохранившихся бумагах. Место погребения тела Герасима Григорьевича точно не известно и, лишь основываясь на том, что скончался он в своем доме³⁵ на Басманной ул. в приходе Никиты Мученика в Москве, дает основание предполагать, что похоронен он в подмосковной своей жены Екатерины Михайловны Островне Звенигородского уезда (именно его надгробие было обнаружено на старом кладбище Носова погоста — А.А.)

(л. 3) Михаил Герасимович Осоргин родился 11-го (10) апреля 1784 г. В семье сохранилось очень мало сведений о его детстве. Отец его скончался, когда ему не было еще семнадцати лет, так что над ним была назначена опека, сосредоточенная в Москве, причем до 1808 года опека эта не снималась, и лишь в этом

³⁵ Дом этот, расположенный на обширной земельной площади, был куплен Гер[асимом] Григорьевичем в 80-х годах у иноземца, содержателя швейной фабрики Фольца и по тогдашним временам местонахождение этого владения определялось следующим адресом: «Приход церкви Хрис[това] великомученика Никиты, что в Старобасманной слободе за Покровскими воротами за Земляным городом»

году, когда ему уже минул 24-й год, он подал прошение о снятии опеки, которое и было удовлетворено, но впоследствии, ввиду его душевной болезни, <опека> вновь была возобновлена и продолжалась с 1813 <до> 1816 года. И действительно, его служба имела перерыв именно в эти годы. Начал он таковую еще при жизни отца в 1800 году 7 мая унтер-офицером в Полтавском мушкетерском полку. В том же году 30 декабря произведен в портупей-прапорщика и 23 октября 1803 г. в прапорщика, а 25 марта 1804 г. назначается шефским адъютантом и производится в подпоручика 25-го октября, а уже 28-го ноября того же года выходит в отставку. Затем он вновь возвращается на гражданскую службу в 1807 году по выборам от дворянства, состоявшимся на собрании 20-го декабря 1806 года и в этот же год 19 июня награждается золотой медалью беспорочной службы, 25 июня назначается сотенным начальником Звенигородской подвижной милицией, 27-го июня производится в поручики и 30-го ноября назначается для сопровождения рекрутских партий. В 1810 году 23-го января ему поручают освидетельствовать звенигородские сельско-запасные магазины, затем наступает перерыв в службе и лишь 21-го января 1820 года он вновь возвращается к общественной деятельности по выборам, занял должность дворянского заседателя в Московской гражданской палате, переименован в гражданский чин коллежского секретаря 31-го декабря 1827, а 24-го мая 1834 года избирается заседателем Московского совестного суда, в этом же году 22-го августа он награждается пряжкой за XXV-летнюю службу, а 31-го декабря производится в титулярные советники. До того он по статусу получил ордена Владимира 4 степени в 1824 г. и Анну 3 степени в 1830 г., а в 1835 г. за отличие награждается орденом Св. Станислава 3 степени.

Женат он был на дочери майора Андрея Богдановича Лыкошина Варваре и свадьба состоялась по всем вероятностям (точно не известно) в 1828 году (свадьба состоялась в 1824 или в 1825 г., так как 21 января 1826 у них родился сын Герасим, умерший во младенчестве — А.А.). Семья Лыкошиных принадлежала к богатому известному дворянскому роду Смоленской губернии, но эту ветвь преследовал рок: старший брат Варвары Андреевны — Василий умер бездетным, другой брат Павел в 1819 г. убит своими крестьянами, а Андрей пропал без вести, сестра Екатерина, вышедшая замуж за Паншина, умерла бездетной, а у другой сестры Марии Моравской умерли все дети. Самой Варваре Андреевне жизнь выпала нелегкая, детей было много: в 1828 г. родилась дочь Екатерина, в 1830 г. — дочь Мария, в 1834 г. сын Михаил и в 1837 г. дочь София. Кроме этих

детей у нее еще было двое умерших в младенческих годах, один из них был сын, названный в честь деда — Герасимом (родился 21 января 1826 — скончался 16 февраля того же года и был похоронен на кладбище Носова погоста; его имя выбито на родовом памятнике, перевезенном в усадьбу Вязёмы. — А.А.).

Михаил Герасимович таил в себе тяжелую душевную болезнь, которая по временам обострялась и принуждала изолировать его от семьи. В светлые промежутки эта болезнь оставляла на него печать угрюмости и большой вспыльчивости, возвращение его к светлым периодам наступало иногда совершенно неожиданно. Так, например, однажды жена его после более чем годового промежутка затемнения его рассудка во время вечерней молитвы около его комнаты услышала его голос совершенно разумный: «Веронька, о чем ты плачешь, я совершенно здоров» и наступил его последний довольно продолжительный светлый период. По рассказам он имел особенную почтительную память о своей матери, почему и вся семья его была особенно близка к его двоюродному брату Дмитрию Дмитриевичу Ахлестышеву и двум его престарелым сестрам-девам, при чем, по установившемуся обычаю, Ахлестышев играл всегда впоследствии роль старшего родственника при разных семейных событиях. Когда же Михаил Герасимович около 1841 года купил свое калужское имение Сергиевское, то в доме устроены были для приездов Ахлестышева особые апартаменты под названием «генеральские», так как Дмитрий Дмитриевич был генерал от инфантерии и к тому же имел исключительное военное отличие — состоял шефом Софийского пехотного полка, которым он некогда командовал. В это же время были и другие родственники со стороны Осоргиных ветви Соввы Федоровича по прозванию в семье «Саввичей» и, хотя семьи родственные отношения соблюдали, но такой близости, как к Ахлестышевым, родным по матери Михаила Герасимовича, никогда не было. Центром семейной жизни Михаила Герасимовича до 1814 года было зимою Москва в собственном доме на Басманной ул., а летом Островня, Звенигородского уезда. По рассказам, жизнь была открытая, он сам был страстных охотник, лошадей, которых разводили специально для его выездов в имениях его Симбирской губ. Был целый ряд подобранных шестериков, масть в масть, отметка в отметку. Ходили целые рассказы о двух шестериках, вороном и сиром, запрягаемых лишь для сокольнического первомайского гуляния, из коих один выводился в пополах к самому месту гулянья, в сбруе, отделанной серебром, а на другом супружеская чета приезжала к месту гуляния. Строг он был непомерно со своими

крепостными, особенно строго взыскивая с кучеров, требуя безукоризненной чистки лошадей и проверяя оную при подаче лошадей обтиранием крупа лошади батистовым платком. Играл он в карты, и рассказывали, что возвращался он подчас из клуба глубокою ночью <ю> после сильных кутежей, и встречавшие его слуги должны были и видом не показывать, что они замечают состояние своего барина. С детьми он имел мало общения. Еще старшие дочери его отчасти помнили, но и то довольно смутно, в семье не сохранилось ни одного его портрета. К сыну он относился особенно сурово, несмотря на его детский возраст, и лишь редко требовал от нянюшки его привода, и то большей частью, чтобы прочесть какую-либо нотацию. К жене относился всегда особенно любовно и, несмотря на тяжелую жизнь по причине его болезни, она сохранила о нем всегда благодарную добрую память. Он же в своем духовном завещании, написанном в один из его светлых промежутков, в 1843 году, особенно ярко высказал свое чувство к жене. Состояние его было довольно запутано и, получив, по-видимому, от отца многочисленные земельные собственности, он их часть распродал. В 1829 году мы видим, что он хлопочет о снятии запрещения с его имения, наравне со всеми имениями других членов Гражданской палаты, наложенного на него за неправильное утверждение купчей крепости Павла Никифорова Крюкова (в документе зачеркнуто карандашом). По рассказам его детей, жена его лишь перед самой своей смертью выиграла процесс о возвращении ей имения мужа в Симбирской губ. при сельце Михайловке и Щильни от целого ряда захватчиков и, между прочим, от потомков того Мотовилова, который был учеником и сподвижником Серафима Саровского. Пользовалась она для этого услугами особого крепостного, получившего еще при Михаиле Герасимовиче специальное образование у земского дьяка для писания жалоб и челобитей.

Покупка им в начале 40-х годов калужского имения Сергиевского было серьезным событием для семьи, так как с этого времени это новое поместье д(е)ла(лось?) центром местопребывания семьи. Для него же лично эта покупка была роковой, как будет сказано впоследствии. Покупка эта произошла совершенно неожиданно, за карточным столом в Английском клубе, где владелец этого имения, Сергей Васильевич Карр, только что похоронивший свою мать и оказавшись во главе этого крупного поместья, коим не умел управлять, прожив всю свою жизнь в разных странствованиях, начатых тем, что он убежал из родительского дома и, определившись юнгой, уплыл в Америку, заявил во всеуслышание, что продаст это имение за 300 тысяч рублей ассигнациями. Поместье это, хотя и было

известно в некоторых кругах как место ссылки генерала Карра (его отца) за неудачный поход его против Пугачева, но Михаил Герасимович мало о нем знал и, думая, что это шутка, ответил шуткой же, что он покупает. Карр поймал его на слове, от которого Осоргин не захотел отказаться, дорожа дворянской честью, и имение, совершенно неизвестное, было куплено. Приехав осмотреть это имение, Михаил Герасимович узнал всю историю семьи продавца, а именно, что отец его, упомянутый генерал Карр на своих крепостных вымещал всю злобу за погубленную карьеру. Дом, который он построил, имел целью защитить его от Пугачева или подобных ему разбойников, страх коих постоянно его преследовал. Узнал он и легенду, что этот генерал замурован взбунтовавшимися крепостными в одной из стен дома и что жена его, бывшая всегда особенно святой жизни, после этого события ушла в монастырь замаливать грехи мужа и свое достояние отдала на постройку большой каменной церкви на место пришедшего в ветхость деревянного храма, но перенеся его в пределы усадьбы и устроив приделы во имя святых, в честь которых были наречены муж и сын. Местный архиерей, желая почтить особую ревность почившей Марии Сергеевны Карр, велел, несмотря на ее монашеский чин, похоронить ее не в ее калужской женской обители во имя Казанской Божьей Матери, а в самом воздвигнутом ею храме. Вот эта одинокая могила, брошенная родным сыном, и была первым тяжелейшим впечатлением при въезде в имение, куда он приехал один, без семьи. (Трагическая) (вписано карандашом) судьба стариков Карр, (легкомысленное) (вписано карандашом) отношение к их памяти их единственного сына настолько потрясло болезненное воображение Михаила Герасимовича, что он вновь заболел острым приступом помешательства, что слуги выписывают эстафетой его жену и лишь под ее надзором перевозят его в Москву. От этого приступа он, хотя и поправился на короткий срок, но это было началом того недуга, который окончательно свел его в могилу без всякого просветления, так что, когда ему привозили дочерей-невест для благословения, он их не узнавал. По-видимому, семья не стремилась ограничивать его в правах владения, всем заведовала по доверенностям его жена, а выделение частей из наследства дочерям оформлялось уже после его кончины. В последний свой светлый период, в 1843 г. он пишет духовное завещание, в котором точно выражает желание, чтобы вновь купленное имение ушло бы из рода Осоргиных, для чего и завещал его трем дочерям, а сыну завещал все те родовые имения, на которых строилось благополучие рода. Желание его не исполнилось, как можно видеть из биографии его

сына. Скончался Михаил Герасимович в 1850 г. 23-го августа в Москве, находясь в состоянии безумия, и похоронен в имении своей матери при церкви села Островни Звенигородского уезда Московской губернии (его надгробие сохранилось на старом кладбище Носова погоста. — А.А.).

О последнем времени перед его кончиной в семье не сохранилось никаких воспоминаний, так как, по-видимому, они были тяжелые.

Михаил Михайлович Осоргин родился 13 апреля 1834 года в Москве в доме своих родителей в приходе Никиты Мученика на Большой Басманной улице. Дом был старинный, с большой усадьбой, даже с проточной речкой, протекающей через сад (ныне засыпанной). Уклад жизни был строго дворянский. Он был третьим в семье (старше его были две дочери), рос он на руках и попечении своей нянюшки Дарьи Савишны Власьевны (исправлено карандашом), оберегающей своего пестуна. Когда минуло ему 7 лет, отец его Михаил Герасимович сошел с ума, почему мать его Варвара Андреевна старалась заменить учебным заведением недостающее мужское влияние и поместила его в Дворянский пансион в Москве (занимавший тогда нынешнее здание Румянцевского музея на Волхонке). Из его детских воспоминаний он всегда рассказывал, как, играя в лапту на дворе училища, он перебрасывал мяч через все здание на Волхонку и какие бывали неприятности с проезжающими, случайно получавших этот мяч. При нем был в пансионе приставленный дядька из своих крепостных, но так как отпустились воспитанники по субботам домой лишь в сопровождении кого-нибудь присланного из дому, какого бы возраста ни были воспитанники (а были и великовозрастные), за ним присылали всегда экипаж с гувернером, который только для того и держался в доме, чтобы сопровождать его в училище и обратно. Никаких педагогических требований к такого рода гувернерам не предъявлялось и потому они часто менялись. Во время одной из таких смен за ним прислали в пансион лишь сани на паре лошадей собственного завода, знаменитых рысаков, стоило большого труда упросить начальство по записке его матери отпустить его с дядькой в виду сопровождающего. И тут то и случился казус, врезавшийся в его детскую память и рисующий нравы того времени: дядька стал на запятки саней, которые понесли через всю Москву. На повороте какого-то переулка кучер наехал на старика нищего, смял его, и лошади протащили его передком саней некоторое пространство. Наконец дядька оттащил упавшего нищего и, несмотря на все его поранения, бросил его на произвол судьбы, невзирая на прось-

бы своего молодого барина взять его с собой, кучер же ударил по лошадям и, заметая за собой следы, привез их домой, объездивши предварительно большой круг по Замоскворечью. Кучер и дядька умолили мальчика замолчать это происшествие, так как в то время был закон, что за причинение поранений прохожему лошади владельца отбирались в пожарную команду, а кучер сдавался в солдаты. И этот кучер, и дядька впоследствии навсегда остались ему особенно преданными за его детское молчание. В 1848 году поступил он в школу гвардейских прапорщиков (ныне Николаевское кавалерийское училище) при начальнике школы полковнике Александре Николаевиче Сутгофе, человеке высокообразованном, требовавшем от своих воспитанников утонченных манер, светского воспитания и лоска времен Александра I. Как иллюстрации требований Сутгофа всегда вспоминал он, как один из старших юнкеров незадолго до своего производства в офицера был наказан по приказанию полковника розгами лишь за то, что взял займы денег у своего вестового, причем Сутгоф выговаривал ему: «Мог ты меня взять, а не у этой (гольталге) (слово частично замазано чернилами и поверх написано неразб.:) ...tасbe (челядь)». В школе Михаил был особенно дружен со своим будущим beau-frer-ом Жемчужниковым, Ржевским, бароном Вревским и будущим однополчанином Лорис-Мелиховым, с которым впоследствии и сохранил отношения. На время пребывания его в школе его мать, Варвара Андреевна с дочерьми переехала в Петербург, где занимала обширную квартиру на Большой Конюшенной, а больного мужа поместила в Москве в отдельном доме при лечебном заведении с целым штатом медицинского персонала. Образ жизни семьи стал светским. Старшие дочери выезжали в свет. В то время все бредили Rachel (драмат. актриса) и ему, юнкеру, приходилось в свободные вечера отсиживать с сестрами в театре, изучая Racin'a, а в опере, слушая La blanche (известный б(ае)г). В период пребывания его в школе случилось три семейных события, перевернувших весь строй семьи: скончался в Москве его отец, на похороны которого, состоявшиеся в Осоргинском имении Москов. губ. Островня, он не мог попасть, находясь в это время на маневрах, и две его старшие сестры, Екатерина и Мария, вышли замуж за Охлябинина и за фон Бенкендорф. В 1852 г. Михаил Михайлович 13-го августа был произведен в корнеты лейб-гвардии (впоследствии — его величества) гусарского полка. Адъютантом полка был Гурко (впоследствии бывший фельдмаршалом), который взял его под свое покровительство. Кроме того в полку дослуживал еще будущий его beau-frе' (г ?) князь Александр Алексеевич Вол-

конский, о кутежах и лютовстве которого ходили тогда целые легенды. После своего производства в офицеры Михаил Михайлович поехал в Москву на экстрас-почте, проделывавшей весь путь от Петербурга до Москвы в 30 часов, причем ему удалось взять неожиданно оставшееся последнее место в переднем фаэтоне. Из Москвы он проехал на перекладных в Могилевскую губернию к своей сестре Бенкендорф, где во время охоты простудился и схватил воспаление легких и, боясь просрочить отпуск, с поставленным и принявшимся мушками потихоньку от сестры и зятя поскакал обратно в Петербург, минуя Москву, по дороге от тряски разбередил себе бок до того, что приехал в полк с совершенно здоровыми легкими, но с большой раной на боку, от которой долгое время лечился у своего полкового врача, впоследствии перешедшего в немецкое подданство и приобретшего в Берлине большую известность. В 1854 году полк его был двинут по случаю Севастопольской кампании на охрану подступов к Петербургу в Литву, которая в то время была настолько близка к России, что между польской знатью и гвардейскими офицерами установились самые близкие и теплые отношения. За время этого похода полк перебивал в целом ряде городов и местечек Гродненской и Сувальской губерний. В одном из местечек Слонимского уезда, еврейском, всезнающая «пантифелева/пантефельная почта» принесла известие до официального сообщения о кончине государя Николая Павловича, за что офицеры, не поверившие этому известию, хотели повесить одного еврея, распространявшего известие, и лишь вмешательство благоразумных, к коим принадлежал корнет Осоргин, спасло беднягу от петли. За этот поход в нем развилась страсть к охоте, которой он был потом подвержен до самой своей смерти. Будучи очень богатым, он не отказывал себе ни в чем и всегда имел лучшие ружья и охотничьи собаки, но совершенно пристрастился к охоте случайно, встретивши на охоте мужика-белоруса, ходившего с невзрачной легавой собакой, по следам которых он с товарищами только что понапрасну обходили с тренированными собаками, и настрелявшего много дичи, которую тут же ему продал вместе с собакой за неслыханную в то время цену — 25 р. ассигнациями. Собака эта прозванная из почтения его камердинером Афанасием Шишковым «Тасом Ивановичем» вначале дала много хлопот, ибо от тоски по старому хозяину долго ничего не ела, всех кусала и чуть не околела, но зато потом бесповоротно привязалась и знала только своего хозяина, впоследствии его жену и камердинера Афанасия. В это время он особенно развил в себе искусство стрелять и с легкостью из пистолета пулей

убил через большой пруд недостающую для блюда в офицерском собрании дикую утку. Впоследствии, как-то в Карлсбаде, придя в тир, перестрелял столько призов, что содержатель такового просил его прекратить стрельбу и не разорять его, собравшаяся публика провожала его долгими аплодисментами. Между прочим, он на пари стрелял в цель из пистолета, стоя на одной ноге. Тогда же он, развив в себе такой верный глаз, пристрастился к бильярдной игре, причем так в этом преуспел, что со слабыми игроками играл на таких условиях, что он прицеливался в шар, поднимал кий и давал удар уже с закрытыми глазами. За участие в (ижной? неразб.) в 1855 г. он был произведен в поручики. В 1856 году он был назначен в состав отряда гвардейских войск, командированного в Москву на коронацию, где его мать вновь открыла для приемов свой гостеприимный дом. После такого приятного и веселого пребывания в Москве ему уже трудно было возвращаться в чуждый душе его Петербург, тем паче, что мать его, вдова, нуждалась в помощнике для управления всеми обширными имениями, и он, взяв в ноябре 1856 года 11-месячный отпуск, переменил его в октябре 1857 года на бессрочный отпуск и в 1858 году в октябре вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. За эти последние два года переменились все его семейные обстоятельства: недвижимое имущество его матери в это время было состояло из родового дома с усадьбою в Москве, подмосковной Островни Звенигородского уезда с 53 душами, имение Сергиевское Калужской губ. и уезда, купленное его отцом в начале сороковых годов, где он и сошел окончательно с ума, с 600 душами, родовое имение Телешовка Симбирского уезда, где похоронены ближайшие предки Осоргиных при церкви, ими воздвигнутой, с 270 душами, имение Михайловка того же уезда, о котором тогда оканчивался судебный процесс (по выделению крестьян впоследствии осталось земли 1004 дес.), имение Гнездино Оренбургской губ. со 162 душами...

... (л. 7) с этого [1861] года до 1868-го включительно вся молодая семья проводила лета на разных курортах за границей, а две зимы в Würzburg'e и в Париже, остальные же зимы проводя в Москве в Хамовниках и одну, т. е. скорее два зимних месяца в Калуге на Московской улице. В зимы, проведенные в Москве, он стал членом Английского клуба, частым его посетителем и примкнул к партии недовольных новыми порядками (уничтожение крепостного права). Таким образом, в Калуге он был в явной оппозиции к известному в то время губернатору Арцимонову, но ввиду частых поездок за границу дело о введении уставных грамот в его имении предоставил своим управ-

ляющим, а затем Калужское имение, дабы быть больше свободным, сдал в аренду еврею Генкину, орудовавшему в Калужской губернии после уничтожения откупов. Одним из условий аренды, между прочим, была постройка арендатором винокуренного завода на свой счет, на что ему предоставлено было право использовать материал грандиозных некогда ананасных, виноградных и персиковых оранжерей. В это же время предложено было ему две выгодные аферы, от которых он за недосугом отказался: первая, еще до освобождения крестьян состояла в том, что местные лесоторговцы предложили купить на его имя соседнее имение Боброво в 7000 дес. земли с тем, чтобы он этим лесоторговцам предоставил безвозмездно свести весь лес в этом имении (они, как кушцы, не могли покупать на свое имя населенные имения); второе предложение заключалось в покупке за 27 тысяч двorca велик. кн. Елены Павловны в Москве на Остоженке со всею обстановкою и усадьбой, где теперь помещается Катковский лицей, от чего он также отказался, главным образом, боясь нашествия крыс, ходивших через это владение на водопой в Москву-реку из провиантских казенных магазинов, помещавшихся напротив.

Конец шестидесятых годов и начало семидесятых застали его зимой в Москве, летом в Сергиевском, а осенью у тестя в Радушине, причем две зимы жили в Хамовниках, а две зимы на Новинском бульваре (по-тогдашнему Подновинский) в доме Ахлестышева, занимая весь флигель, выходящий на бульвар. В то время Погодинский бульвар представлял из себя широкий пустырь, на котором на масленицы и пасхи строились балаганы. С введением судебных уставов Михаил Михайлович был выбран почетным мировым судьей в Москве и (Калуж.?) уезде и, так как этот институт был совершенно новый, к нему довольно часто обращались за третейским разбирательством. Принимал участие он в заседаниях съездов, в занятиях московских дворянских собраний, а в Калуге то же время был выбран в уездные и губернские гласные. В 1871 году принужден он был со всей семьей поселиться в своем имении Калужской губернии окончательно, так как аренда Генкина сильно разорила имение, и пришлось ему самому взять на себя его управление. В это время появились у него недожидные способности к хозяйству, и он в три года поставил вновь хозяйство на твердую ногу. Управлял он имением сам, взяв себе в помощники, и то только чтобы дать ему заработок, своего зятя Жемчужникова, к тому времени совершенно разорившегося. Былые увлечения хозяйничанья в крепостное право изгладились: тогда по выраженному им желанию закрыть одну проезжую дорогу мимо балкона, в одну

ночь было насыпано три гурчана/гургана (?) вблизи балконов, устлана дорога, пока господа спали, газоном устроены заборы, отведена дорога на 100 сажень. Немного позже по освобождении крестьян в имении, не имеющем никакого инвентаря для ведения собственного хозяйства, прежде всего им были привезены из Саксонии лесники, ученый лесовод и мастера для выжигания черепицы, которые в большинстве спились и один лишь Оскар Менгес по прозвищу Карл Иванович остался до глубокой старости и был ему верным помощником по устройению лесов в том периоде, когда он стал по-настоящему заниматься хозяйством. Вставал он во время летних работ в 4 ч. утра и еще до солнца пил свой чай на подъезде, окруженный старостой, бурмистром, которые получали из его рук стаканы чая, тут же выпиваемые, сидя на ступеньках подъезда. Затем верхом отправлялся он в поле, где и пребывал до рабочего обеда, после чего в беговых дрожках ехал на реку (Оку) купаться. В 2 ч. дня вся семья обедала, после чего он на час-другой укладывался отдыхать, и на обязанности его детей было смахивать с него мух. Затем вновь поездка на работы в поле до 6 ч. вечера, когда он возвращался пить чай. Затем являлись к нему должностные лица имения с отчетом о сделанном и за приказаниями на следующий день. И, отпустив всех, он со всей семьей или гулял, или, сидя на подъезде, строил вслух планы на будущее. Осенью наблюдения за полевыми работами сменялись наблюдениями за ремонтами и вновь воздвигаемыми постройками, которые производились всегда в большом количестве и всегда по его рисункам и планам, составлявшимся им обыкновенно зимой. Наблюдения за этими работами перемежались с большими охотами, на которые приглашались все соседи со своими собаками, охотниками и лошадьми. Длились охоты иногда неделю-две, и тогда каждый вечер обсуждался план охоты следующего дня. Утром выезжали часов в 7 в пяти-шести экипажах, часам к 10 в лес отправлялся с целым рядом слуг на нескольких подводах завтрак. Возвращались лишь к обеду, часам к 5 вечера, после которого устраивалась игра в карты, но и в это время хозяйственный глаз не дремал и этим временем он пользовался, чтобы основательно изучить свои леса и намечать новые планы лесного хозяйства с Карлом Ивановичем, который, когда Михаил Михайлович отправлялся в леса, неизменно его сопровождал всюду. Особенное оживление было в те года, когда устраивалась облава на волков. Тогда он, как главнокомандующий перед сражением задолго осматривал места, ездил на ночные подвиги волков и накануне дня облавы на плане размечал места как загонщиков, так и охотников, которых сам лично расставлял,

оставляя себе всегда самое плохое место, но зато ставя на лапы лучших стрелков, видя в этом не только забаву, но и пользу для местности. Зимой эти занятия заменялись наблюдением за работой винокуренного завода, ежегодным усовершенствованием лично им придуманной конторской отчетности и рисованием планов будущих построек. Не чуждался он общения с соседями, коих в то время было довольно много. Из них, главным образом, посещал он семью Полторацких, живших в имении Авчурино, где помещик Дмитрий Сергеевич был его современник по службе в гвардии, в Косьмове семья Сомовых, в Бунакове Сухотин, холостяк, мировой посредник первого призыва, имевший большие неприятности с крестьянами своего имения, от которых, отчасти, спас его он, Михаил Михайлович, Ал. Сем. Раевский в имении Тимофеевка, графы Головины в Боброве, Дестремы в Ферзикове, Андрей Семенович Раевский в селе Покровском, Лосев в Меревском, Ивлиев в Борщевке и Ключев в Брагине. Обезеды соседей совершались обыкновенно в именинные дни и особенно усерден был день 30 августа, когда надо было сочетать имения в Тимофеевке, храмовый праздник в Покровском и именины в Меревском, но, посвятив на это весь день, как-то успевалось всех поздравить и у всех побывать. К нему же, кроме охоты, обычно съезжались 22 июня (день именин его жены), причем Полторацкий, Сомов и Лосев с женами, с которыми Мария Алексеевна была знакома домами, 21-го мая и на Покров, 1-го октября, съезжались лишь некоторые, но наиболее частыми посетителями были Полторацкий и братья Раевские. Полторацкий живал неделями и тогда начиналась разборка и сборка разных сельскохозяйственных машин, которых они оба были большими любителями, а по вечерам пение дуэтов. Андрей Раевский приезжал играть в шахматы, которых Михаил Михайлович был большой знаток, выиграв в Москве на турнире первый приз. Александр Раевский приезжал верхом каждое воскресенье к обедне, причем после нее до обеда играл с ним по 12 биллиардных партий в Caramlölage.

В течение этих годов, проведенных в деревне, он занялся ремонтом церкви, а именно обновил весь иконостас летней церкви, поврежденный злоумышленниками, обокравшими церковь. Сам он составил рисунки иконостаса и наблюдал за работами, в чем ему помогли вновь назначенный настоятель свящ. Извеков и церковный староста Стефан Самсонович Воронов. По его же настоянию в иконостас включены были иконы святых: его родителей, родителей его жены и ее самой. Не только в этом высказывалась его церковность, но и в постоянном посещении храма, где он, становясь на клирос, всегда пел всю обед-

ню, в точном и неуклонном соблюдении поста, который он один в семье и соблюдал, и в надзоре за поведением клира, по его неоднократным домогательствам сменен был за пьянство священник Марков, некогда законоучитель его сестры Софии. Во время приездов архиерея он особенно торжественно обставлял его встречу, в доме был особый апартамент под названием «Архиерейская комната», и всегда сопровождал он архиерея территории прихода со своими служащими верхом.

В 1873 году он был избран председателем мирового съезда Калужского уезда и весь отдался этому новому делу, для чего переехал всю семью на зиму в Калугу, где прожил две зимы до весны 1875 года. Хотя управляющего он в имени и не поставил, но наблюдение его уже было ослаблено, тем более, что и Жемчужников с ним переехал в Калугу. Эти два года, проведенные в Калуге, ознаменованы были кипучей общественной деятельностью, которая настолько его выдвинула, что дом его стал центром всего общества. Конкурировал ему, в смысле приемов, еще дом Яковлевых, но там процветала, главным образом, музыка. Эти же года были посвящены им на образование детей, уроки которых были обставлены самым широким образом через посредство всех лучших учителей местной гимназии. Семья занимала большой дом Аристовых на Московской улице с целой усадьбой, где близость имения давала возможность обставить дом полной чашей. Прислуга была набрана по-старинному: 3 кучера для барина, барыни и детей, 3 лакея, целый штат поваров и горничных. При доме был даже амбар, куда ссыпались припасы, привезенные целыми обозами, и казалось тогда — не будет конца этой благополучной счастливой жизни, тем более, что сын по годам еще мог долго учиться дома, где проходил курс классической гимназии, но произошедшие в то время студенческие беспорядки перемешали все планы: решено было, особенно по настоянию матери, не допускать поступления сына в университет и для него была выбрана военная карьера, которой отец сочувствовал, но вместе с этим сознательно порывал свою местную деятельность. Весною 1875 года он отказался от всех своих должностей по общественной службе и по вновь выстроенной Ржев. — Вяземской ж.д., инспектором коей был двоюродный брат его жены Казначеев, в особом пробном поезде отбыл с семьей в Петербург решать дальнейшую судьбу сына. Проводы всем калужским обществом были особенно торжественны и в них сказалось, как ценили гостеприимство этого дома. Эта поездка имела целью, кроме того, устроить свидание дочери с ее женихом, еще не объявленным, но уже признанным отцом, который особенно любил семью Бенкендорф, а жених был младший сын этой семьи.

После краткого пребывания в Петербурге все вернулись в Сергиевское с решением по зимам жить в Петербурге, по летам в Сергиевском, а осенью в Радушине. Этим было положено начало новому периоду жизни Михаила Михайловича. Целью стало не устройство хозяйства, а добыча во что бы то ни стало средств для жизни в Петербурге, где, хотя воспитание сына ничего не стоило, так как он воспитывался в 3-й военной гимназии, а затем на казенный счет в Пажеском корпусе, но образование дочери, для которой приглашены были лучшие профессора языков, до итальянского включительно, и пеня стоило безумно дорого. Свадьба ее с Бенкендорф в первый же год разстроилась и через 2 года она стала выезжать в свет, что только увеличило расходы. Прожила семья в Петербурге до лета 1882 года — первый год на Надеждинской ул. в доме Благодетельского, затем 3 года в доме Туникова на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской ул., а последние годы в доме Мейнча на Моховой ул., откуда дочь и вышла замуж за товарища по полку своего брата, Филинского, после чего родители, оставив сына уже офицером в Петербурге, вновь поселились в Сергиевском, налаживать расстроившееся состояние, так как к тому времени осталось всего калужское имение и 3 симбирских имения со вновь купленным Покровским в 350 дес., в том числе все довольно крупно задолжали. Островня и новгородская пустошь уже к тому времени были проданы, смоленское имение Иерусалимское после смерти beau-frère'a Охлябинина вновь должно было вернуться по наследству Михаилу Михайловичу, который уступил на него свои права своей сестре Жемчужниковой, рязанские имения его жены были предоставлены дочери в виде приданого, взамен симбирского имения Покровского, купленного было специально для нее. Из проданных имений продажа Островни была выгодной сделкой, так как это имение требовало лишь одних расходов — все крестьяне за исключением одного двора отказались от надела, а впоследствии бросили и усадебную землю, и имение представляло из себя обширный пустырь, в коем ничего не обрабатывалось, не сдавалось в аренду, а лишь уплачивались повинности. Во время пребывания в Петербурге жизнь была настолько дорога, что денег от доходов и залогов имений не хватало и Михаилу Михайловичу пришлось искать постороннего заработка и для этого он решил баллотироваться в члены оценщика С.-Петербургско-Тульского поземельного банка. Почти двухлетняя служба эта в 1879 г. и 1880 году была ему крайне тяжела, так как он по духу совершенно не принадлежал к разряду дельцов, но в этом сказались его чувства долга к семье и здесь его деловые способности

пригодились и он, благодаря удачной биржевой игре, выиграл достаточно денег, чтобы сделать хорошее приданое дочери и обмундировать сына при производстве его в офицеры в лучший из гвардейских полков того времени — кавалергарды. Но семья всегда помнила, как он чуть не заболел, когда в первый раз его оскорбили, предложив взятку за повышение оценки дома, который он осматривал. Зато семье он предоставлял возможные удобства, а для любимой дочери, когда в ней открылись крупные способности и большой талант к пению, не отказывал ни в чем и старался лично провожать ее и присутствовать на уроках пения. Его же личными удовольствиями были или опера, где он разбирал для дочери все слабые места певицы, или же вечерние партии в карты в Английском клубе, или же у кого-либо из постоянных партнеров. Играл он только в коммерческие игры и, главным образом, в только что получивший право гражданства игру «вент», но по крупной (от 1 до 5 коп. за фишку). О проигрыше он обыкновенно умалчивал. И вообще дни передачи денег на хозяйство были днями, нелегкими для всей семьи. С каждым годом возвращение в Петербург все делалось позднее и лишь по настоятельному требованию жены, тосковавшей о сыне и дочери, жаждущей Петербурга и его удовольствий, все туда возвращались в начале ноября. Но до этого он ездил в Симбирские имения для составления сметы доходов с управляющим тех имений Ражковским, бывшим воспитанником школы гвардейских подпрапорщиков, но ее не окончившим.

Выдав дочь за блестящего гвардейского офицера, поместив сына в такой же блестящий полк и поселившись вновь в деревне, для него начался новый период жизни. В 1882 году скончался его тесть кн. Волконский и он перевез в Сергиевское свою тещу. Сократили они дом на зиму до *minimum*'а и лишь летом к приезду детей вновь налаживали жизнь по-прежнему. Во время болезни тестя, жившего тогда в Зарайске, он сам был болен приступами аппендицита, так что ни он, ни его жена при смерти кн. Волконского не присутствовали, а день их серебряной свадьбы совпал с перевозом тела умершего тестя в Москву, так что все назначенные и ожидаемые увеселения для населения в имении были отменены. Еще в бытность в Петербурге он передал управление калужским имением Ражковскому на правах главного управляющего и с тех пор во главе имения до передачи его сыну всегда стоял какой-нибудь управляющий, а патриархальные отношения с населением уже не восстанавливались по-прежнему. В 1883 г. болезнь его несколько раз повторялась, так что сын его, предупрежденный доктором, подал в отставку и поселился с родителями в деревне. Они же осень этого года

провели в Петербурге у дочери до декабря, где он прошел курс водолечения. В феврале 1884 года была сделана попытка привлечь Михаила Михайловича вновь к общественной деятельности в Калуге, а именно сыну его, случайно находившемуся в Калуге на дворянском собрании, было поручено отдельными дворянами и местным вице-губернатором кн. Трубецким упрощить его выставить свою кандидатуру в губернские предводители дворянства, так как лишь на нем, по мнению некоторых уездных предводителей, могли сговориться враждующие лагерь дворян. Михаил Михайлович, напуганный расстройством своего состояния, наотрез отказался и немедленно доверенностями передал своему сыну ценз, окончательно устранив себя от общественной деятельности. С тех пор жизнь его не отличалась от жизни сына, женившегося в 1886 году на кн. Трубецкой и заведывание калужским имением перешло к сыну и, лишь когда последний начал служить, вновь вернулось к отцу. Симбирскими же имениями он не переставал заниматься и лишь давал сыну туда определенные поручения или же сам туда уезжал с женою на один месяц осенью. Последнее семейное событие, во время которого сказался его прежний широкий размах, была свадьба сына, которую он устроил в Калуге на широкую ногу, перевезя оранжереи Сергиевского в дворянское собрание, взятое и устроенное для поздравления молодых после венчания. Сам он с женою и тещей и двумя неразлучными с ним стариками, бывшей гувернанткой детей Томі и киргиз-кайсаком Платоном Евграфовичем, неразлучного с женою Михаила Михайловича с ея четырехлетнего возраста, на одну зиму переехал в Калугу, заняв дом Назаревского на Московской улице, дабы дать молодым прожить эту зиму в Сергиевском одним. В Сергиевском же он прожил с сыном до 1897 года, когда сын его был назначен вице-губернатором в Харьков, и он с ним туда переехал. В этот период службы сына ему вновь пришлось по летам надзирать за хозяйством, но далеко уже не с той энергией, и главные его заботы были сады и украшение усадьбы. В 1902 году сын вышел в отставку, и они вновь поселились в деревне. К этому времени, избегая поездок в Симбирск, он распродал свои там имения. Телешовку и Покровское — крестьянам, а Михайловку своему управляющему Остроуху с большими льготными для покупателей условиями. Сведя свои дела к самому простому управлению капиталом, он по дарственной передал калужское имение сыну и совершенно отстранился от всяких дел. В 1903 году осенью приехал он в Гродно к сыну, назначенному туда губернатором. В 1904 г. летом он овдовел, продолжая жить с семьей сына, раз лишь посетив свою дочь

в Харькове, где ее муж занимал место корпусного командира — он был вполне удовлетворен, чувствуя тщеславие лишь для своих детей и видя своего сына и зятя на видных постах. После смерти его жены переехала к нему на жительство двоюродная сестра его жены, вдова Небольсина, ур. кн. Волконская, всегда особенно к ней близкая. Она и старая гувернантка Томі окружали его всякими заботами. В 1905 г. по случаю назначения сына тульским губернатором переехал он туда и это был последний год его жизни, когда он был удовлетворен. Начавшиеся забастовки, беспорядки, революция, затем отставка сына и переезд его в Сергиевское совершенно разочаровали его и были началом развития в нем болезни рака. Последние годы своей жизни от декабря 1905 г. до дня своей кончины 21-го июня 1910 года он провел в деревне, стараясь обособиться, так как не сочувствовал всем новым порядкам. Лидия Николаевна Небольсина умерла уже в 1906 году, не с кем было ему делиться воспоминанием о старине. Проводил он день зимний в составлении проектов и планов разных построек, а летний в обходе полей и, главное, садов. Утешение он находил во внуках, и все свое баловство обратил на них. Не имея никакой определенной политической платформы, он признавал лишь одну газету — «Голос Москвы» (орган октябристов), но, сочувствуя ее взглядам, вместе с тем не переставал восхвалять императора Николая Павловича, как лучшего государя.

В течение всего времени владения им Калужского имения он всегда собирался таковое продать, и несколько сделок не состоялось по пустяжным расхождениям в оценках, причем с каждым новым покупателем он повышал цену. Так, например, в 1881 году с калужского купца Капунова он просил 200 тыс., а тот давал 160 т., в 1888 светлейший князь Ливен давал 200 тыс., он просил 210 т., в 1891 году. вел. кн. Константин Константинович, лично приезжавший осматривать имение, давал 250 т., он просил 260 т., в 1901 году смоленская помещица Кушелева предлагала за имение 500 тыс., но тут сделка не состоялась, главное, по настоянию внуков, слишком огорченных при мысли расстаться с Сергиевским. Таким образом, у него особенной привязанности к Сергиевскому не было, а, вместе с тем, когда сын его в 1906 г. начал, а в 1907 г. продал крестьянскому банку для урегулирования крестьянских отношений часть земли, для него это было настоящим горем и одна из причин его недовольства сыном. Сам же он избегал выходить на новые границы и, только когда завелись новые хуторяне особенно преданные, он с этим отчасти примирился, но все-таки это был сюжет разговора, который надо было с ним избегать. Каждый год он

ездил в августе месяце в годовщину смерти жены на ее могилу в Москву в Девичий монастырь и даже в 1909 г., несмотря уже на явные признаки болезни, диагностированной местным земским врачом, он поехал туда со своей невесткой, которая воспользовалась этим, чтобы консультироваться у московских докторов относительно его здоровья. Рак был констатирован и было указано на необходимость операции, но ввиду неуверенности самих докторов в благополучном ее исходе, сын и дочь решили скрыть от него этот диагноз, а к операции прибегнуть, лишь если бы начались страдания. Последнюю зиму и весну он прожил, устроенный в Сергиевском как бы в санатории, имея при себе постоянно живущего доктора и сестру милосердия, к которым он особенно привязался. Понимал ли он безнадежность своего состояния, осталось неизвестным, но все последние месяцы своей жизни, за исключением кратковременных периодов обострения болезни, он провел чрезвычайно бодро, продолжая чертить планы построек и строить проекты, из коих один — большой балкон, выходящий на внутренний двор в доме Сергиевского, он и осуществил, сам надзирал за работами. Однажды он упал, проходя по балкам этого балкона, и дал на чай плотникам, чтобы те это скрыли, боясь протестов семьи и доктора к таким неосторожностям. На этот балкон, лишь только что оконченный, его вынесли накануне его смерти. Так как у него неожиданно онемела нога. Он был еще настолько жизнедеятельным, что все расспрашивал о ходе уборки клевера, которой, как и всем хозяйством, заведовал тогда старший внук, и велел приготовить венок из свежего сена, который сам возложил на внука за удачное окончание сметки стогов. На следующее утро 21 июня он почувствовал большую слабость и в присутствии доктора впал в беспамятство. Доктор, признав положение угрожающим, созвал всю семью (гостила в это время и дочь его, а зять с внучкой только накануне уехали в Харьков). Его не причащали, так как во время болезни он прибегал к этому таинству почти ежемесячно, но его пособоровали. Последние его осмысленные слова были к сыну: «Миша, читай молитву», а на вопрос: «Какую?», громко сказал: «Отходную». Читал отходную его духовник и по окончании оной благословил его широким крестом, во время чего он и скончался. В этот момент соловей, давно уже умолкнувший, неожиданно громко запел, несмотря на дневное время, в 12 ч. При выносе его тела в церковь 22-го вечером (ждали его зятя), гроб не прошел через дверь подъезда и пришлось выносить его, сняв балконную дверь его комнаты, благодаря чему его последнее земное шествие в храм было по всем тем цветникам, которые он некогда с такою лю-

бовию устраивал. После отпевания в своей церкви, тело было перевезено в Москву, где и предано земли рядом с женою в Новодевичьем монастыре. Над ними поставлен общий памятник, сооруженный еще при его жизни по его собственному рисунку».

НАДГРОБИЕ Г.Г. ОСОРГИНА: Представляет собой белокаменный, частично разрушенный памятник сложной композиции — куб на постаменте, покрытый тонкопрофилированной карнизной плитой с треугольными фронтонами. В тимпане фронтонов расположено Всевидящее Око. Памятник был увенчан «яблоком» и утраченным крестом. На боковой части памятника имеется эпитафия: «Под сим камнем погребено тело покойного подполковника Герасима Григорьевича Осоргина. Скончавшегося 1802 года, августа 24 дня в 6 часу по полуночи. Жития его было 71 год 5 месяцев и 19 дней». Этот довольно интересный образец надгробия в стиле классицизм начала XIX в. — первоначальный памятник на могиле Г.Г. Осоргина. В 1826 году он был заменён на новый, с той же эпитафией (его описание ниже). Ныне памятник находится на Носовском кладбище.

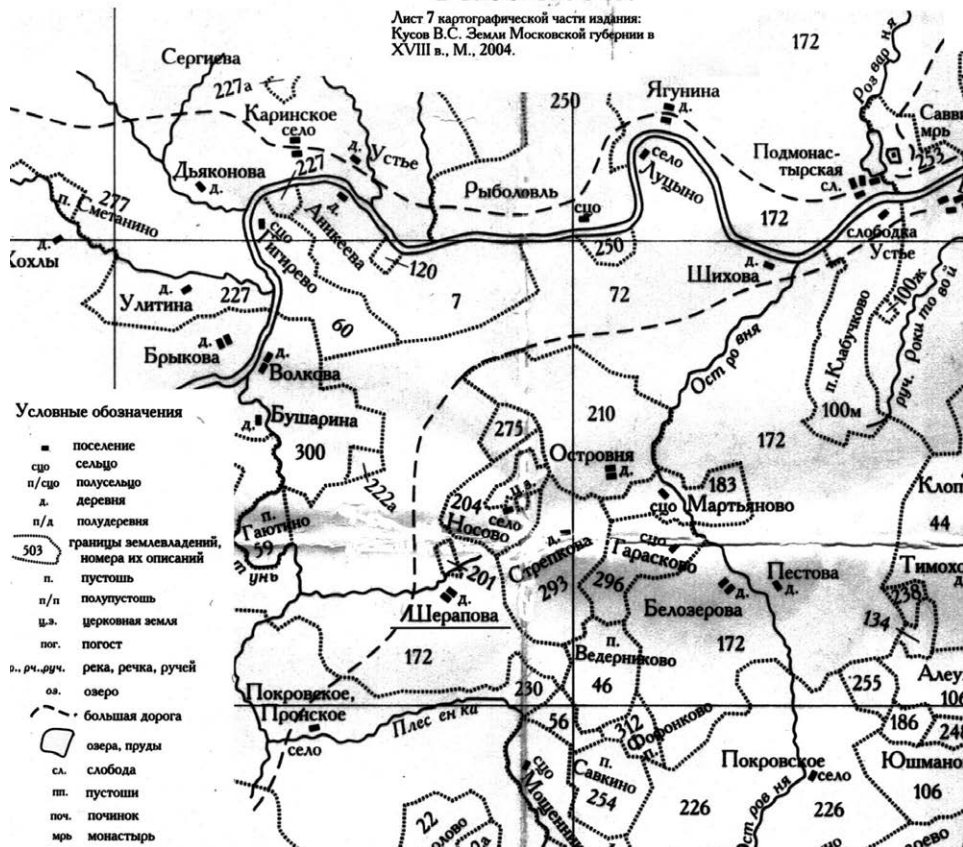
**НАДГРОБИЯ
ОСОРГИНЫХ
С НОСОВА
ПОГОСТА**

НАДГРОБИЕ ОСОРГИНЫХ: Надгробный памятник классической формы из серого гранита. Представляет собой стилизованную урну на постаменте — расширяющийся вверх конус, переходящий в квадрат и увенчанный полусферой. В верхней части памятника, на трёх плоскостях блока-квадра имеются надписи-эпитафии: «Под сим камнем погребено тело покойного подполковника Герасима Григорьевича Осоргина. Скончавшегося 1802 года, августа 24 дня в 6 часу по полуночи. Жития его было 71 год 5 месяцев и 19 дней»; «Под сим камнем погребено тело покойной подполковницы Екатерины Михайловны Осоргиной. Скончавшейся 1825-го года, марта 12-го дня в 6-м часу по полуночи жития ея было 74 года 4 месяца и 14 дней»; «Здесь покоится прах младенца Герасима Михайловича Осоргина. Родился в 1826 году генваря 21-го скончался февраля 16-го дня». Памятник перевезен в усадьбу Вязёмы, установлен за алтарем храма Преображения Господня.

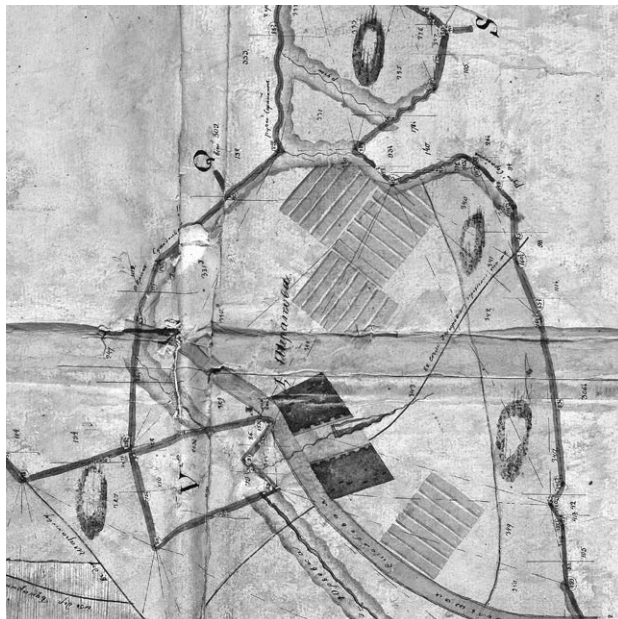
НАДГРОБИЕ М.Г. ОСОРГИНА: Надгробный памятник из известняка в виде камня в меру камня, отваленного от двери Гроба Господня. В нижней части, на двух плоскостях прямоугольного постамента имеются надписи: «Здесь погребено тело покойного Надворного Советника и Кавалера Михаила Герасимовича Осоргина Скончавшагося 1850 года 23-го Августа» и «Помяни мя Господи во Царствии твоём». Памятник находится на Носовском кладбище.

Звенигородский уезд

в 1766-1770 гг.

Лист 7 картографической части издания:
Кусов В.С. Земли Московской губернии в
XVIII в., М., 2004.

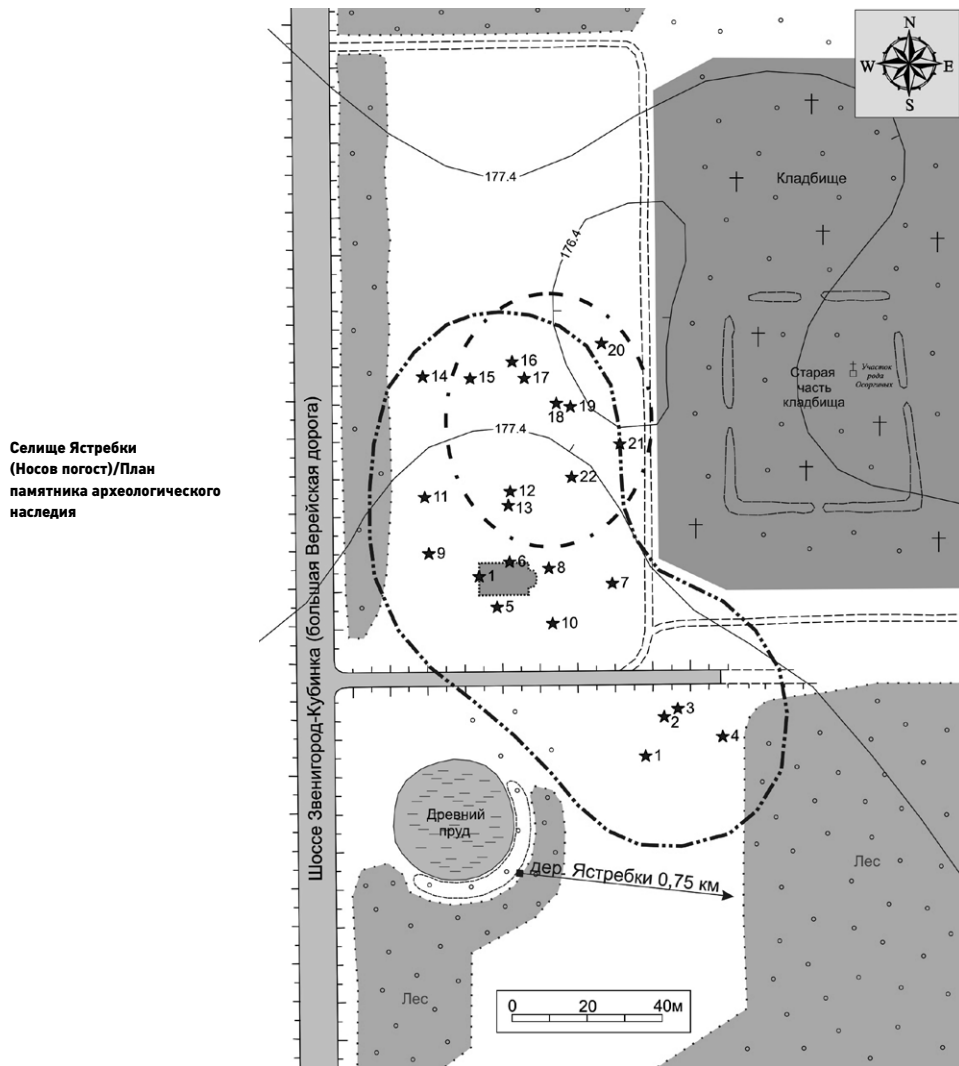
Село Носово и деревня Шерапово на ретроспективной карте-схеме Звенигородского уезда 1766–1770 гг./ Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII в. М., 2004

Деревня Шарапово и церковная земля пустового Никольского погоста (показана под литерой "V") на плане Генерального межевания 1784 г.

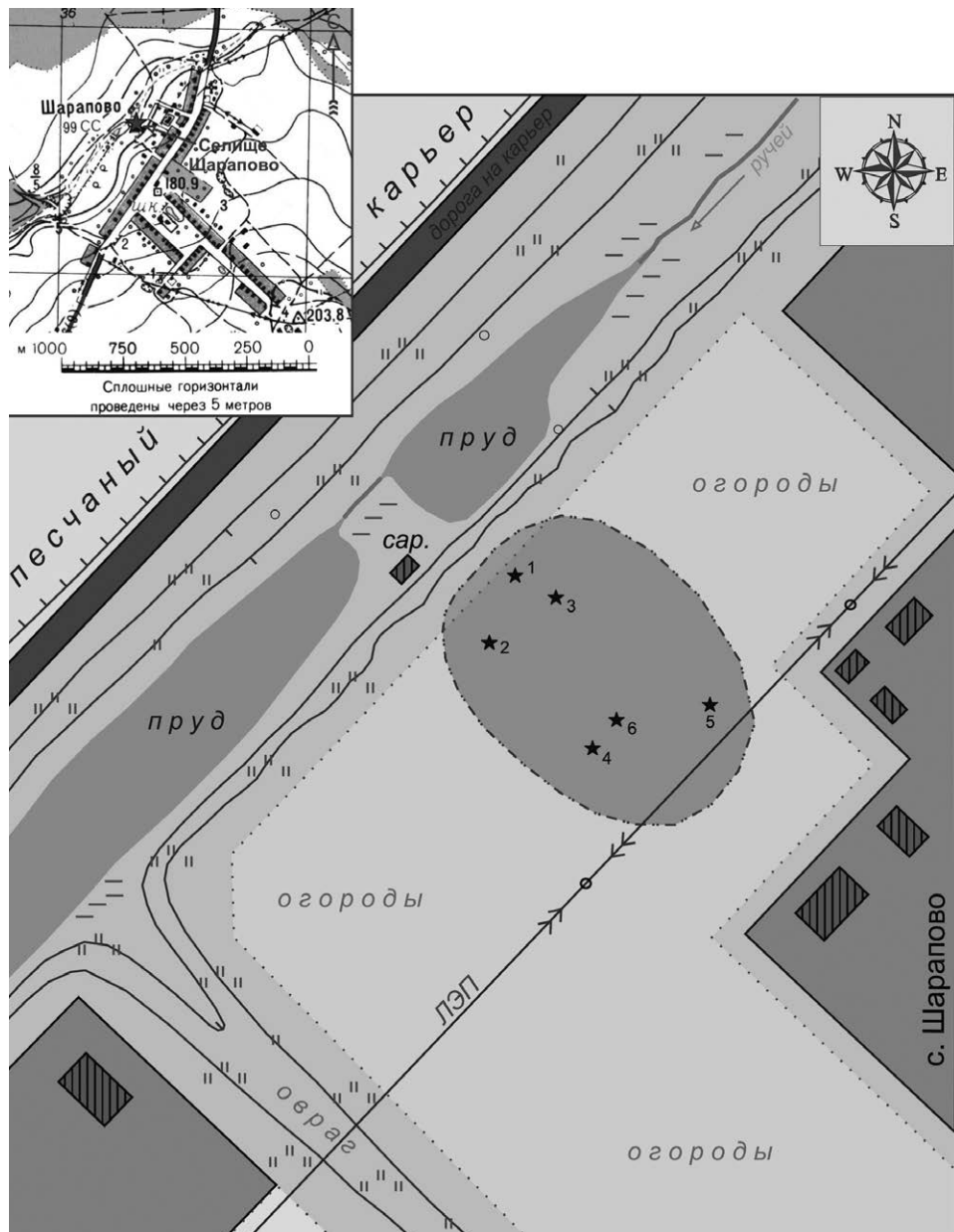

Село Шарапово и окрестности на двуязычной немецкой топографической карте Московской области, изданной накануне Великой Отечественной войны для нужд Вермахта

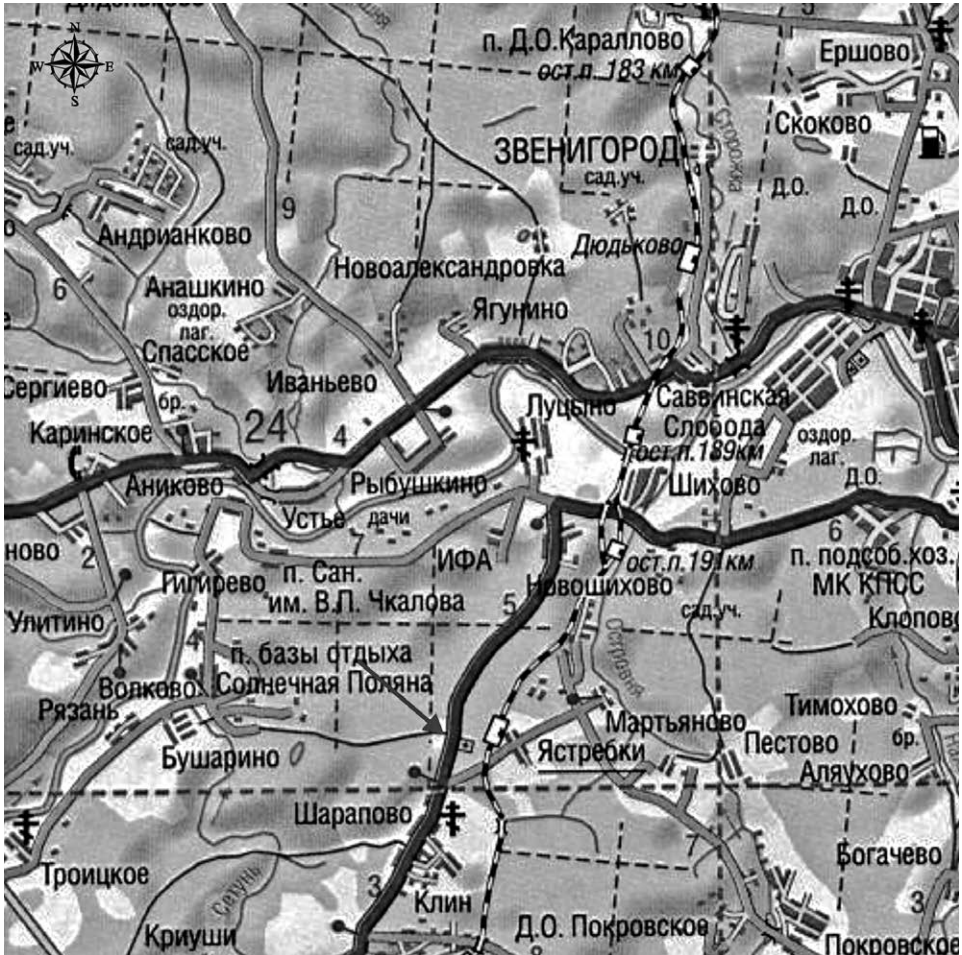

- - место деревянной Успенской церкви
- - территория и границы селища (на основании распространения подъемного материала)
- - место Носовской ярмарки (на основании распространения нумизматического материала)
- ★3 - индивидуальные находки (см. Описание находок)

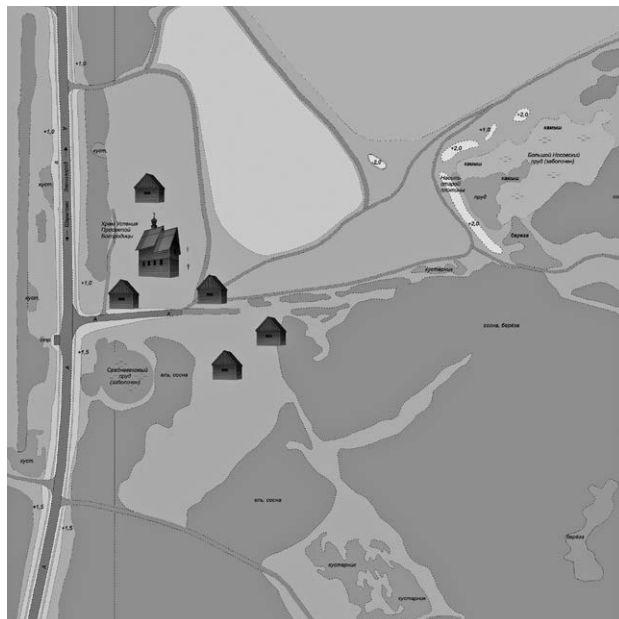
Илл.

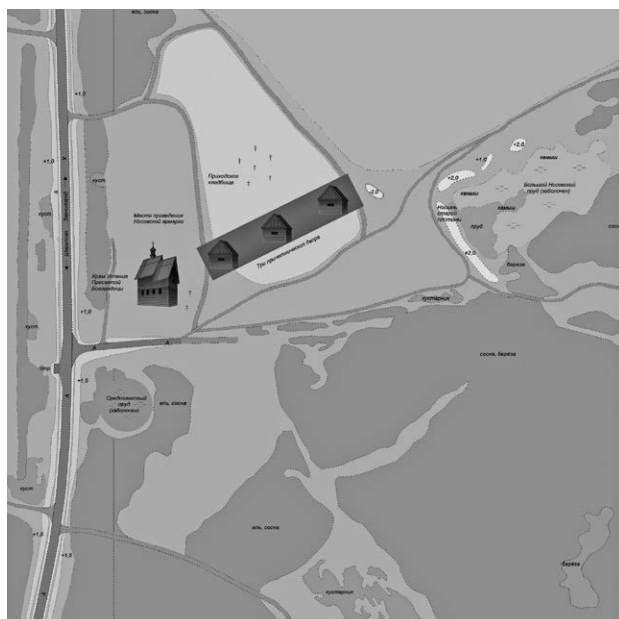
Селище Шарapово XIV–XVII вв.
План памятника

Местоположение бывшего села Носово (Носов погост), где до 1880-х гг. находилась деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы

Селище Ястребки.
Реконструкция планировки
исторического поселения
на середину XVIII в.
В это время в деревне
Носово, принадлежавшей
М.А. Воинову, возводится
деревянная церковь
с Престолом во имя Успения
Пресвятой Богородицы

Селище Ястребки.
Реконструкция планировки
исторического поселения
на середину XIX в. **В это время**
на погосте Носово находилась
деревянная Успенская церковь
и три причетнических двора

КАРОВАЯ ВЕДОМОСТЬ.

Клировая ведомость,
1916

87

 І.
ВЕДОМОСТЬ О ЦЕРКВИ

Успенія Божіей Матери СОБОРОЩЕЙ ЗВЕНЕКОРОЦКАГО
 ОУПЪЗАА Московскои ЕПАРХІИ въ селѣ
 Шарапово Косова
 ЗА 1916 ГОДА.

а) Церковь построена въ 1885 г. тщательнѣе устроена
 и старинныхъ благотворительнѣй

б) Зданіемъ каменномъ, съ такового же колокольни, построена фундаментально, окружена каменною оградой съ фундаментальною рѣшетчатой

в) Престоу въ ней: главный въ честь Успенія Божіей Матери, прирубоченъ въ честь Сорокощестъ в. Матр. и св. Николая

г) Оутваря храму снабженъ достаточно

д) По штату при ней положены: священникъ и псаломщикъ

е) Жалованія положены: 300 руб. священнику и 100 псаломщику

ж) Врѣменныхъ доходовъ за 1915 г. годъ получено: 400 руб.

з) Другіе источники содержанія чинивша причта и количество поступающихъ въ нихъ доходовъ: % съ маркитанса въ помѣщеніи 200 руб., помѣщеніи ратуши и церкви на шоссе помѣщеніемъ иль Успеніемъ годично: Всего % получаемыхъ 112 руб.

Звени

Клировая ведомость,
1916

Д) Земли при церкви состоятъ: оубѣденной клѣтки съ поборгомъ церковнымъ 1 десят.
1200 квадр. саж., пахатной десят. 1 квадр. саж., оенокосной 11 десят. 1000 квадр.
саж. и 120 кв. земли дѣрзвешей, лѣсовъ, водныхъ дѣлъ сиротск.

къ мзсто-
нѣн / сиротск. церкви. Всего 13 десят. 1 квадр. саж. Неполученъ также земли
походивш. въ владѣніи у крестьянъ въ селѣ 4 стрѣльцовъ, а именно
нашихъ крестьянск. земли, орашн. урѣдн. состоятъ
въ владѣніи у сличныхъ, равно сиротск. Кромѣ оныхъ
обстоят. не известно.

Г) Кѣтство церковной земли: 1000 кв. саж., дѣл. по селѣ не урѣдн.

а) Средній доходъ въ приносимый: 40 руб.

б) Дома для священно и церковно-служителей на церковной оубѣденной землѣ
построены три дома священникомъ въ сиротск. домъ на
годъ и составляють собственности сиротск. преемства
дѣл. зданія, принадлежащія церкви:

Сиротск. три оубѣденныя дома брѣно изъ хуторскаго
мѣста, съ раздѣленіемъ створѣсн. на Канальскаго Дворца

Деревянн. красн. оубѣденн. оубѣденн. и деревянн.
съ каменист. оубѣденн. оубѣденн., красн.
оубѣденн. сарай.

В) Боготнѣ домища: Домъ священно и оубѣденн.

у крестьянск. дома не известно. Сиротск.
дѣл. сарай оубѣденн.

городскаго

- 88

а) Разгромаемых в церкви в Коннектори кк 8^у перстах, в местнаго благочиннаго кк 6^у перстах, в мужданого города Увенлограда, оть сшанци кк 10^у перстах, в Савино Синодровнаго монашару кк 8^у перстах: почтовый адрес церкви:
Сшанци Црквица, в. ф. 9 село Шараново

б) Банжашна кк сш церкви: Нисовская, что во село Нисовское во 5^у перест, и Нисовская, что во село Вршинец во Герца.

в) Приписанных кк сш церкви церквей часовых 1 мафшисенной

г) Домья кацашшних и молитвенных домья, кк сш церкви приписанных

д) Шпис церковному имшцетку заведена ек 1891 года, хранится кк цклости, прокрана кк года.

е) Приходо-расходныя книги в свамых сакной и церковной за шшброма и печатю, М. С. Копилшорин дачи 1916 года, бештеш хранатеш кк цклости.

ж) Копи ек мечршечных книг хранатеш кк цклости ек 1803 года.

з) Вк свакной книг, выданной ек 1912 год, Аршанш дач, за шшброма и печатю, М. С. Копилшорин писанных листовк, 18 не писанных. 182

и) Испокршныя ршшпен находитеш кк цклости ек 1803. года.

Ушш

Клировая ведомость,
1916

бг) Книги, до церковнаго крѣга подлежащыя *требуются поименно*

Въ церковной вѣдѣннѣ находится книгъ для чтенія предназначенныхъ *томишек*

бд) Церковныя деньги въ цѣлости за кнѣжихъ *въ суммѣ* а печатн церковной. Неподвижной сѣлены состоятъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ *6587 руб.* рѣб. а вѣдѣтъ находится въ цѣлости *коп.*

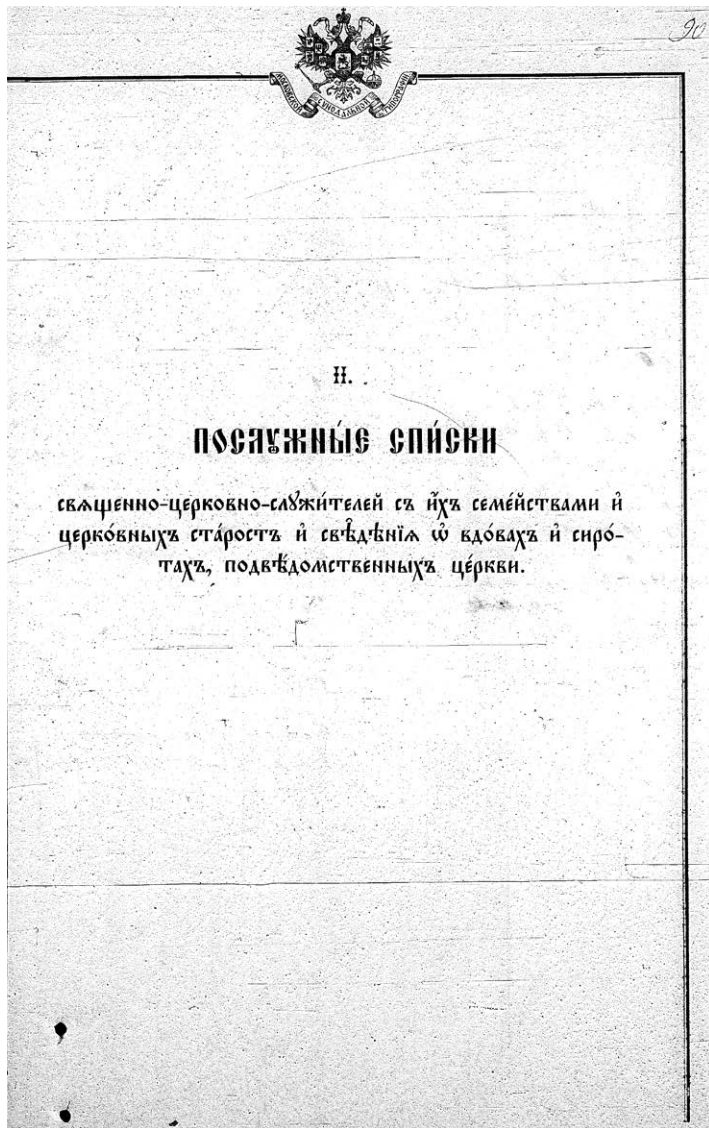
бв) Илѣкціяса въ приходѣ школы *2 земскихъ ученика*

Церковная школа помещается къ домъ _____ на содержаніи
 ея вѣдѣняется въ _____
 совѣщается _____ рѣб. _____ коп. Въ семъ годѣ къ ней
 мальчиковъ _____ дѣвочекъ _____

бз) При церкви состоятъ старосты церковныхъ *Василий Михайл Станисл*
 который должность свою прохднѣтъ съ *1910 года*

б4) Пресвященны въ помянуи разъ посетилъ приходъ въ *1910* годѣ.

Сина

Клировая ведомость,
1916

А Служба или должность, звание, чинок, фамилия, место жительства и время награждения и сколько получены вознаграждения по разным и по другим источникам, и каких именно.	Б В каком звании походил.	В Есть ли действительные знаки отличия или награды.	Г Где получал награждение и в каком ли полном звании из учебного заведения; когда поступил из службы, из каких должностей и где проходил службу: на каких должностях и проходил ли специальные должности.	Годы	Время и место
<p>Служил в Александровской артиллерии в звании капитана. 1908 г. 20 апреля награжден нагрудным знаком. 1912 г. 6 мая. Служил в 1916 г. в Младших артиллерийских войсках. Содержанье от казенных денег 300 р. от прихода 300 р., за законодательство 1400 р. с кассового остатка 21 рубль. Всего 921 рубль.</p>	<p>Ир. артиллерия</p>	<p>Ке. штифты</p>	<p>Окончил полный курс Стасю. Высшейшей Артиллерии. Определен артиллерийским офицером в артиллерийский полк Волгодонского уезда. Определен в артиллерийский полк в артиллерийский полк в артиллерийский полк. Состоял членом Военно-технического Совета 1911. Состоял законодательным Шарлотинской комиссии 14 июля. Состоял законодательным Владимирской земской 14 июля.</p>	<p>1898</p>	<p>4 мая</p>
<p>Шара</p>					

Клировая ведомость, 1916

Б	В	З	И	Д	Т	Ш
Был ли он подалу против неплательца, и в каком случае? Был ли он подалу на неплательца?	Подвергся ли кому-либо по суду, и каковы были результаты?	Был ли он в тюрьме, когда и на сколько дней?	Был ли за штык тому, и в каком случае?	Ходил ли на войну, в каком году, в каком полку, в каком звании?	Кто его родители?	Имел ли он какое-либо имущество, и каковы были результаты?
<p><i>Не был</i></p>	<p><i>Не подверг- ся Наче суда и следовательно не состоит</i></p>	<p><i>Не был</i></p>	<p><i>Не был</i></p>	<p><i>Вдова По семей- ным делам у Сергея род. 1909г. 6го класса образован. в 4^м классе Высшейшей Средней школы у Дмитрия род. 1901г. 8го класса образован. в 4^м классе Земельного дела Финансового Училища</i></p>	<p><i>?</i></p>	<p><i>Отлично хорошо.</i></p>
			<p><i>Нова</i></p>			

Клировая ведомость,
1916

I Имя, чина или звание, должность, имя, отчество, фамилия, отца и мать: когда и чем награжден и какими почестями содвинута? По какому и по какому источнику, и какому номеру.	II В каком звании проходил.	III Весь ли он действительный: от какого и какому и какому званию.	IV Где получал образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил службу: куда проходил и проходил ли собственные должности.
<p>Ремесленник Алексей Викентьевич Кудряков 1871 г.</p> <p>№ 1 карта погоста содержания 100 руб., отб. прихода 100 р.</p> <p>№ с петербургского по напечатанна 24 руб. Всего около 22 руб.</p>	<p>№ 1 Удольная</p>	<p>№ 1 Удольная</p>	<p>№ 1 отомаский мурас в Петербургском Дубовом Училище обученный со малолетства в Черемной, села Шаро нова - Косова, церкви Светицбургского Удольного 1916 1917</p>
<p>— Косова —</p>			

Клировая ведомость,
1916

					
А	Б	В	Г		
Опись, чина для земли, должность, имя, отчество, фамилия, лета в роки: когда и чьем награжден и сколько подвигств содвинута по назван и по другим личностям, и какою именно.	Из какого звания проиходит.	Есть ли по должности или по чину: для чего, и какою именно.	Где получена образование и школьная ли полная школа, каких в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил службу: какия проходил и проходил обязанности.		
<p><i>Черновский</i> староста, издвинута при <i>Василии</i> Иванице Сидорове</p>	<p><i>Удв</i></p>	<p><i>Черновский</i> по чину <i>длин.</i></p>	<p><i>В селенной школе.</i> <i>Состоит в должности</i> <i>Черновского старосты</i> <i>при Успенской селенной</i> <i>Шарашова Ивана,</i> <i>Черновки, Звенигородской</i> <i>уезда со</i></p>	<p>Годы</p>	<p>Вспомощи и чина.</p>
		<p><i>Черновки</i></p>			

Клировая ведомость,
1916

93

б	б	в	г	д	е	ж
Был ли он похолоду против непричаста и не бывае преступае, и когда обвинен: было ли наказу Сироваце по речной или Шанич.	Помирался ли кому. Заключил по еб. и заключил вичню. Или не состояе ли год ссудителем или с доле.	Был ли он отбывае, куда и на сколько времени времени: заключен ли за время и еще произошло, что когда вышло излага. и куда и почему произошло перемена в заключение.	Был ли за ште. том, был ли и что, и из которого по какому времени брла.	Холост ли не. Был ли похолоду не состояе: или жена и или ро. жана чинил и мить: где кто находится.	Кто кому не какому соизве.	Физична виченни. tenuta надора и по. вадил: каково: пор. ково: почему: не на что виченна. со. оштенна для вичи: каковы найдены.
<p style="font-size: 24px; margin-top: 0;">Не был</p>	<p style="font-size: 24px; margin-top: 0;">Не похва рил не похва рил не похва рил</p>			<p style="font-size: 24px; margin-top: 0;">Холост</p>		
<p style="font-size: 24px;">Умираю</p>						

Клировая ведомость,
1916

III.
ВѢДОМОСТЬ Ѡ ПРИХОДѢ.

Въ какомъ звѣнѣ прихожане и въ какихъ мѣстахъ и сколько гдѣ лица иноверныхъ и инославныхъ исповѣданій, старообрядцевъ и сектантовъ.	Число домовъ или хозяйствъ.	Число душъ.		Въ какомъ разстояніи отъ церкви, и мѣта ли прелѣтѣлой въ соопеціи.
		Мѣст.	Жѣн.	
Въ селѣ <i>Шарановъ</i>	62	154	191	При церкви.
„ дѣревнѣ <i>Григорьевъ</i>	29	102	108	Въ 4 верстахъ.
„ „ „ <i>Шарановъ</i>	15	48	47	„ 3 „ „
„ „ „ <i>Хетурейское</i>	19	40	46	„ 2 „ „
„ „ „ <i>Машонкино</i>	10	33	26	„ 2 „ „
Итого въ приходѣ . . .	135	377	412	
Въ томъ числѣ: дѣшевыхъ		5	4	
дворянъ				
мѣщанъ		4	8	
крестьянъ		359	400	
Кромѣ того, въ предѣлахъ прихода имѣются жиѣтельско: иноверцевъ (евреевъ, магометанъ и дрѣгихъ)				
инославныхъ				
раскольничевъ (сколько какого тѣла)				
сектантовъ (какой сколько секты)				
Итого	135	377	412	

Клировая ведомость,
1916

Священникъ Александръ Зоринъ
Псалтирщикъ Александръ Чирковъ

1164
 Реше^не Ею Превосходительству
 Государству Московскому Губернатору

Губернатору
 «Народный Дом» в с. Шарашово, Шарашовской волости Звенигородского уезда.

Уведомление

Представляю при сем, согласно ст. 22 Высочайше утвержденной 4 марта 1906 г. Гражданских прав с союза и обществах, два экземпляра проекта устава общества «Народный Дом» в с. Шарашово, завершенного нами, квитанцию Государственного казначейства с внесенными на принятие объявления об образовании общества в Самарскую губернию и Пензу в размере 3 рублей на принятие объявления в Губернских Ведомствах, по которой прошу внести этот устав в Губернское по делам обществ присутствие для надлежащей регистрации общества.

Согласно ст. 18 вышеуказанных Гражданских прав 4 марта 1906 г., доводя до сведения Вашего Превосходительства, что целью учреждения общества «Народный Дом» является доставление помощи с. Шарашова и наименованных в § 3 деревень и селений образовательных и других развлечений; районы действия общества распространяются на Шарашовскую волость; поручить избрание совета, а также законодательств совета и порядок формирования и выборы членов уполномоченных статей принятого при сем проекта устава общества. Имеется девять =

Дело о регистрации устава «Народного дома» в Шарашове /ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 500

сотни сорок пятого года февраля итаца 15 днѣ.

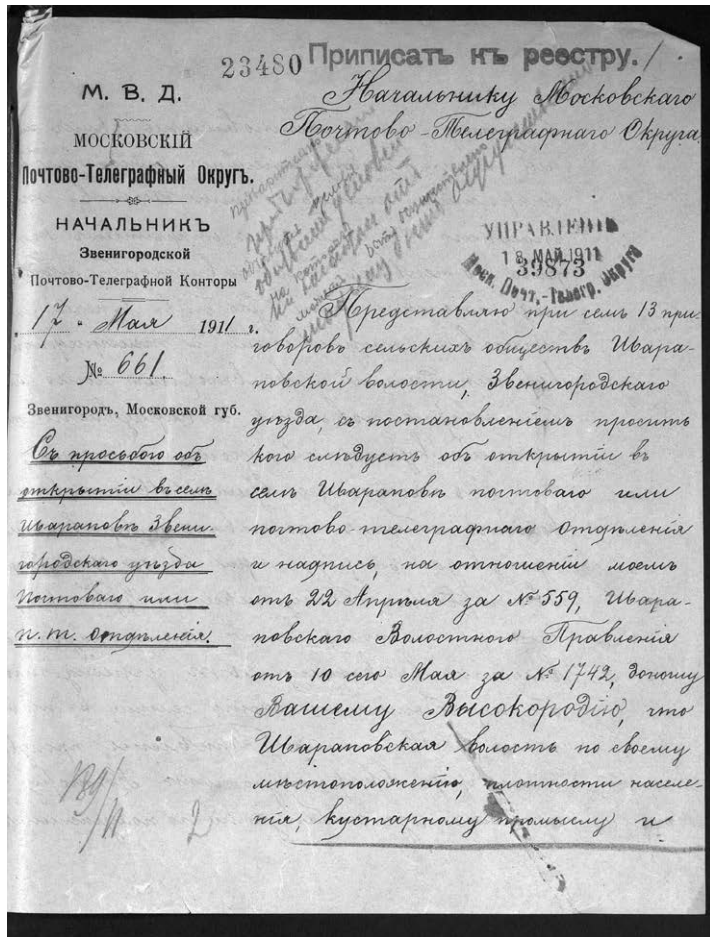
Присутствіи Общества Народногъ Дома въ селѣ Шарповѣ
Звенигородскаго уѣзда: Интеллигенца Шарповскаго Земскаго
уѣзда Союзства Николаевича Смирнова, Села Шарпова, Успенской церкви, священника Дмитрія Николаевича
Зверева, Пресвятыя Николаевскаго уѣзда Успенской волости:
деревни Мартынова Степаномъ Степановичемъ, Александромъ Григорьевичемъ,
и Василиемъ Николаевичемъ Гришинымъ.

Я, нижеподписавшійся, удостоверяю, что предстоящія предъ симъ
подписи сдѣланы собственноручно, въ присутствіи моемъ, Петра
Веніаміновича Колоколова, Звенигородскаго Нотаріуса, въ кон-
рѣ моей на Дворянской улицѣ въ домѣ Пискарева, лично мнѣ из-
вѣстными и къ совершенію актовъ законную правоспособность
имѣющими: учительницею Шарповскаго Земскаго училища, Звени-
городскаго уѣзда, Елизаветою Алексѣевною Смирновой, священни-
комъ Успенской церкви села Шарпова, того же уѣзда, Алексѣ-
емъ Николаевичемъ Звѣревымъ и крестьянами Звенигородскаго
уѣзда, Шарповской волости: деревни Мартынова Степаномъ Се-
новичемъ Казенновымъ и деревни Пронской Василіемъ Николае-
вичемъ Гришинымъ, живущими: Смирнова въ означенномъ училищѣ,
а Звѣревъ, Казенновъ и Гришинъ въ означенныхъ селеніяхъ въ
своихъ домахъ. Февраля 15 днѣ 1917 года. По реестру № 46

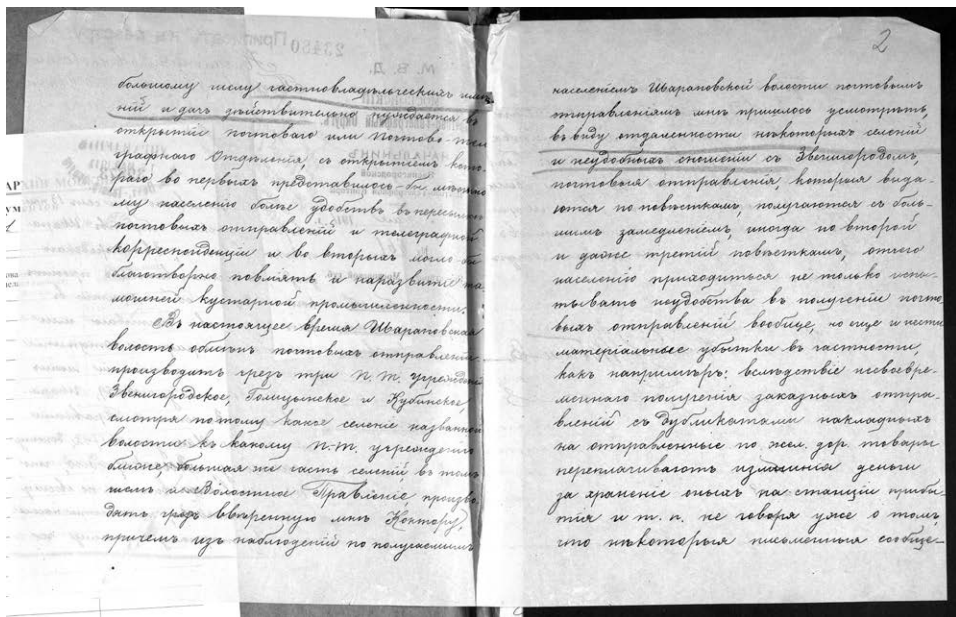

Нотариусъ П. П. Колосовъ

Дело о регистрации устава
«Народного дома»
в Шарпове /ЦИАМ. Ф. 64.
Оп. 1. Д. 500

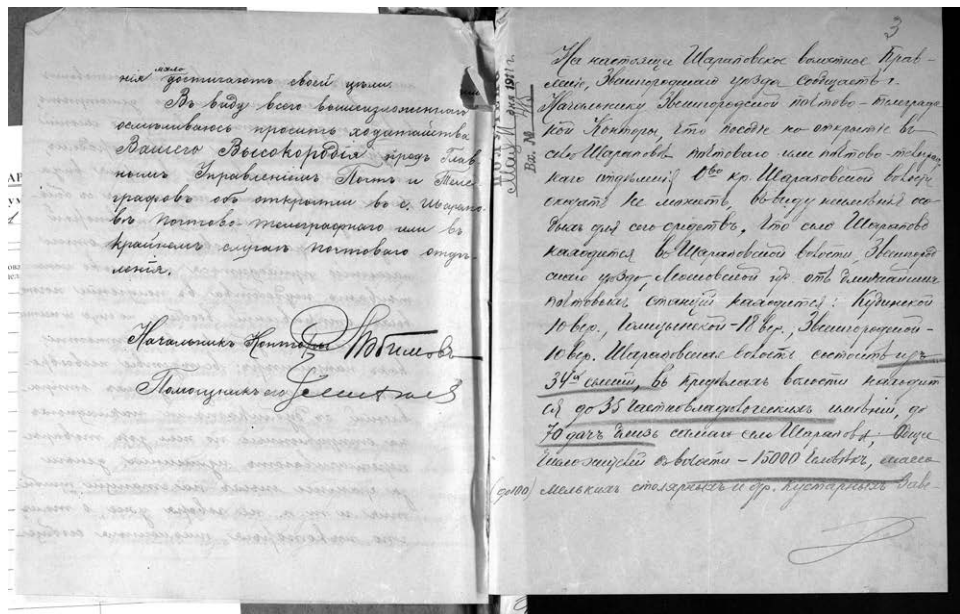

Дело об открытии
почтового отделения
в Шаранове/ЦИАМ. Ф. 793.
Оп. 1. Д. 916

большому числу частных владельцев и
 ний и для удобства перевозки в
 откритый потовый или потовой та-
 графический отгоним, со откритым кон-
 траем во первый представляется в шесте
 му населению отчасти дробство в посылке
 посылки отправления и телеграфной
 корреспонденции и во второй отчасти в
 перевозке посылки и паравозной ма-
 шинной кузнарной промышленности.
 В настоящее время Успенская
 контора единично посылки отправления
 производится через три п.т. участка
 Виноградской, Бондюжской и Кудинской
 конторы по тому как в селении набранной
 конторы в контору п.т. удерживают
 единично отчасти же часть селений в та-
 шинной промышленности. Сравнение произво-
 дит через вверженную или Костромскую
 контору из наблюдений по получившимся

2
 населением Успенской конторы посылки
 отправления или пришлось усилиться
 в виду отдаленности некоторых селений
 и неудобствам отправления со Виноградской,
 посылкой отправления, который выга-
 жет на перевозку, полагается с со-
 шинной дробности, иногда по второй
 и даже третьей посылкам, отчего
 население приходится не только воз-
 тавлять неудобства в посылке перво-
 вича отправления вообще, но еще и отчасти
 материаломе удобства в частности,
 как например: вследствие неважно-
 стного получения заказанных отпра-
 влений со дубинками паклированных
 на отправления по тем дорожникам
 перемашиваются удлинеными делами
 за хранения отчасти на станции отчи-
 стая и т.п. не говоря уже о том,
 что некоторые из доставляемых сообще-

Дело об открытии почтового отделения в Шарашове/ЦИАМ. Ф. 793. Оп. 1. Д. 916

24 Копия

Получено 31го Декабря 1911. Вх. № 98569.

М. В. Д. Никитинку @ Московского
 Московского Почтово-телеграфного Округа
 Цувернатора,
 по канцелярии
 Декабря 28 дня 1911.
 № 26168.

Вспомогательное отделение от 29 -
 Октября сего года за № 47895 сообщено Вашему
 Высокоородию, что владения в Ша-
 рапове на расстоянии от 2 до 10 верст
 находятся 32 семьи Шапаровской волости
 со средним количеством до 8000 голов скота, на
 скотине замечается присутствие
 хушаринской болезни скотины: гусавицы
 португальской энцефалитис и пр., вероятно

Дело об открытии
 почтового отделения
 в Шапарове/ЦИАМ. Ф. 793.
 Оп. 1. Д. 916

производства достигаются 200000 р. в год.

Во семье Уришикова, Никольского
 и Гасовича скотины аршарки среднего стада
 до 4500 руб. Ближайшее к селу Шапаров
 почтовое отделение находится в 10 верстах.
 Звенигородское отделение в 10 верстах.

Открытие в Шапарове почтового
 отделения является основным делом.
 Подписи: М. В. Д. Цувернатора
 Вице-Цувернатора Н. Управлений
 Канцелярии Канцелярия-Викара Высокоородия
 Двора Н

С Подписи Варно:

Помощи. Отправительница Селиванова

44

ВЪДОМОСТЬ

мебели и вещей для почтового дѣлопроизводства, необходимыхъ для предполагаемаго къ открытію почтоваго отдѣленія въ с. Шароповѣ, *Вятинской губерніи, Мокшанскаго уѣзда, Мокшанскаго губерніи.*

№№ по порядку.	Наименованіе мебели и вещей.	Колп-чество.	По цѣв.		На сумм.		
			Р.	К.	Р.	К.	
А. Подлежать высылкѣ изъ запаса склада Управления Округа:							
1	Револьверъ системы „Нагана“ съ комплектомъ патроновъ	2					
2	Чушка	2					
3	Шнуръ	1					
4	Поясной ремень	1					
5	Шанка новаго образца съ принадлежностями	1					
6	Сумокъ } 11 вершковыхъ	2					
			} большихъ	1			
					} бѣлой кожи	2	
7	Хощевыхъ мѣшкочъ	1					
Б. Подлежать заготовкѣ:							
8	Икона съ лампадой въ кѣлтѣ	1			2	45	
9	Портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА	1			11	80	
10	Печать для пасеки и документовъ	1			1	90	
11	„ „ страховыхъ почт. отправленій	1			1	90	
12	„ „ частныхъ	1			1	25	
13	Календарные штемпеля размѣромъ въ діаметрѣ 29 и 27 м.м.	2	6	-	12	-	
14	Доплатный штемпель	1			2	-	
15	Щипцы для пломбъ	1			8	80	
16	Столвые вѣсы на 5 кило	1			12	-	
17	Къ нимъ мѣдный дробный фунтовикъ	1			-	90	
18	Дослѣточные вѣсы на 1/2 пуд. съ разновѣсомъ	1			31	75	
19	Къ нимъ комплектъ чугуныхъ гирь отъ 1 до 1/2 фунт.	1			2	80	
20	Выписка „Почтовое Отдѣленіе“	1			2	25	
21	Наружный желѣзный почтовый ящикъ	1			5	80	

Дело об открытии почтового отделения в Шаропове/ЦИАМ. Ф. 793. Оп. 1. Д. 916

№№ по порядку.	Наименование мебели и вещей.	Количество.	По цѣв.		На сумму	
			Р.	К.	Р.	К.
22	Къ нему 2 внутреннихъ холщевыхъ мѣшка	2	1	70	3	40
23	Шкафъ желѣзный (съ пересылкой)	1			59	—
24	Лампа форменная	1			5	—
25	Часы стѣнные круглые	1			6	50
26	Подсвѣчник	1			—	60
27	Плавательница	1			—	40
28	Стулья вѣнские	6	3	15	18	90
29	Шкафъ для дѣтъ, фанерованный дубомъ, выс. 2 $\frac{1}{2}$ арш., шириною 2 арш. и глубиною 12 верш.	1			40	—
30	Такой же шкафъ съ 20 мѣтками для хранения почтовыхъ отправл., выс. 2 $\frac{1}{2}$ арш., шир. 1 $\frac{1}{2}$ арш., глуб. 10 верш.	1			25	—
31	Столъ письменный дубовый, длин. 2 $\frac{1}{2}$ арш., шир. 1 $\frac{1}{2}$ арш.	1			14	—
32	Такой же столъ, длин. 1 арш. 11 верш., шир. 1 арш. 2 верш.	1			12	—
33	Почтовый ящикъ изъ цѣльнаго дуба для опусканія писемъ, выс. 10 верш., шир. 7 верш. и глуб. 6 верш.	1			10	—
34	Чернильница на мраморѣ	3	1	—	3	—
35	Прессъ-бювары	2		30	—	60
36	Ножницы канцелярскія	1			1	—
37	Ножъ перочинный	1			—	59
38	Счеты конторскіе	1			1	—
39	Личейка	1			—	12
40	Накладная сѣтка для отправки " " " на уѣздовку и пересылку	—			2	15
	Итого	—	—	—	260	95

Подпись Начальник Окруж. Менеджер

Секр. Директор-производитель Швабе

Секр. Помощн. Директор-производитель Самсонов

Дело об открытии
почтового отделения
в Шаропове/ЦИАМ. Ф. 793.
Оп. 1. Д. 916

97

М. В. Л.
Начальник
Московского
Почтово-Телеграфного
Округа.
" 1916 г.
№ 10335
г. Москва.

Срочно
Временному Главному
Почтово-телеграфному Чиновнику
Областной Государственной
Кассы в Сергиево
Машино
[Александровской]

Съ разрѣшенія Главнаго Управленія Почтъ и
Телеграфовъ въ с. Шараново, *Владимирской губернии*,
открывается почтовое отдѣленіе со штатомъ изъ Началь-
ника, чиновника VI разряда, почталіона съ окладомъ
300 руб. и сторожа 100 руб. въ годъ.
Означенному отдѣленію присваивается наиме-
нованіе "Шараново".

Помѣщеніе для названнаго отдѣленія съ квар-
тирами для Начальника и сторожа застра-
ховано на 1000 руб. въ годъ
за площадь по 450 руб. въ годъ
у Кр. Шереметевской.

Требуются перевозчики
почты на 1 годъ со
денежнымъ вознагражденіемъ
за площадь 480 руб. въ годъ
у Кр. Шереметевской.

Всѣ расходы по содержанію отдѣленія будутъ
отнесены на средства казны

Платежи по содержанію отдѣленія будутъ про-
изводиться Начальникомъ *Срочно* почтово-
телеграфной кассы, въ распоряженіе котораго будутъ
отпускатся соответствующіе кредиты. Отъ него же бу-
детъ получаться содержаніе себя и чинамъ и авансы на хо-
зяйственныя нужды.

Предназначивъ Вася Начальникомъ означеннаго
отдѣленія, поручаю Вамъ, тщательно ознакомившись съ
циркулярами по Округу отъ 19 Августа и 1 Января за №
№ 48479 и 75692, немедленно отправиться къ мѣсту назна-
ченія и по полученіи необходимыхъ принадлежностей для
производства почтовыхъ операцій открытію почтового
отдѣленія исполнять обязанности.

1. Пріемъ и выдачу почтовыхъ отправленій
производить въ сроки, указанные въ объявленіяхъ, кото-
рыя должны быть вывѣшены въ рамкахъ за стекломъ на
видныхъ для публики мѣстахъ: одно въ помѣщеніи отдѣле-
нія, а другое въ корридорѣ при входѣ. Если представятъ
ся случаи принять или выдать почтовыя отправленія въ

189
11

Дело об открытии
почтового отделения
в Шаранове/ЦИАМ. Ф. 793.
Оп. 1. Д. 916

неуказанные въ объявленіи часы, въ особенности для прѣзжающихъ изъ отдаленныхъ мѣстъ корреспондентовъ, то для удобства ихъ произведите и то и другое.

2.- Направленіе почтовыхъ отправленій произведите согласно списку учреждений почтово-телеграфнаго вѣдомства и существующихъ на это правилъ и указаній.

3.- Примите къ точному руководству Постановленія по почтовой и телеграфной частямъ и такъ же сборовъ за посылки, узлы, переводы и частныя услуги.

4.- Обмѣнъ почтъ произведите *согласно правилъ*

5.- Съ открытіемъ отдѣленія установите приемъ телеграммъ порядкомъ, указаннымъ въ циркулярѣ Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ отъ 20 Мая 1909 года за № 50.

Предварительно явитесь къ Начальнику *Александровъ* почтово-телеграфной конторы за полученіемъ необходимыхъ указаній.

Шариповъ почтовое отдѣленіе въ ревизіонной и подотчетной кассовой отношеніяхъ подчиняется *Александровъ* почтово-телеграфной конторѣ, Начальнику которой Вы обязываетесь представлять почтовые сборы, переводныя суммы, отчетность, книги и докуманты. Изъ той же конторы выписывайте знаки почтовой оплаты и подкрѣпленія переводныхъ суммъ, отсылая туда излишки послѣднихъ.

О назначеніи чиновника и почтальона послѣдуетъ особое распоряженіе, а при наймѣ сторожа руководствуйтесь циркуляромъ по Округу отъ 19 Мая 1908 года за № 12.

Объ открытіи почтоваго отдѣленія сообщите Начальнику ближайшаго почтово-телеграфнаго учрежденія для донесенія имъ по телеграфу.

Часть казеннаго имущества, необходимыхъ книги и бланки Вы получите теперь же отъ Начальника *Александровъ* почтово-телеграфной конторы, все же остальное будетъ высылаться по мѣрѣ заготовки.

При недостаткѣ разнаго рода бланковъ, канцелярскихъ и упаковочныхъ матеріаловъ и принадлежностей Вамъ надлежитъ просить заимобразно таковыя изъ ближайшихъ учреждений.

Копіи необходимыхъ циркуляровъ и другихъ распоряженій просите изъ начальственной конторы.

Содержаніе по должности Начальника Отдѣленія Вамъ будетъ производиться по отдѣчѣ приказа о назначеніи, со дня открытія отдѣленія.

Приложеніе: 2 объявленія, 2 расписанія

Подпись
За Начальника Округа

Мод. Шариповъ
Дѣлопроизводитель

Помощн. Дѣлопроизводителя

Дело об открытіи
почтового отделения
в Шарипове/ЦИАМ. Ф. 793.
Оп. 1. Д. 916

1883/5 Фев. 1899. Копия стария рас-
сказа.

Священного Государственного
Синода (всех), Высочайше повелением
иному Монаршу, Митрополиту Мос-
ковскому и Коломенскому и Свято-
Троицкия Лавры Священно-Архимандриту
и разным епархиям Монаршу.

№ 9848
378
7. Ма 1899

Московской епархии, Императорскому
указу, села Носова Землемер-
ской епархии, священно-указом со-
ветом, указом старости
и приходами.

Востановительное приращение.

Ваше Высочайше повелением, Велики-
мостительный Государственный, древнейший
храм наем, построенный насаде тмю
известна епархия и священно-указом Мона-
ршу Митрополиту Московскому и Коломенскому
и Свято-Троицкия Лавры Священно-Архимандриту
и разным епархиям Монаршу. Востановительное
приращение и продолжение Епархиями во
имя во непереломительном времени
будет не возможно. Не имея остатка
всех Епархия и епархия приращение по ка-
кому либо другому приращению, или Священно-
указом священно-указом, старости и прираще-
ние, возращение и приращение и приращение с Вашим

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шарاپово
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

Архангельского Епархиальнаго суди-
ща при деревне Шарпавой волости
Калининской губернии съезда приходов
и окладных окладовъ Волости Шарпавой
Матери, Давидши Свирдянухи Евдокимовне
и Евдокимовне Никольны Любовиной. При-
шли къ участковому зданию при деревне
Шарпавой, и на при села Носово сдѣлающаго:
1. Въ деревне Шарпавой каменная часовня на
полюсѣ, находящаяся въ прошломъ году
и время тоу въ ней каюкъ никто входить
не могъ, сѣмъ правымъ и удобнѣмъ благоустроена
дѣлава. 2. Таюкъ каюкъ въ село Носово на ка-
ленѣ крестьянская постройка часовня Пре-
свѣнно-святительская не шибко и вре-
мя тоу каюкъ не шибко, и благоустроенно
на каюкъ дѣлава, таюкъ и шибко сѣмъ
таюкъ не воста ишшоу быть въ благоустрой-
3. Въ селѣ Носовѣ часовня при осн-
жденной деревнѣ, урочная земля входить
свѣдѣна съ онымъ и съ участковымъ сѣмъ
дѣлава-судимости, шибко и шибко
сѣмъ пошроста крестьяне оспирова-
таюкъ. Часъ шибко, и благоустроенно и
пошроста оной-будетъ быть священно-
судимости не благоустроенно и шибко
дѣлава. 4. Вместо дѣла пошроста часовня
въ деревне Шарпавой шибко дѣлава и при

2
 много именно в конуре селения. 5. На
 постройку предпринимается здание по
 техническим чертежам постройщика Клим
 тина 8824 руб. срублен, для потолка
 этого помещения дана одна шпатель
 содержащая шпатель. Предвидя сумму по
 сметке в Александринском Государственном
 банке по выписке книжки за 1786го
 65 руб. означенная или дарава сумма 1го
 внутреннею записи в серии Контракта 14110
 и книга 129. стеной по выписке книги
 259 руб. означенная в количестве при дарава
 15 руб. Контракт согласно приговору крестьян
 с-ра Мокшанской сельской общины погребована
 2000 руб. бумага 30 руб. став на сумму 435 руб.
 и 50000 купила на сумму 550 руб. бумага
 и др. Мокшанской и с-ра Штуровской по 50
 100 руб. погребована Мокшанскими 10
 копеек Заводскими Иванами Семеновыми
 Копеек 50000 купила на сумму 550 руб.
 Мокшанской с-ра Штуровской 5го Штуров-
 скими 200 руб. Александринскими Мокшанскими
 Иванами Семеновыми 100 руб. купиланскими
 др. при Штуровской федерации Штуровскими
 содержащими думскими Старыми 150 руб.
 с-ра Штуровской Штуровскими 150 руб. Па-
 сажо Александринскими 50 руб. купиланскими др.
 Штуровской Александринскими Штуровскими
 купиланскими в количестве селения содержащими
 дарава тех стеной сараю 150 руб. и

Дело о постройке каменного
 храма при деревне Шарипово
 прихода села Носово
 Звенигородского уезда/ЦИАМ.
 Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

14.

№ 450 / 17 Сент. 1879 г. Императору.

1879 года Сентября 7го дня По указу
Его Императорского Высочества, по
ковская Духовная Консистория осу-
щала дело, о постройке каменного
храма при деревне Шарповой при
хода села Носова Звенигородского уез-
да.

№ 2135

4 Сентября 1879 г. А. Максимов
Консистория Звенигород.
№ 285
22 Сент. 1879

Приказавши: изъ дѣла суди-
ти: в Чепиковой, села Носова,
церкви священнослужителю-
аккурнтнымъ со старостою
церковнымъ и прилежанамъ
ми въ прописанн. обѣщанномъ,
что дѣшевиной хранимъ, съ
построенный камаде талу
дѣлать, сътѣ, во имя Чепикова
Пресвятыхъ Богородицы при-
шавъ въ величество и продал-
ство Богослуженіе въ наль
въ непродолжительномъ вре-
мени будетъ не возможно.
Не малая остатова, съ хра-
ми и сътѣ прилежанамъ
къ камаду, сътѣ, тѣралу,
приводу, они малують со-
ручить при деревнѣ Шар-
повой тоюю каменной
храмъ съ трамѣ прихода
ми: а, во имя Чепикова

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шарпово
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

О постройке каменного храма при Шарповой
деревне при деревнѣ Шарповой при-
хода села Носова Звенигородского уезда
Приказъ консисторіи отъ 4 Сентября 1879
г.

жной Матери, в Волвь сора-
 блицы Зарюги и в Све-
 тилье Николая Судово-
 ца. Примины въ централь-
 ну грама при деревни Ше-
 раловой, а не при селѣ Но-
 совѣ сѣдующія: 1, въ дерев-
 ни Шераловой бывшая
 гатье прилежанъ, не тамъ
 въ прошлы сасеніе приле-
 жу и край того въ ней
 есть первые и усредные
 благовѣстиямъ церкви,
 2, тамъ какъ въ селѣ Носовѣ
 какакимъ крестьянскимъ
 построено, край свѣцок-
 моуерковноауригитальскимъ
 пишется и оное округе
 ное сѣсанъ, а сѣдоватае,
 но какъ самая церковь,
 такъ и свѣцокмоуерковноауригиталь-
 ми не всегда можетъ быть
 въ безопасности, 3, въ селѣ
 построены грама при сѣ-
 лавенной деревни, церковь
 какъ тамъ будетъ сѣванъ
 на сѣ ованъ и сѣ чадъ бою
 свѣцокмоуерковноауригиталь-
 ской, мауцено отъ стисъ
 согласно приговору крестья-
 нъ и названіе оной

Дело о постройке каменного
 храма при деревне Шаралово
 прихода села Носово
 Звенигородского уезда/ЦИАМ.
 Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

но, а чтобы исполнить все
желание, они крестьяне де-
ревни Шерановой съобщаго
всех сосисие постановили:
1, пожертвовать изъимъ изъ
ншихъ средствъ двѣ тысячи
рубъ сереб., каковыя деньги
обязываются употреблять въ
продолженіе постройки хра-
ма не далье какъ въ теченіи
3^х мѣствъ; 2, все сельской мате-
риаль какой можетъ потре-
боваться для церкви обязыва-
ются представить безъ-
возмездно; 3, обязываются вы-
ставлять по требованію
церковнаго старосты или
строителя церкви, поводы
для повозки въ мѣсто по-
стройки кирпича, бѣта, ка-
мня и все потребной ма-
териаль при сооруженіи гур-
населеннаго храма; 4, для
постройки храма и строе-
ній церковнослужительскій
предоставляютъ въ главное
безъвозмездное распоряженіе
двѣ десятины земли, 5, даль-
нѣе пріята обязываються пе-
ренести изъ селъ Носова въ
деревню Шеранову на свой

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шарипово
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шаралово
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

17

систе, бывшая впервые переимено-
вана и определена промко и
полнотой в том же раз-
мере, который существует
в настоящее время. С одной
стороны грама избралась
крестьянина Алексея Ава-
насова, который поворонил
первоначальное и в настоящее
время назначенный бюджет сто-
имости и в настоящее время, в
том же за него и рублиются.
Затем крестьяне деревни
Мартыновской села Яст-
ребово и села Стрельни-
цы с одной стороны на соору-
жение первоначального хра-
ма при деревне Шарало-
вой изъясняют на несо-
вместимости и при этом
важно исполнить в то же
время 3^е пункт настоящего
приговора относительно
не вставили подводу для
перевозки материала к мес-
ту постройки церкви и
не зависимо от этого на-
вредить одновременно на
сооружение грама по пе-
тисидеати рублей сорок
Примечание сего записки и за-

вой видности за 1871 году
о церкви Чепенской, состав
израи въ село Носово Звениго
родского уезда каменная
построена тогда и кость
неизвестно; престолъ въ
ней одинъ, зданіемъ дере
вянная, съ такою же
капеллою, крышка и
покрыта жалюзие, фье
ровъ при сѣ церкви 20,
дуть муръ пазъ 289, мен.
30, въ тѣмъ шашъ въ дерев
нѣ (Шарановой) фьеровъ 5,
дуть муръ пазъ 150, мен.
190. Преподствій въ соот
ствии пать. Деревня Ше
ранова расположена отъ
Чепенской церкви въ 2 верстахъ.

В. Указомъ Святейшимаго
Синода отъ 25го Августа
1865 года вѣдминистрация.
Арміралиа предоставлено
право самимъ разрѣшать
постройку, перестройку
и распространение собор
ныхъ, монастырскихъ,
приводскихъ и кладбищен
скихъ церквей въ городовыя и
селенныя мѣстности стѣмъ

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шараново
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шаралово
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

1866

Копию прините с. шаралово:
Копию из дьяка видно: что
существующая в сале Но-
совъ Звенигородскаго уезда
деревянная во имя Члениа
Божия Матери, церковь при-
шла в ветхость и прода-
нъ въ собственность въ ней
въ непродолжителномъ
времни обреть не возмо-
жно; Я, прима, церковной
староста и приимане
оказанной церкви просахъ
дозволить мнѣ построити
новую каменную церковь
преставленно во имя Чле-
ниа же Божия Матери
церковь при деревни Ше-
раловой, З. мѣстности
Благоуимной села Карим-
скаго священникъ Александръ
Орловъ донесъ, что земле-
уступительная крестьяна-
ми деревни Шараловой,
батье дьякъ Федотинъ под
постройку новой камен-
ной церкви подъ запрете
нравъ некалодитнае и
мѣсто дѣя построение
оной церкви и приимане
тѣмъ на предлагаемую

1906

было произведено во всем
согласно с одобренным
планом под надзором
теника, имеющего на
то законное право, и
под наблюдением ильот
наше в. священника и с
подтверждением, что об-
решить и отирости цер-
ковный Чепомской, села Но-
сова, церкви под предсе-
вом сей постройки не
успелись на в. в. в. в.
в. от процитированного
взноса на содержание бу-
хвалы-уездного заведения.

II. Уездного промонта
нами села Носова предья-
вила деревни Шараловой
Алексея Александрова что
вероятно старостам, по
постройке сей отмен-
ной деревни каменной
церкви.

III. Св. отирности замис
под постройки церкви и
дамов примта и с. в. в. в.
земли своей за церковью за-
конный порядок с. в. в.
уезд в. Московские Бу-
гарские Правление с. в. в.

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шаралова
прихода села Носово Звениго-
родского уезда/ЦИАМ. Ф. 203.
Оп. 450. Д. 18

Дело о постройке каменного
храма при деревне Шаралово
прихода села Носово
Звенигородского уезда/ЦИАМ.
Ф. 203. Оп. 450. Д. 18

возможна при
команде села Носова.

II. Свидетельствуя очевид-
но церкви оставить в
настоящем виде для совер-
шения благоустройства каменной
с тем, что сам, по высту-
пкой новой каменной цер-
кви, будет наготове
разобрать деревянную
церковь, то велики обе о-
тны способы прошения.

III. Просителям на по-
стройку церкви выдать гра-
жданскую грамоту.

IV. Опись для совершения
по принадлежности с
возвращением плана по-
дать графам мѣстному
Блаженному.

Итаменский Архимандритъ Сергій.
Высочайшее Духовенство Григорій.

Сиротки Монахи

Протависей, поръ Борису дериби Матвеевъ Франкъ
Родосеиависей

-Планъ

Людъ. 10 Сент.

№ 22.27

Жители в с. Шараново Звенигородского уезда Московской губ.

Звенигородского уезда

№ инв.	Содержание вещей	Кол-во	Описание
1	1 пр 1/3	1 одна	Портретная медаль серебряная
—	—	1 один	Портрет серебряный
—	—	1 один	Плоское серебряное изделие
—	2 пр 63	2 две	Портретная серебряная медаль
—	—	1 один	Крест серебряный
—	—	1 одна	Звезда серебряная
—	—	1 одна	Лепесток серебряный
—	4 пр 1/3	4 четыре	Кресты серебряные
—	1 пр 1/3	12 двенадцать	Лепестки серебряные
—	2 пр 4/3	1 одна	Лепесток серебряный 6 1/2 X 5 1/2 верш.
—	—	2 две	Лепестки серебряные 7 X 6 верш.

Игорь

Дань

Свящ. Антоний Зверев

П. С. Сидоров

П. М. Иванов

Опись изъятых после революции из храма ценностей

РЕШЕНИЕ

Исполнительного Комитета Московского областного совета
депутатов трудящихся

от "21" января 1941 года

№ 203

1. О закрытии церкви в с. Трубино, Щелковского района.

Учитывая, что церковь в с. Трубино бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего объявления не оказалось, - разрешить Исполкому Щелковского Райсовета церковь в с. Трубино закрыть, а здание переоборудовать под хлебопекарню.

2. О закрытии церкви в с. Эдехово, Щелковского района.

Учитывая, что церковь в с. Эдехово бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего объявления не оказалось, - разрешить Исполкому Щелковского Райсовета церковь в с. Эдехово закрыть, а здание переоборудовать под производственные цели.

3. О закрытии церкви в сел. Ивакино Уваровского района.

Учитывая, что церковь в с. Ивакино бездействует и население ходатайствует о ее закрытии, - разрешить Исполкому Уваровского Райсовета церковь в с. Ивакино закрыть, а здание переоборудовать под школу.

4. О закрытии церкви в с. Некрасово, Уваровского района.

Учитывая, что церковь в с. Некрасово бездействует и население ходатайствует о ее закрытии, - разрешить Исполкому Уваровского Райсовета церковь в с. Некрасово закрыть, а здание переоборудовать под школу.

Решение о закрытии
Успенской церкви
Звенигородского уезда/ГКУ
МО ЦГАМО Ф. 2157.
Оп. 1. Д. 2159. Л. 63-67

- 2 -

64

5. О закрытии церкви в с. Воскресенское
Ногинского района.

Учитывая, что церковь в с. Воскресенское бездействует и население ходатайствует о ее закрытии, - разрешить Исполкому Ногинского Райсовета церковь в с. Воскресенское закрыть, а здание использовать под музей, как памятник старины.

6. О закрытии церкви в с. Пересветово
Дмитровского района.

Учитывая, что церковь в с. Пересветово бездействует и население ходатайствует о ее закрытии, - разрешить Исполкому Дмитровского райсовета церковь в с. Пересветово закрыть, а здание переоборудовать под школу.

7. О закрытии церкви в с. Новый Спас,
Петушинского района.

Учитывая, что церковь в с. Новый Спас бездействует и население ходатайствует о ее закрытии, - разрешить Исполкому Петушинского Райсовета церковь в с. Новый Спас закрыть, а здание переоборудовать под производственные цели.

8. О закрытии церкви в с. Захарово,
Клинского района.

Учитывая, что церковь в с. Захарово бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Клинского Райсовета церковь в с. Захарово закрыть, а здание переоборудовать под школу.

9. О закрытии церкви в с. Ново-Шапово,
Клинского района.

Учитывая, что церковь в с. Ново-Шапово бездействует, группа верующих распалась, а новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Клинского Райсовета церковь в с. Ново-Шапово закрыть, а здание переоборудовать под клуб.

10. О закрытии церкви в с. Голяшицево,
Клинского района.

Учитывая, что здание церкви в с. Голяшицево пришло в ветхость и согласно акту технической комиссии подлежит сносу, - разрешить Исполкому Клинского Райсовета церковь в с. Голяшицево закрыть, а здание снести.

Решение о закрытии
Успенской церкви
Звенигородского уезда/ГКУ
МО ЦГАМО Ф. 2157.
Оп. 1. Д. 2159. Л. 63-67

- 8 -

65

13. О закрытии церкви в с. Троицкое,
Звенигородского района.

Учитывая, что церковь в с. Троицкое бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Звенигородского Райсовета церковь в с. Троицкое закрыть, а здание переоборудовать под клуб.

14. О закрытии церкви в с. Параново, Звени-
городского района. ✓

Учитывая, что церковь в с. Параново бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Звенигородского Райсовета церковь в с. Параново закрыть, а здание переоборудовать под клуб.

15. О закрытии церкви в с. Андреевское,
Звенигородского района. ✓

Учитывая, что церковь в с. Андреевское бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Звенигородского Райсовета церковь в с. Андреевское закрыть, а здание ~~переоборудовать под клуб~~ *использовать в качестве кладбища*.

16. О закрытии церкви в с. Никольское, Звени-
городского района. ✓

Учитывая, что церковь в с. Никольское бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Звенигородского Райсовета церковь в с. Никольское закрыть, а здание переоборудовать под школу.

17. О закрытии церкви в с. Бивальня
(Никитской) Бивляно-Лосадского р-на.

Учитывая, что церковь в с. Бивальня бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не оказалось, - разрешить Исполкому Бивляно-Лосадского Райсовета церковь в с. Бивальня закрыть, а здание переоборудовать под шоферлагерь.

18. О закрытии молитвенного дома в с.
Загряжская, Куровского района.

Учитывая, что молитвенный дом в с. Загряжская бездействует и население ходатайствует о его закрытии, - разрешить

Решение о закрытии
Успенской церкви
Звенигородского уезда/ГКУ
МО ЦГАМО Ф. 2157.
Оп. 1. Д. 2159. Л. 63-67

66

- 4 -

Исполкому Куровского Райсовета молитвенный дом в с. Запьянская закрыть, а здание переоборудовать под детсад.

16. О закрытии церкви в с. Кленово, Клинского района.

Учитывая, что церковь в с. Кленово бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего уведомления не оказалось, - разрешить Исполкому Клинского Райсовета церковь в с. Кленово закрыть, а здание переоборудовать под прочие общественные цели.

17. О закрытии церкви в с. Константиново Воскресенского района.

Учитывая хозяйственность населения о закрытии церкви в с. Константиново, - разрешить Исполкому Воскресенского Райсовета церковь в с. Константиново закрыть, а здание переоборудовать под школу.

18. О закрытии церкви в с. Рождество Уверовского района.

Учитывая, что церковь в с. Рождество бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего уведомления не оказалось, - разрешить Исполкому Уверовского райсовета церковь в с. Рождество закрыть, а здание переоборудовать под школу.

19. О закрытии церкви в с. Николо-Крутинь Истринского района.

Учитывая хозяйственность населения о закрытии церкви в с. Николо-Крутинь, - разрешить Исполкому Истринского Райсовета церковь в с. Николо-Крутинь закрыть, а здание переоборудовать под производственные цели.

20. О закрытии церкви в с. Лочинки Истринского района.

Учитывая хозяйственность населения о закрытии церкви в с. Лочинки, - разрешить Исполкому Истринского Райсовета церковь в с. Лочинки закрыть, а здание переоборудовать под клуб.

21. О закрытии молитвенного дома в с. Селиванки Дзержинского района.

Учитывая хозяйственность населения о закрытии молитвенного дома в с. Селиванки, - разрешить Исполкому Куровского Райсовета молитвенный дом в с. Селиванки закрыть, а здание переоборудовать под детсад.

Решение о закрытии
Успенской церкви
Звенигородского уезда/ГКУ
МО ЦГАМО Ф. 2157.
Оп. 1. Д. 2159. Л. 63-67

67

- 5 -

22. О закрытии церкви в с. Мокрое, Угрюмовского района.

Учитывая, что церковь в с. Мокрое бездействует, группа верующих распалась и новой группы верующих после соответствующего извещения не образовалось, — разрешить исполкому Угрюмовского Райсовета церковь в с. Мокрое закрыть, а здание переоборудовать под школу.

23. О закрытии церкви в с. Детское, Звенигородского района.

Учитывая, что ходатайство населения о закрытии церкви в с. Детское, разрешить исполкому Звенигородского райсовета церковь в с. Детское закрыть, а здание использовать под школу.

Председатель Исполкома Райсовета:

1. С предметами кумуле отозваться, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8.12.1929 г.

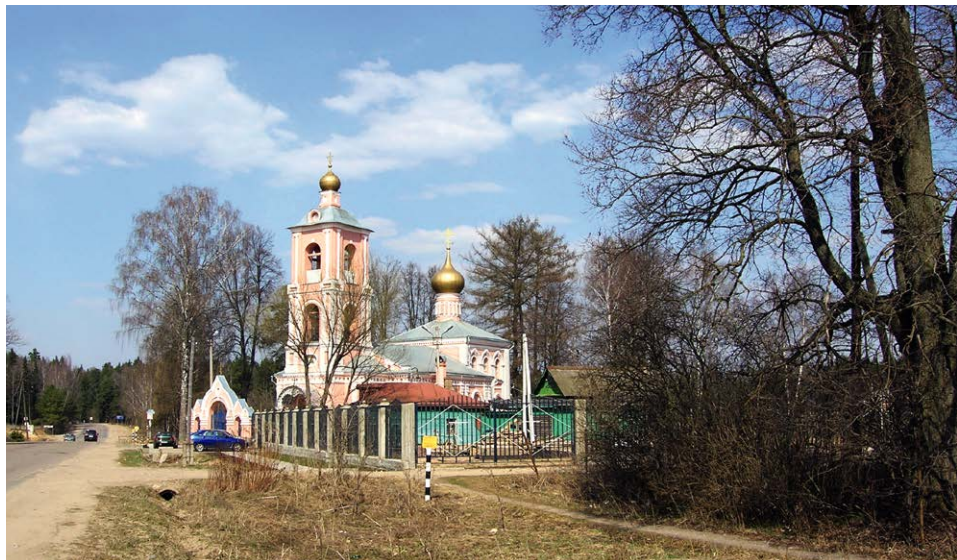
2. Настоящее решение об'явить верующим, разъяснив им порядок обжалования в 2-х недельный срок в Президиум Верховного Совета РСФСР через Исполком Моссовета.

3. Не приносить закрытия церкви вперед до получения особого извещения от Исполкома Моссовета с изложением в силу настоящего решения.

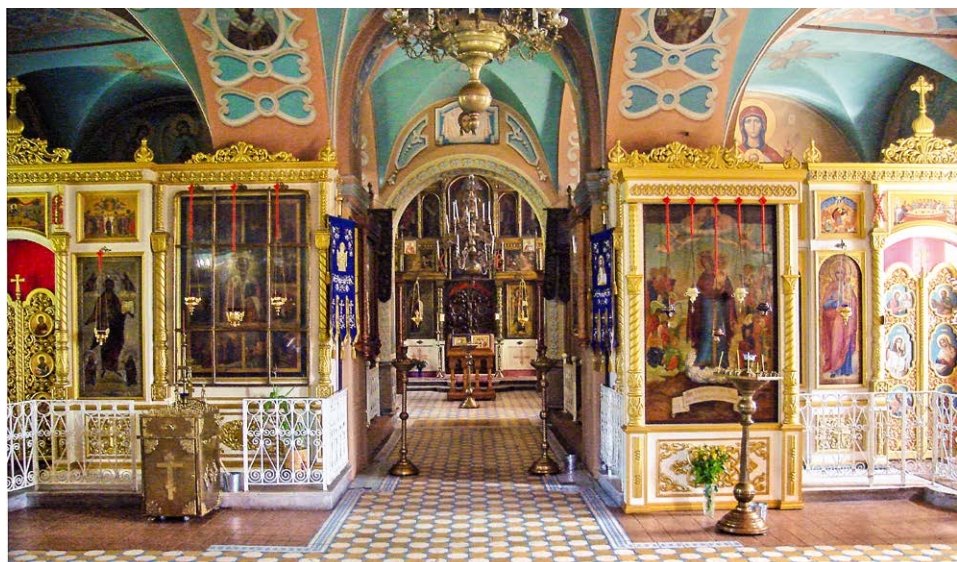
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА МОСОБСОВЕТА *[подпись]* П. Тересов

СЕКРЕТАРЬ ИСПОЛКОМА МОСОБСОВЕТА (Л. Перламуров)

Решение о закрытии
Успенской церкви
Звенигородского уезда/ГКУ
МО ЦГАМО Ф. 2157.
Оп. 1. Д. 2159. Л. 63-67

**Храм Успения Пресвятой
Богородицы села Шарاپово**

**Внутреннее
убранство храма**

**Село Шарипово. Крестный ход.
Нач. XX века**

Служба в храме

**«Язык»
от колокола-благостника**

**Священник Иоанн
с прихожанами, 2005**

**Престольный праздник,
120-летие храма, 2005**

**Праздник Успения,
2007**

Праздник Успения,
2008

Рождество Христово,
2007

**Занятие Воскресной школы,
2009**

**Рождество Христово,
2011**

У нас в гостях театр
«Живая вода»

Пасха, 2012

19 августа 2012 года

19 августа 2012 года

Пасха, 2013

День Победы,
2013

**День Победы, выступление ансамбля
«Раздолье», 2013**

**Рождество Христово,
2014**

Масленица,
2014

Пасхальный спектакль
«Повествование о схождении
Благодатного Огня»

Паломничество:
Новый Иерусалим, 2006

Паломничество:
Троице-Сергиева Лавра, 2010

Паломничество:
Бородино, 2012

Паломничество:
Шамордино, 2012

**Паломничество:
Шамордино, 2013**

**Рождественский спектакль
«Пещь Вавилонская», 2015**

Урок игры на гитаре
в Приходском доме

Пасха, 2015

Празднование 70-летия
Великой Победы, 2015

70-летие Великой Победы,
2015